
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 10 (104). Ноябрь, 2009

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 10 (104). November, 2009

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

<p>V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)</p> <p>I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p> <p>V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)</p> <p>A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)</p> <p>N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)</p> <p>I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p> <p>V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)</p> | <p>PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)</p> <p>I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p> <p>E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)</p> <p>HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)</p> <p>L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)</p> <p>A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)</p> <p>M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)</p> <p>R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)</p> |
|--|--|

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

<p>V. AKULOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)</p> <p>T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p> <p>A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)</p> <p>R. GRYÜNTAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)</p> <p>P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p> | <p>A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)</p> <p>T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)</p> <p>V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)</p> <p>V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> <p>M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)</p> |
|---|--|

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

К 70-летию начала Советско-финской (Зимней) войны 1939–1940 годов

Веригин С. Г.

Формирование и боевые действия Финской народной армии в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939–1940 годов 7

Лайдинен Э. П.

Органы государственной безопасности Карелии в Советско-финляндской войне 19

Никулина Т. В., Киселева О. А.

О «той войне незначительной...»: память гражданского населения Карелии о Зимней войне 27

ФИЛОЛОГИЯ

Старыгина Н. Н.

Человек верующий: автор и персонажи в цикле Н. С. Лескова «Рассказы кстати» 34

Тарасова Н. А.

Семантика и идеография условных знаков в черновых рукописях романа Ф. М. Достоевского «Подросток» 45

Иванова Л. И.

Крещенская баба: к вопросу о семантике и пространственно-временных аспектах образа (по материалам севернокарельской мифологической прозы) 53

Кундозерова М. П.

Антропоморфная модель Вселенной в карельских эпических песнях 62

ЭКОНОМИКА

Исаков В. А., Зекуненко Д. А.

Институты налогообложения и налоговая система современной России. Часть 2 66

Кийски А. В.

Оценка эффективности конкуренции источников тепловой энергии в городских системах централизованного теплоснабжения (на примере г. Петрозаводска) 70

РЕЦЕНЗИИ

Новикова И. Н.

Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) 75

Голубев А. В.

Рец. на кн.: Tzouliadis T. The Forsaken. From the Great Depression to the Gulags: Hope and Betrayal in Stalin's Russia 77

Линник Ю. В.

Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда 80

Вейяр С.

Рец. на кн.: Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии 82

Лойтер С. М.

Рец. на кн.: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. 84

Пигин А. В.

Рец. на кн.: Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика 90

Бабалык М. Г.

Рец. на кн.: Логинов К. К. Сборник полых этнографических опросников 93

Научная информация 95

Международная научная конференция «РОССИЯ И ФИНЛЯНДИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: 1809–2009». Приветственные слова, тезисы пленарных докладов (на русском и финском языках) 96

Юбилей

К 60-летию со дня рождения
В. Н. Захарова 112
К 85-летию со дня рождения
С. Н. Полякова 114

Информация для авторов 115

Contents 116

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 16.11.2009. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Изд. № 240

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ 10 – 00059
от 25 мая 2009 г. выд. Управлением Россвязькомнадзора по Республике Карелия.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

УДК 63.3 (4 ФН) 6

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории до-
революционной России, декан исторического факультета
ПетрГУ
verigin@psu.karelia.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФИНСКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ (ЗИМНЕЙ) ВОЙНЕ 1939–1940 ГОДОВ

Статья посвящена истории создания и боевых действий Финской народной армии в период Зимней войны 1939–1940 годов. Показано, что Финская народная армия имела не столько военные, сколько политические цели.

Ключевые слова: Финская народная армия, Советско-финляндская (Зимняя) война 1939–1940 годов

Впервые об образовании Финской народной армии (ФНА) было сказано в Декларации Народного правительства Финляндии от 1 декабря 1939 года, опубликованной в газете «Правда». Ее текст гласил: «Для участия в совместной борьбе рука об руку с героической Красной армией СССР Народное правительство Финляндии уже сформировало первый финский корпус, который в ходе предстоящих боев будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян и должен стать крепким ядром будущей Народной армии Финляндии. Первому финскому корпусу предоставляется честь принести в столицу знамя Финляндской Демократической Республики и водрузить его на крыше президентского дворца на радость трудящимся и страх врагам народа» [21]. Возглавил корпус Аксель Анттила, занявший также пост министра обороны в Народном правительстве.

Несколько дней спустя в той же «Правде» появилась «Резолюция первого корпуса Народной армии Финляндии», в которой выражалась полная поддержка Териокского правительства и решимость «до конца разгромить остатки господствовавшей в Финляндии и свергнутой ныне

власти бандитской шайки каяндеров и им подобных вроде правительства таннеров, которые всегда продавали и продают интересы финского народа иностранным империалистам и в угоду им вовлекли финский народ в преступную войну против СССР» [22].

Тексты всех документов о ФНА, как и о правительстве Куусинена, были написаны в традиционном для советской печати тех лет стиле и рассчитаны, прежде всего, на пропагандистский эффект: если не удастся ввести в заблуждение мировое общественное мнение, то хотя бы убедить советский народ относительно справедливых целей в войне против Финляндии.

Все дальнейшие публикации «Правды» продолжали формировать у читателей газеты веру в справедливость борьбы бойцов ФНА, самоотверженно сражавшихся за освобождение своего народа. В статьях и заметках сообщалось, что «бойцы и командиры – это представители трудового народа Финляндии: рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция», постоянно подчеркивалось, что каждый боец ФНА знает, за что борется, народоармейцы полны решимости «показать Маннергеймам, как умеют драться настоя-

щие финны», а «население освобожденных от белофиннов селений восторженно встречает народоармейцев» (цит. по: [14; 85]).

Такова была официальная точка зрения. Но что же на самом деле представляла собой ФНА? Очевидно, что решение о ее формировании было принято Сталиным еще до начала военных действий против Финляндии, так как за два первых дня войны создать первый корпус Народной армии было невозможно.

Финляндские и российские исследователи полагают, что политическое решение о создании ФНА принималось в Москве в середине ноября 1939 года, когда окончательно зашли в тупик советско-финляндские переговоры. Вполне возможно, что тогда же принималось решение о создании Народного правительства. Это подтверждают и архивные документы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), к которым сравнительно недавно исследователи получили доступ. 19 ноября 1939 года нарком обороны К. Е. Ворошилов подписал приказ об образовании в Ленинградском военном округе (ЛВО) особого воинского подразделения – 106-й стрелковой дивизии, командиром которой назначался А. Анттила, финн по национальности, бывший до этого командиром 147-й дивизии Харьковского военного округа. 106-я дивизия должна была формироваться в Карелии и Ленинградской области из финнов, ингерманландцев, карел, а также лиц, владеющих финским или карельским языком [12; 1].

Однако создать ФНА полностью из национальных кадров не удалось. Возможно, что такая задача и не ставилась Сталиным. Большинство высших командных должностей в ФНА занимали русские. Средний и младший командный составы формировались в основном из национальных кадров. Впрочем, по свидетельствам очевидцев, были случаи, когда на одну офицерскую должность назначались два человека – финн и инспектирующий его русский. И только в рядовом составе преобладали финны и карелы.

Надо отметить, что в Карелии уже был опыт формирования национальных воинских подразделений. 15 октября 1925 года по инициативе правительства республики в Петрозаводске был сформирован отдельный карельский егерский батальон. Его командиром стал «красный» финн Э. Маттсон. Батальон состоял из трех стрелковых и одной саперно-пулеметной роты, имел взвод конных разведчиков, взвод связи, артиллерийский взвод, саперно-маскировочный взвод, хозяйственную команду, а также команду музыкантов. Общая численность бойцов батальона в 1927 году составляла 722 человека [16; 452–453].

Рядовой состав поступал в батальон по осеннему призыву из карельских деревень, состав был исключительно финским – из Петрозаводской интервоеншколы. В рядовом составе подавляющее большинство составляли карелы (65 %) и русские (34 %), в среднем и старшем

командном составе преобладали финны (60 %). Первая рота была смешанной, вторая рота – русской, третья – карельской [16; 452–453], [20; 119–120].

20 ноября 1930 года бюро Карельского обкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О необходимости развертывания отдельного карельского егерского батальона в отдельную егерскую бригаду» в связи с усилением «угрозы войны со стороны капиталистического мира против СССР». Создание отдельной карельской егерской бригады (ОКЕБ) было завершено к концу декабря 1931 года [20; 119–120].

Однако бригада просуществовала недолго. Осенью 1935 года сменилось партийно-советское руководство Карелии и началась «борьба с финским буржуазным национализмом», провозглашенная V пленумом Карельского обкома партии в октябре 1935 года. В январе 1935 года бригаду из егерской переименовали в стрелковую, а в марте было принято решение о ее расформировании. К декабрю 1935 года ОКЕБ перестала существовать [2; 10]. Начались репрессии против военнослужащих бригады. Первый ее командир Э. Маттсон был арестован 28 мая 1936 года в Москве; последний командир Николай Кальван был расстрелян в 1938 году. Всего было репрессировано свыше 200 командиров, сержантов и рядовых ОКЕБ. Из гордости республики егерская бригада к концу 1930-х годов превратилась в «гнездо шпионов, националистов и заговорщиков» [2; 76].

На основе 106-й стрелковой дивизии по приказу К. Е. Ворошилова от 23 ноября 1939 года в Петрозаводске началось формирование Управления и частей горно-стрелкового корпуса (ГСК) ФНА. В Управление корпуса вошли: командир – комдив Аксель Моисеевич Анттила, военный комиссар – бригадный комиссар Филипп Иванович Егоров, начальник штаба – комбриг Федор Николаевич Романов, всего 33 человека. Одновременно был создан и политотдел корпуса в составе 12 человек, в их числе: начальник политотдела – полковой комиссар Владимир Петрович Терешкин, его заместитель – Федор Николаевич Григорьев, редактор корпусной газеты «Kansan armeija» («Народная армия») – Михаил Иванович Мелентьев, секретарь партбюро управления – Петр Иванович Лайтинен и др. [2; 1 об.].

Шло формирование корпусных частей: отдельного саперного батальона, батальона связи, отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, особого отдела, прокуратуры, трибунала, а также стрелковых дивизий. Оперативность выполнения приказа наркома обороны К. Е. Ворошилова о развертывании частей ФНА в ноябре 1939 года в определенной мере объяснялась предварительной работой, осуществленной ранее, в конце лета – начале осени 1939 года. Здесь возможно, на наш взгляд, связь с пактом Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 года и секретным протоколом к нему. Именно по про-

токолу Финляндия была отнесена к сфере интересов Советского Союза.

В это время (конец лета – начало осени 1939 года) в армии стали восстанавливать офицеров запаса – финнов по национальности, ранее лишенных офицерских званий и права служить в Красной армии. В воспоминаниях участников тех событий хорошо показан этот процесс.

Так, П. М. Курхинен (ингерманландец, пенсионер, проживавший в Петрозаводске) был призван в Красную армию в 1930 году, после окончания офицерских курсов проходил службу сначала в Луге, а затем в Петрозаводске в артиллерийском дивизионе карельской егерской бригады; в 1932 году по истечении срока службы был уволен в запас. Несколько лет спустя его вызвали в один из ленинградских военкоматов, где сняли с воинского учета и выдали «белый билет». Подобное было проделано со многими офицерами запаса финской национальности, формулировка у всех была одна: «из-за невозможности использовать в РККА». Однако в конце лета 1939 года Курхину вернули военный билет и восстановили в офицерском звании. В ноябре этого же года он был мобилизован и назначен командиром взвода первого артиллерийского полка ФНА [26; 290].

Что касается кадровых офицеров – финнов и ингерманландцев, то их судьба сложилась еще трагичнее: многие из них в 1935–1938 годах были арестованы и погибли в сталинских застенках. В 1939 году тех из них, кто еще остался в живых, освобождали из заключения и возвращали в армию.

В сентябре 1939 года в звании капитана Красной армии был восстановлен бывший кадровый военный Валтер Валли, арестованный летом 1938 года. В период Зимней войны он занимал должность заместителя начальника оперативного отдела штаба 1-го стрелкового корпуса. Начальник штаба 1-го артиллерийского полка корпуса Александр Кийранен, погибший в последние дни войны при взятии Выборга, попал в ФНА прямо из тюрьмы г. Минска. Полковник А. Аланнэ накануне Зимней войны был освобожден из-под ареста и сразу же назначен командиром отдельного стрелкового полка ФНА, находившегося в составе 14-й армии на мурманском направлении. Таких примеров можно привести много.

29–30 ноября 1939 года основные соединения ФНА в составе двух стрелковых дивизий (СД), сформированных в Петрозаводске, были переброшены в ЛВО и сосредоточены на Карельском перешейке в полосе действий 7-й армии (командующий К. А. Мерецков). Небольшая часть ФНА в составе одного стрелкового полка под командованием полковника А. Аланнэ была переброшена на участок 14-й армии (командующий В. А. Фролов) за полярный круг в район Петсамо со специальной задачей: после установления власти Народного правительства

в Хельсинки обеспечить охрану Финляндской Демократической Республики на финско-шведской и финско-норвежской границах. Таким образом, к моменту опубликования в советской печати Декларации Народного правительства Финляндии основное ядро 1-го корпуса ФНА действительно существовало и находилось на пути к только что занятому Красной армией городу Териоки.

Управление 1-го ГСК ФНА разместилось в Ленинграде на Фонтанке, 90; штаб корпуса – в Териоки. Еще до начала военных действий прошла экипировка бойцов Народной армии, причем здесь возник сложный вопрос: как обмундировать народоармейцев? Одевать их в форму РККА было нельзя, ведь перед всем миром было объявлено, что ФНА является армией независимой демократической Финляндии. Выход нашли: бойцов ФНА стали одевать в польскую армейскую форму, захваченную Красной армией в сентябре 1939 года в районах Восточной Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), предварительно заменив польские конфедератки на шапки-ушанки и споров шевроны с белокрылым орлом. Вот как описывался внешний вид народоармейцев в советской печати в период Зимней войны: «На них зеленые шинели и шапки-треухи из светлого меха; плечевые ремни пропущены в погоны, в петлицах на воротниках треугольники; ремни новенькие, желтые» [23], [24].

До последнего времени трудно было определить численность и организационную структуру ФНА. Финляндские исследователи писали о двух или трех дивизиях, входивших в состав корпуса и насчитывавших от 6 до 10 тыс. человек. В статье Н. и В. Барышниковых, опубликованной в Финляндии в 1989 году, назывались три дивизии – две на Выборгском направлении и одна в Суоярви [25; 22]. В книге «Зимняя война, 1939–1940: Политическая история» эти же авторы уточняют численность: «В конечном счете был образован 1-й корпус Финской народной армии в составе 1-й и 2-й дивизий, имевший два полка в каждой, а также отдельный танковый полк и авиационную эскадрилью». Общая численность созданных формирований достигла к середине декабря 18 тыс. человек [15; 183]. В романе О. Тихонова «Свидетель» приведены воспоминания кадрового военного, полковника в отставке А. М. Столярова, по словам которого в состав 1-го корпуса ФНА входили четыре дивизии: первые две дислоцировались на Карельском перешейке; третья – на северо-западе Карелии в районе Суоярви – Поросозеро; четвертая – на мурманском направлении.

Но даже сейчас, когда исследователи получили возможность познакомиться с недоступными ранее документами Российского государственного военного архива (РГВА), в том числе и по Зимней войне, сложно дать полную картину формирования и военных действий ФНА. Дело

в том, что в течение всей зимней кампании шли переформирование и переброска отдельных соединений корпуса с одного участка фронта на другой, перемещение командиров и политработников с одной должности на другую, постоянное пополнение армии за счет добровольцев (в основном финнов и карел из Карелии и Ленинградской области).

Попытаемся все же восстановить этот процесс. Как уже отмечалось выше, в начале декабря 1939 года на Карельском перешейке в полосе 7-й армии были сосредоточены главные силы ФНА: 1-я СД (командир – полковник Алексей Александрович Гречкин, комиссар – батальонный комиссар Николай Александрович Дильденкин, с середины декабря 1939 года замененный на полкового комиссара Александра Федоровича Кириллова) и 2-я СД (командир – полковник Григорий Александрович Зверев, комиссар – сначала старший политрук А. В. Киуру, затем – полковой комиссар Н. А. Замков). Один стрелковый полк (командир – полковник А. Аланнэ, военный комиссар – Н. Н. Сорокин) в составе 14-й армии находился на Кольском полуострове. В середине декабря 1939 года с Карельского перешейка на петрозаводское направление для выполнения специального задания был переброшен 5-й стрелковый полк ФНА. Вместе с ним выехал бывший комиссар 1-й СД Н. А. Дильденкин.

7 января 1940 года А. А. Жданов, О. В. Куусинен и А. М. Анттила написали письмо в адрес И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, в котором говорилось: «Кроме уже утвержденного наркомом обороны 1-го ГСК в составе двух стрелковых дивизий на Карельском перешейке просим с учетом дополнительного призыва утвердить: а) формирование на участке 8-й армии в районе Суоярви одной стрелковой дивизии; б) на участке 9-й армии в районе Ухты отдельного стрелкового полка; в) на участке Петсамо – Торнио пограничной дивизии. Одновременно просим Вашего указания командующим 8-й, 9-й и 14-й армий об обеспечении названных частей всеми видами довольствия» [10; 25].

Эта просьба была поддержана Сталиным. На основе 5-го стрелкового полка на участке 9-й армии (командующий Г. М. Штерн) в районе Пороозеро – Суоярви была сформирована 3-я СД ФНА, командиром которой был назначен подполковник Т. А. Томмола, а комиссаром стал Н. А. Дильденкин. В первой половине января 1940 года на ухтинское направление в полосу действий 9-й армии (командующий В. И. Чуйков) был переброшен батальон (позднее переформированный в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА) под командованием капитана Туоминена. В конце февраля 1940 года из-за неудачных действий подразделения Туоминен был снят с должности и заменен на Ивана Михайловича Петрова (Тойво Вякя). На мурманском направлении на участке 14-й армии отдельный стрелковый полк под командованием А. Аланнэ был переформиро-

ван в 4-ю пограничную дивизию ФНА для охраны государственной границы будущей Финляндской Демократической Республики.

Таким образом, части ФНА были разбросаны на огромном протяжении фронта от Финского залива до побережья Баренцева моря. Однако говорить о том, что все они были полностью укомплектованы личным составом и хорошо вооружены, нельзя. Как показывает анализ архивных документов (особенно переписка командиров отдельных частей корпуса с А. Анттила, а его – с командующими 8-й, 9-й и 14-й армий), до конца Зимней войны эта проблема так и не была решена.

Командиры стрелковых дивизий ФНА постоянно обращались в штаб 1-го стрелкового корпуса в Териоки к А. Анттила с просьбой помочь в решении вопросов комплектования подразделений. Так, 15 января 1940 года командир 4-й стрелковой дивизии А. Аланнэ сообщал в Териоки А. Анттила о том, что «полк развертывается в пограничную дивизию с целью охраны государственной границы в районе Петсамо и действует в полосе 14-й армии. Два пограничных полка дивизии уже укомплектованы, третий погранполк будет комплектоваться только при наличии людей и материальной части. Прошу Вашей помощи при его формировании. В дальнейшем число полков должно увеличиться до 5–6, чтобы полностью обеспечить охрану госграницы», и далее добавлял: «Не имея запасных комплектов национальной формы, я вынужден часть бойцов, вновь принятых в полки, обмундировать в форму РККА» [10; 26]. В середине февраля 1940 года об этих же проблемах – нехватке людей для формирования 3-й стрелковой дивизии и недостатке национальной формы – сообщал в Териоки ее командир Т. В. Томмола.

Вопрос о формировании ФНА стоял так остро, что ее командование в начале января 1940 года обратилось к Сталину с просьбой разрешить «произвести досрочный призыв граждан карел и финнов в Карелии, Ингерманландии и Калининской области, подлежащих призыву осенью 1940 года. Кроме того, разрешить произвести призыв в Карелии и Ингерманландии карел и финнов 1899 года рождения и частичный призыв граждан, находящихся на спецучете» [10; 25]. И эта просьба была удовлетворена.

Командующий ФНА А. Анттила в течение всей Зимней войны вел активную переписку с командующими 7-й, 8-й и 14-й армий по вопросам комплектования частей Народной армии. Приведем документ, характерный для этой переписки:

«01.02.40. Командующему 9-й армии комком Чуикову.

Искренне благодарен за оказываемую помощь части ФНА, действующей и формирующейся в районе вверенной Вам дивизии. Считаю нужным сообщить, что часть капитана Туоминена переформируется в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА. Прошу Ваших распоряжений

об укомплектовании личным составом указанного полка. Если в Вашем распоряжении не окажется националов (финнов и карел), можно комплектовать и русскими.

Впредь до получения национальной формы, которая шьется, нарком обороны разрешил обмундировать бойцов в обыкновенную красноармейскую форму.

Уважающий Вас командующий ФНА комдив Анттила» [10; 53].

Большую помощь ФНА, особенно тем ее частям, которые дислоцировались на территории Карелии (3-я СД в районе Поросозеро – Суоярви и 7-й отдельный полк в районе Ухты), оказывал Карельский обком ВКП(б). К началу января 1940 года в 3-ю СД по линии обкома было отправлено 36 политработников, в том числе: секретарь Олонецкого райкома ВКП(б) Кюршунов (был назначен комиссаром полка олонцкого направления), инструктор обкома партии Бойцов (стал комиссаром полка ухтинского направления) и др. В районах республики, особенно в тех, где преобладало карельское население (Олонецкий, Пряжинский, Петровский, Ведлозерский и др.), в течение всей войны проводилась работа по вербовке добровольцев.

Только в 3-ю СД на 1 февраля 1940 года было завербовано 322 добровольца, а к 1 марта – уже 722. Заявлений о добровольном вступлении в ФНА, как показывают документы, было много, но надо признать, что некоторые райкомы партии не спешили удовлетворить все заявления. Они объясняли свою позицию тем, что отток в армию значительной части мужского населения может отразиться на выполнении хозяйственных планов. Так, по этой причине комиссия при Петровском райкоме ВКП(б) из 170 заявлений добровольцев, желавших вступить в ФНА, удовлетворила только 82 [4; 16].

Несмотря на все усилия, полностью укомплектовать части ФНА до конца Зимней войны так и не удалось. К концу января 1940 года укомплектованность Народной армии составляла: по старшему командному составу – 63 %, по младшему – 69 %, по рядовому – 61 %. Чрезвычайно низкой была укомплектованность транспортом: по легковым машинам – 35 %, по специальным – 8 %, по тракторам – 12 %. В частях ФНА ощущался острый недостаток лыж. И только стрелковым оружием народоармейцы в основном были обеспечены [10; 39–40].

Периодическая переброска частей ФНА с одного участка фронта на другой, постоянное переформирование соединений, прибытие добровольцев и другие факторы чрезвычайно затрудняют определение численного состава ФНА. Сравнивая различные документы (боевые приказы по Управлению ГСК, политдонесения, переписку между командирами подразделений и др.), можно сказать, что к концу Зимней войны в ФНА насчитывалось около 18–20 тыс. человек.

В Карелии начали развертывать и авиационные подразделения Финской народной армии.

Под Петрозаводском появились самолеты со странными опознавательными знаками: вместо красных звезд на них были нанесены красно-синие-зеленые круги. Однако эти самолеты в боевых действиях участия не принимали [13; 201].

Народная армия создавалась в помощь правительству Куусинена, главная ее цель состояла в том, чтобы вслед за Красной армией войти в Хельсинки и обеспечить военную поддержку Народному правительству. Ее соединения располагались во втором эшелоне за войсками Красной армии, и использовать их на передовых позициях запрещалось. 1-я и 2-я СД на Карельском перешейке не были подчинены командующему Северо-Западным фронтом командарму 1-го ранга С. К. Тимошенко, а части ФНА, дислоцированные в Карелии и на Кольском полуострове, не подчинялись командующим 8-й, 9-й и 14-й армий. Все они были в непосредственном подчинении наркома обороны К. Е. Ворошилова.

В отечественной литературе по данной проблеме в последние годы утвердилась точка зрения, согласно которой ФНА вообще не принимала участия в боевых действиях, а после окончания Зимней войны ее части были расформированы (см., например: [19; 61]). Однако это утверждение не соответствует реальным фактам. Действительно, основные силы ФНА не были вовлечены в военные операции против финских войск, но небольшие воинские подразделения на Карельском перешейке и особенно на северном участке фронта принимали участие в боях совместно с войсками Красной армии. Учитывая, что данный вопрос практически не освещен в литературе, остановимся на нем подробнее.

С первых же дней Зимней войны во всех подразделениях ФНА была развернута боевая учеба, включающая тактическую, огневую, строевую, физическую, инженерную и химическую подготовку. Особое внимание уделялось лыжной подготовке. В дивизиях корпуса были сформированы специальные лыжные батальоны и роты для проведения разведки и осуществления диверсионных действий в тылу финских войск.

«Суровая природа Финляндии, глубокие снега, бездорожье требуют, чтобы каждый боец хорошо владел лыжами и мог выполнять на лыжах боевые задания», – писала в декабре 1939 года газета «Народная армия», издававшаяся политотделом корпуса на трех языках (русском, финском и карельском) и распространявшаяся среди народоармейцев.

Как и было принято в то время, боевая подготовка осуществлялась в форме социалистического соревнования между отдельными подразделениями ФНА, итоги которого подводились в юбилейные или торжественные даты (60-летие со дня рождения И. В. Сталина, 22-я годовщина РККА и др.) и освещались в армейской печати. Впрочем, по свидетельствам очевидцев, в ФНА больше внимания уделялось не боевой, а политической подготовке. Во всех подразделениях

систематически проводились лекции, беседы, громкие читки газет. На политзанятиях с народоармейцами обсуждались следующие темы: «Декларация Народного правительства», «Обращение ЦК Компартии Финляндии», «Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой».

Особое значение придавалось печатной пропаганде. Кроме газеты «Народная армия» в частях ФНА распространялась газета «Kansan Valta» («Народная власть») – орган печати Народного правительства Куусинена. В публикациях газет подчеркивалось значение ФНА. Так, газета «Kansan Valta» в декабре 1939 года писала: «Финский народ уже заложил крепкий фундамент для создания своей Народной армии из лучших сыновей финского и карельского народов. Ее костяк, ее доблестный первый корпус растет и крепнет с каждым днем. Молодая Народная армия безгранично предана своему народу, правительству и Финляндской Демократической Республике, которым каждый боец дал несокрушимую воинскую клятву. Эта армия должна побеждать не только самоотверженностью и героизмом своих бойцов, не только первоклассной техникой, но и высокой политической сознательностью бойцов» [11; 3].

Газеты регулярно сообщали о боевой и политической подготовке народоармейцев, публиковали их письма, носившие пропагандистский характер. Приведем одно из таких писем, помещенное в 38-м номере газеты «Народная армия». Пулеметчик Рейно Хелина пишет: «Я, боец Н-ского подразделения ФНА, понимаю задачу так – внезапными действиями атаковать и уничтожить белофинских бандитов... в любую минуту готов ринуться в бой, чтобы из своего верного пулемета смертельно бить врагов нашего народа» [11; 4]. В газетах были описаны практически все боевые операции, в которых участвовали подразделения ФНА.

Для поддержания морального духа народоармейцев использовались и другие средства идеологической работы. В середине декабря 1939 года в частях, дислоцированных на Карельском перешейке, были проведены митинги, собрания и встречи бойцов и командиров ФНА с председателем Народного правительства О. В. Куусиненом и членами этого правительства – министром земледелия А. Эйкия и министром финансов М. Розенбергом.

По сообщению ТАСС, 21 декабря 1939 года в Териоки состоялись торжественные митинги и собрания с участием членов Народного правительства, посвященные 60-летию со дня рождения И. В. Сталина. В принимавшихся на них резолюциях говорилось, что «бойцы и командиры ФНА клянутся т. Сталину до последнего дыхания бороться за дело освобождения трудового народа Финляндии, за победу Финляндской Демократической Республики, за дружбу народов Финляндии и Советского Союза» [11; 4]. Для

культурного обслуживания частей ФНА на основании указаний Военного совета ЛВО при политотделе корпуса были созданы ансамбль кантелистов и Финский театр.

Такое внимание к политической работе с личным составом ФНА вполне объяснимо: перед Народной армией стояли особые задачи. Не случайно в приказах по корпусу постоянно подчеркивалось, что «главное внимание должно быть сосредоточено на усвоении каждым бойцом и командиром задач, стоящих в деле освобождения финского народа от диктатуры Маннергейма – Таннера и проведения в жизнь мероприятий, намеченных в Декларации Народного правительства Финляндской Демократической Республики, каждый боец должен быть подготовлен агитатором и пропагандистом для работы среди населения Финляндии» [9; 59]. Но несмотря на постоянную идеологическую работу, не все народоармейцы (в большинстве своем русские) осознавали «справедливые цели войны». Об этом свидетельствуют документы особого отдела корпуса, прежде всего отчеты его начальника – лейтенанта госбезопасности Райманникова.

В отчетах отмечались факты «несознательного» поведения бойцов ФНА. Так, командир отделения 1-й роты 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии Н. В. Лазарев говорил: «Какой черт нам – рабочим и крестьянам – вести войну, пусть Сталин и Маннергейм воюют между собой». Боец штабной роты батальона связи 2-й стрелковой дивизии Кемчиков вел разговоры о том, «зачем начали войну с финнами, которая тяжело отражается на положении народа: моя семья голодает». Народоармеец отделения связи саперного батальона Володин, обращаясь к комсору Федорову, недоумевал: «Почему нас не спросили, когда решали отдать Финляндии территорию, на которой мы проживали? Ведь это должен решать народ тех районов, которые подлежат передаче Финляндской Демократической Республике. Я бы высказал несогласие передать Финляндии территорию, принадлежащую Советскому Союзу»¹.

Судя по документам, большинство народоармейцев, допускавших подобные высказывания, были арестованы, и дела на них были переданы в военный трибунал [7; 29].

Справедливости ради надо сказать, что были суждения и противоположного рода, вызванные чрезмерной идеологической обработкой. Так, боец 1-го взвода отдельного кавалерийского эскадрона Н. И. Локкин, карел, уроженец Сегозерского района, в беседе с народоармейцами говорил: «Карелия, согласно договору с Народным правительством Финляндии, должна отойти к Финляндии. Финляндия еще буржуазная, власть и порядок тоже буржуазные, то есть колхозов и советов не будет, а потому я на той территории, которая отходит к Финляндии, оставаться не желаю, ведь там опять будет эксплуатация рабочих

и крестьян» [10; 5]. С такими людьми, которые были «недостаточно политически грамотными», вели воспитательную работу, объясняя цели «большой политики».

Еще один интересный факт: принятие присяги бойцами ФНА. В официальной советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что ФНА действует совместно с РККА, но является независимой от нее армией, созданной трудовым народом Финляндии. У независимой армии должна быть своя присяга. В архивах имеется текст «Военной присяги ФНА», который начинается так: «Я, воин Народной армии Финляндии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все указания Народного правительства Финляндии, требования воинских уставов и приказы командиров и комиссаров...» [11; 5].

Сравнение текста присяги ФНА с текстом присяги РККА показывает, что они практически ничем не отличаются друг от друга, разве что в присяге ФНА Советский Союз заменялся на Финляндскую Демократическую Республику, а РККА – на ФНА. Но тогда это было не столь важно, потому что главная задача состояла в том, чтобы все нарооармейцы приняли присягу ФНА. Приказом по войсковым частям ФНА 26 декабря 1939 года было объявлено днем принятия присяги личным составом корпуса. Подготовка к этому событию велась заранее: уже к середине декабря 1939 года было получено 14 тыс. экземпляров текста военной присяги ФНА.

Большинство нарооармейцев, особенно финнов и ингерманландцев, искренне веря в то, что война несет освобождение и счастье трудящимся Финляндии, с желанием принимали присягу. Так, боец батальона связи Иго, принимая присягу, заявил: «Все свои силы отдаю для блага финского народа и социалистической Финляндии». Младший командир батальона связи Каттонен просил командование «скорее перебросить его на самые ответственные участки борьбы с белофиннами и тем самым оказать помощь Красной армии и трудовому народу Финляндии по уничтожению бандитов из лагеря щюцкоровцев». Бойцы кавалерийского эскадрона И. А. Берн, А. И. Свараль и другие при принятии присяги написали заявления о пожизненном зачислении в ФНА. Начальник политотдела корпуса В. П. Терешкин в одном из политдонесений в начале января 1940 года сообщал, что «имеются сотни заявлений бойцов о пожизненном их зачислении в Народную армию» [10; 21].

Вместе с тем случались и факты неприятия присяги ФНА, особенно со стороны русских. О них, в частности, писал в политдонесении комиссару 1-го ГСК ФНА Ф. И. Егорову комиссар 3-й СД Н. А. Дильденкин: «Командир отделения 5-го стрелкового полка Прокопьев, не понимая значения принятия военной присяги Народной

армии, пытался отказаться от нее, объясняя это тем, что он уже принимал военную присягу, когда был в РККА. После беседы комиссара полка Г. Ф. Агапова с Прокопьевым тот немедленно исправил ошибку и принял присягу ФНА» [4; 8–9]. В документах особого отдела корпуса также можно найти много примеров, когда бойцы, в основном русские по национальности, не хотели принимать присягу ФНА. И объяснение у всех было одно: они являются гражданами СССР, а не Финляндской Республики.

В деле принятия военной присяги возникли трудности и чисто организационного характера, связанные с процессом формирования ФНА. Начальник политотдела корпуса В. П. Терешкин в телеграмме в адрес военкомов дивизий и полков от 14 января 1940 года указывал: «В связи с реформированием частей корпуса и перемещением из части в часть командиров, политработников и рядового состава необходимо иметь полную ясность о том, кто из военнослужащих Народной армии принял военную присягу, а кто нет. Установите точный учет всех принявших и не принявших присягу и организуйте систематическое приведение к присяге всех вновь прибывших» [7; 1].

В начальный период Зимней войны основные силы ФНА не принимали в ней участия. Большинство бойцов и командиров, ничего не зная о политическом предназначении Народной армии, рвались в бой: нарооармейцы писали заявления с просьбой отправить их на передовые позиции или включить их в состав РККА. Моральное состояние многих из них в течение зимней кампании стало тяжелым – часть бойцов ощущала свою бесполезность и ненужность в тылу. Сказывалось и то, что стоявшие рядом подразделения Красной армии вели кровопролитные бои и несли большие потери.

Пребывание в состоянии пассивности во фронтовых условиях порождало отдельные негативные явления, особенно командиров тревожило пьянство. По словам Тойво Вякя, входившего в руководство штаба 1-го корпуса, это вызывало «чувство тяжелой боли» [13; 203]. Поднять настроение бойцам и командирам ФНА пытались члены правительства Куусинена, которые часто выступали в подразделениях Народной армии на темы общеполитического и воспитательного характера. Кроме того, как отмечают в монографии «Рождение и крах “Терийокского правительства”» Н. И. и В. Н. Барышниковы, в частях Финской народной армии активно стремились пресечь всякого рода «антисоциальные» и «антигосударственные» настроения. Прокуратура и трибунал 1-го корпуса Финской народной армии рассматривали по 10–15 дел в месяц. В частности, в период с 1 декабря 1939 года по 10 января 1940 года были рассмотрены и переданы в военный трибунал 13 дел. Военнослужащим трибунал выносил суровые наказания, некоторые даже были приговорены к расстрелу [13; 203].

Пассивность частей ФНА в период военных действий против Финляндии у части командного состава Красной армии вызывала неприязнь к бойцам Народной армии. Вот что сообщал в середине февраля 1940 года комиссар 3-й СД Н. А. Дильденкин в политдонесении комиссару 1-го ГСК ФНА Ф. И. Егорову: «До 25 января среди командного состава частей РККА, находящихся в Салми, где дислоцирован 6-й полк нашей дивизии, были разговоры, что Народная армия состоит из трусов, она небоеспособна, боится идти на острова, очищать их от белофиннов. Начальник политотдела дивизии Маркконен вынужден был поставить вопрос в Политуправлении 15-й армии (образованной на основе южной группы 8-й армии сортавальского направления 11 февраля 1940 года. – С. В.) о прекращении этих разговоров, позорящих Народную армию, и одновременно разъяснил задачи частей ФНА заместителю начальника Политуправления 15-й армии» [4; 42–44]. Отметим, что вскоре эти разговоры прекратились. Но не потому, что хорошо поработали политработники, а потому, что в феврале 1940 года 6-й полк 3-й СД участвовал в боях с противником и проявил себя достойно.

Несмотря на то что части ФНА были подчинены только наркому обороны К. Ворошилову и участие их в боевых действиях запрещалось, тяжелая военная обстановка внесла коррективы в этот вопрос. Командование частей РККА, особенно 8-й и 9-й армий, дислоцированных в Карелии, с конца декабря 1939 года стало широко использовать подразделения ФНА для решения боевых задач. В течение всего января 1940 года разведчики 5-го и 6-го полков 3-й СД ФНА выполняли специальные диверсионные задания на участке 8-й армии: уничтожали склады боеприпасов в тылу финских войск, взрывали железнодорожные мосты, минировали дороги. Задания командования, как показывают архивные документы, народоармейцы выполняли хорошо: многие из них были представлены к правительственным наградам [4; 46].

В конце января – начале февраля 1940 года 6-й полк этой дивизии вообще перешел в оперативное подчинение 8-й армии РККА и в полном составе вел бой с финнами на острове Лункулансаари. Народоармейцы под руководством командира – майора О. Ахонена – успешно вели бой, продолжавшийся четыре дня, с противником, явно превосходившим их по численности. В результате удалось отстоять занятый этим полком остров Лункулансаари у побережья Ладожского озера [13; 202]. За проявленную храбрость некоторым из народоармейцев (командиру отделения конного взвода И. В. Васильеву, бойцу А. О. Кархонену и др.) была объявлена благодарность командования и выдана денежная премия.

Бои с участием сил Финской народной армии за остров Лункулансаари, проходившие с 22 по 28 января 1940 года, носили весьма кровопролитный характер. Подразделения 6-го полка по-

несли большие потери – до 60 % личного состава [13; 203]. В дальнейшем потери этого полка продолжали расти: только в одном бою 2 февраля 1940 года во 2-й роте 6-го полка было убито 6 и ранено 8 человек, среди убитых – карелы И. Г. Ларионов, Д. Т. Ларионов, Н. Д. Лангуев, Д. В. Кундозеров.

Получив сообщение от командира 6-го полка О. Ахонена о переходе его в подчинение 8-й армии, на место выехал командир 3-й СД Т. В. Томмола, и двойное подчинение было прекращено. После донесения Томмола в штаб ФНА в Териоки об указанных событиях командующий корпусом А. Анттила отправил телеграмму командующему 8-й армией Штерну, в которой говорилось: «По имеющимся у меня сведениям, со стороны командиров соединений вверенных Вам войск были попытки использовать части 3-й СД ФНА для решения частных боевых задач. Прошу разъяснить подчиненным Вам командирам, что части ФНА могут быть использованы только по личному указанию наркома обороны» [10; 54]. Двойное подчинение было отменено.

Однако, несмотря на такие предупреждения, на протяжении всей Зимней войны не прекращались попытки использовать отдельные подразделения ФНА в военных сражениях. Причем командование частей РККА, привлекая народоармейцев к боевым операциям, не всегда учитывало, что многие из них были необученными, необстрелянными, только накануне войны призванными в армию. Иногда это приводило к тяжелым поражениям и большим людским потерям. Так, посланный в район действий 9-й армии на ухтинское направление необученный и неуккомплектованный батальон капитана Туоминена, который должен был переформироваться в отдельный 7-й полк ФНА, сразу же был брошен в бой. Командир батальона Туоминен также был недостаточно подготовлен, поскольку его призвали из запаса накануне войны. В силу этих причин действия батальона были неудачны: он не выполнил боевую задачу и понес существенные потери [10; 75].

Узнав об этом, командующий ФНА А. Анттила 23 февраля 1940 года направил телеграмму с протестом в адрес командующего 9-й армией В. И. Чуйкова и члена Военного совета этой армии Л. З. Мехлиса, в которой говорилось, что «батальон не должен был участвовать в боях, его задача – переформироваться в 7-й отдельный полк ФНА и закрепить освобождаемую РККА территорию Финляндии в улеаборгском направлении, очищая ее от остатков белофинских банд». Кроме того, А. Анттила 18 февраля сообщил об этом инциденте наркому обороны К. Е. Ворошилову: «Распоряжением командования 9-й армии и лично т. Мехлиса необученный и неуккомплектованный, несформированный батальон используется для активных боевых действий. Прошу Ваших указаний о правильном использовании частей ФНА» [10; 89]. После это-

го капитан Туоминен был смещен со своей должности. Его заменил переведенный из штаба корпуса Тойво Вяхя. Тем не менее подразделения 7-го отдельного полка продолжали проводить глубокие рейды в тыл финских войск. С января по февраль 1940 года они 6 раз участвовали в таких операциях. Однако все это приводило к потерям в живой силе и требовало соответствующего вмешательства «министра обороны» [13; 168].

Само командование Народной армии строго выполняло указания Сталина и Ворошилова об особом назначении частей ФНА. В переписке А. Анттила с командирами подразделений РККА и ФНА постоянно подчеркивался особый статус корпуса. Приведем для примера одно типичное сообщение:

«Командиру 3-й СД ФНА полковнику Т. Томмола.

Не увлекайтесь решением частных боевых задач, больше занимайтесь боевой подготовкой. Помните – боевое использование наших частей впереди.

Командующий ФНА комдив А. Анттила. 25.02.40. Териоки» [10; 90].

Части ФНА должны были составить основу Вооруженных сил Финляндской Демократической Республики. Именно поэтому перед командным составом Народной армии, который, как уже отмечалось выше, в большинстве своем состоял из русских, была поставлена задача овладеть финским языком. С этой целью в штат воинских частей специально ввели преподавателей финского языка. Однако обучение продвигалось с трудом. Возможно, командирам некогда было заниматься, а может быть, язык оказался слишком трудным для освоения. И, вероятно, не случайно начальник штаба корпуса комбриг Ф. Н. Романов 3 марта 1940 года издает специальный приказ по Управлению ФНА № 26 «Об изучении финского языка комначсоставом Управления корпуса». В частности, в нем говорится: «Из доклада учителя финского языка явствует, что посещаемость занятий комсоставом низкая. Из 25 человек, изучающих финский язык, на занятиях присутствует 3–4 человека. Напоминаю, что изучение финского языка не добровольное дело, а служба, и посещение занятий является обязательным для тех, кто не знает языка. Строго предупреждаю всех, что в дальнейшем на лиц, отсутствующих на занятиях без уважительных причин, будет накладываться дисциплинарное взыскание» [8; 34].

Не совсем увязывались с декларируемыми политическими задачами и русские фамилии командования ФНА. Поэтому во время Зимней войны его представители стали менять свои фамилии на финские: военный комиссар корпуса Ф. И. Егоров стал подписываться фамилией Аалто, начальник штаба корпуса Ф. Н. Романов – Райкас, начальник политотдела В. П. Терешкин – Тервонен и т. д.

Среди стоящих перед руководством Народной армии проблем особо остро стоял вопрос

обеспечения командными кадрами. Для решения этой проблемы 9 февраля 1940 года начинают функционировать краткосрочные курсы по подготовке младших лейтенантов. На них готовились и офицеры-политработники, часть которых предполагалось использовать позднее для специальной пропаганды среди населения Финляндии. Как вспоминал бывший боец 3-й дивизии, карельский писатель О. Степанов, после окончания курсов политсостава в Суоярви он «был предназначен в Тампере» [13; 205].

Перед наступлением советских войск в феврале 1940 года в Ставке Главного командования РККА решали вопрос об участии в военной операции формирований ФНА: разместить ли ее силы по всему советско-финляндскому фронту или сконцентрировать их на главном направлении (Карельский перешеек). В этой связи Н. И. и В. Н. Барышниковы пишут: «За девять дней до решающего наступления Красной армии на Карельском перешейке, 2 февраля 1940 г., Ставка запросила у Анттила: “Не следует ли вернуть в корпус все части Народной армии?” Очевидно, имелось в виду, что после прорыва линии Маннергейма вся она в едином составе будет осуществлять продвижение на важнейшем хельсинкском направлении. Но Анттила ответил, что “части финской Народной армии целесообразно оставить в районах указанных армий”, т. е. в местах прежнего размещения войск. Остается только размышлять, чем он руководствовался, давая такой ответ. Во всяком случае, на Карельском перешейке продолжали находиться только две дивизии 1-го корпуса» [13; 205].

В отечественной литературе нет единой точки зрения на вопрос об участии в боевых действиях частей ФНА в последние дни Советско-финляндской войны. Петрозаводский историк И. Р. Такала в статье «К вопросу о Финской народной армии», основанной в основном на воспоминаниях народоармейцев, отмечает, что в начале марта 1940 года, когда стало очевидным, что война близится к концу, части 1-й и 2-й СД ФНА, находившиеся на Карельском перешейке, были отправлены на передовую. Для большинства народоармейцев первым боевым крещением стало взятие города Выборга. По воспоминаниям очевидцев, это было кровопролитное сражение: наступление на Выборг шло буквально по трупам. Для многих плохо обученных и неопытных бойцов ФНА первое же сражение оказалось последним [26; 292]. Штурм Выборга проходил в последние часы войны, когда уже завершались переговоры с Финляндией и было очевидно, что город отойдет СССР. Об участии частей ФНА в штурме Выборга пишет и петрозаводский историк В. Г. Макуров: «Для большинства народоармейцев взятие г. Выборга явилось первым боевым крещением» [18; 589].

Другой позиции придерживаются петербургские историки Н. И. и В. Н. Барышниковы, от-

мечая, что «когда развернулись бои за Выборг, то отдельные артиллерийские подразделения “народной армии” приняли участие в подавлении огневых точек оборонявшихся и в отражении контратак финских войск. Это происходило на участке наступления 43-й стрелковой дивизии. Последовало также распоряжение, чтобы после взятия Выборга части “народной армии” осуществляли охрану отдельных его объектов и занимались сбором трофейного оружия. Таким образом, даже на заключительном этапе войны “народная армия” не принимала активного участия в наступлении, а выполняла преимущественно вспомогательные задачи, занималась прикрытием тыла и флангов продвигавшихся вперед соединений и частей 7-й армии» [13; 207].

После окончания Советско-финляндской войны принципиальное решение о судьбе ФНА было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 года и оформлено в этот же день в постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по преобразованию Карельской АССР в Карело-Финскую Союзную Социалистическую Республику». 13-й пункт этого постановления гласил: «В соответствии с решением не иметь в республиках национальных формирований Красной армии расформировать финский корпус как самостоятельное воинское соединение, поручив НКО направить начальствующий и рядовой состав финского корпуса на укомплектование существующих частей Красной армии» [1; 5].

На основании этого решения был принят приказ наркома обороны СССР № 0015, по которому началось расформирование частей ФНА. Бойцов снова переодевали в красноармейскую форму, добровольцев увольняли в запас. Войсковые соединения ФНА позднее составили ядро 71-й стрелковой дивизии Красной армии.

Интересные материалы о формировании этой дивизии можно найти в личном архиве первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова, который хранится в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). Он пишет: «В конце марта 1940 года у Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, командир первого корпуса ФНА А. Анттила и я. Анттила просил Сталина разрешить формирование из личного состава корпуса карело-финской национальной дивизии. Сталин ответил, что несколько лет назад на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение не иметь в составе Вооруженных сил национальных формирований². Но после обсуждения было решено сформировать из карел, финнов, вепсов и русских, находившихся в составе корпуса, обычную 71-ю стрелковую дивизию» [5; 175–176]. «И хотя в ней будут преобладать карелы, финны и вепсы – не будем называть ее национальной, – сказал Сталин. – А дислоцироваться пусть она будет у вас в Карелии» [5; 175–176].

Первым командиром 71-й СД стал А. Анттила; командиром 52-го стрелкового полка был назначен финн А. Аллан; 206-го стрелкового полка – карел В. Ф. Алексеев; 126-го стрелкового полка – финн И. М. Петров (Тойво Вяхя); комиссаром дивизии – олонецкий карел Ф. И. Егоров; командиром саперного батальона – финн Т. Алтонен [5; 176]. Начальником политотдела 71-й стрелковой дивизии был назначен полковой комиссар В. П. Терешкин, уроженец Карелии, по национальности русский, но хорошо знавший финский язык [5; 175–176].

Для многих народоармейцев заключение мира с Финляндией было неожиданным и означало крушение всех их надежд. 13 марта 1940 года, как только в частях ФНА стало известно о прекращении войны, бойцы засыпали командиров и политработников вопросами: что предпримет Народное правительство Куусинена и что будет с Народной армией? почему СССР заключил мир с правительством Рюти, хотя раньше отвергал предложения этого правительства? и т. д. Многие финны высказывали недовольство. Так, командир 5-го стрелкового полка 3-й СД Антикайнен (однофамилец Т. Антикайнена) заявил, что мирный договор между Советским Союзом и Финляндией деморализует финнов в деле борьбы с белофиннами. Боец роты связи этого же полка Куммула так выразил свое недовольство заключением мира: «Я оставил в Финляндии свою семью и дом, добровольно пошел в Народную армию для того, чтобы освободить свою семью и попасть домой. А раз так случилось – то меня сейчас же демобилизуйте» [4; 46].

Это разочарование в итогах Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, которое испытывали многие народоармейцы, пыталось позднее в какой-то мере исправить бывшее командование Финской народной армии. После окончания войны командование ФНА неоднократно ставило вопрос перед руководством страны о награждении особо отличившихся в боях с противником народоармейцев. Так, 13 июля 1940 года секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову из Петрозаводска было направлено письмо за подписью бывшего командующего ФНА, а в данный момент депутата Верховного Совета СССР и члена президиума Верховного Совета КФССР генерал-майора А. М. Анттила и бывшего военного комиссара ФНА, депутата Верховного Совета КФССР Ф. И. Егорова, в котором говорилось: «На основании указаний тт. Сталина и Ворошилова под Вашим руководством в ноябре 1939 г. был сформирован корпус Финской народной армии в составе 4 дивизий и 1 отдельного стрелкового полка. В борьбе с белофиннами части корпуса совместно с частями РККА выполняли частичные боевые задачи на Карельском перешейке, петрозаводском и кемском направлениях. После заключения мирного договора лучшие бойцы и командиры, показавшие храбрость в боях, были представлены к награждению орденами и меда-

лями Советского Союза (192 человека). Список был направлен в Секретариат Президиума ВС СССР, но не был подписан, и секретарь т. Горкин требует Вашего согласия. К нам часто поступают письма и запросы о том, почему никто из состава ФНА не был награжден. Но ответить мы не можем, ибо не знаем причин. Список согласован с секретарями ЦК КП(б) КФССР Куприяновым и Сорокиным, Председателем Президиума ВС КФССР Куусиненом, проверен представителями Особого отдела НКВД. Вопрос о награждении бойцов ФНА имеет большое политическое значение и поднимет энтузиазм карело-финского народа» [6; 62–63]. В личном фонде А. А. Жданова, который хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории, ответа на это письмо обнаружить не удалось.

Уже во время Великой Отечественной войны, 11 августа 1941 года, бывший командующий ФНА генерал-майор А. М. Анттила повторно направил в адрес командующего северо-западным направлением, Маршала СССР К. Е. Ворошилова, копию списка бойцов и командиров ФНА, представленных к правительственным наградам в 1940 году (192 человека). В конце списка Анттила сделал приписку о том, что вопрос о награждении в данных условиях имеет огромное политическое значение [6; 64]. Однако и Ворошилов не ответил на этот запрос.

По словам народоармейцев, с которыми нам удалось повстречаться и поговорить, они не получили наград за службу в ФНА. Орденами и медалями бывшие бойцы Народной армии были награждены позднее – за участие в Великой Отечественной войне, когда они в рядах Красной армии сражались против армий Германии и ее союзников, в том числе и Финляндии. Это вполне понятно: когда провалился план Сталина относительно целей правительства Куусинена и его армии, награждать бойцов ФНА не было необходимости.

До сих пор одним из белых пятен в истории ФНА остается вопрос о формировании и действиях ее военной контрразведки. В конце 1939 года начальник отделения контрразведки УГБ НКВД Ленинградской области майор Василий Иванович Райманников был откомандирован на должность начальника военной контрразведки Финской народной армии. Ответ на вопрос, с чем связано это решение, попытался дать исследователь истории спецслужб Карелии и Финляндии Э. П. Лайдинен: «В. И. Райманников с 1932 г. работал на оперативных и руководящих должностях в ГПУ–УНКВД–НКВД Карелии и, по оценке руководства, зарекомендовал себя опытным и смелым работником. Он хорошо знал жизнь и быт карельского и финского народов. Немалую роль сыграл и тот факт, что Райманников был женат на вепсянке Антонине Федоровне Райманниковой (девичья фамилия – Принцева), которая родилась в 1914 г. в с. Шокша Шелтозерского района. В семье росло 3 детей. 4 января 1932 г. его назначили на должность помощника

уполномоченного Особого отдела УГБ НКВД отдельной карельской егерской бригады» [17], [3; 21]. «Недолго прослужив на этой должности, он тем не менее лучше узнал характер и менталитет красных финнов и карел. Уже в первой половине 1933 г. его переводят помощником оперуполномоченного Особого (контрразведывательного) отдела ГПУ Карелии. В июне 1933 г. Райманников с группой коллег участвует в ликвидации в Сегозерском районе Карелии бежавшей из лагерей ББК вооруженной банды, которая планировала провести “террор над коммунистами, ответственными работниками райисполкомов и райкомов партии, налеты на раймилицию, райотделение ГПУ, освобождение арестованных и в конечном счете переход всей бандой в Финляндию для получения боевой и материальной помощи”. При ликвидации банды Райманников был тяжело ранен в грудь. За проявленную инициативу и смелость, благодаря которым была ликвидирована банда, Райманников руководством Полномочного представительства ОГПУ в ЛВО был награжден боевым оружием с надписью “за беспощадную борьбу с контрреволюцией от ПП ОГПУ в ЛВО”» [3; 21]. До сих пор в архивах пока не найдена какая-либо информация о деятельности Райманникова в качестве руководителя военной контрразведки ФНА, да и результаты деятельности самой военной контрразведки ФНА, думаю, следует прояснить в ходе дальнейшего изучения вопроса» [17].

По окончании Советско-финляндской войны В. И. Райманников возглавлял созданные на присоединенных от Финляндии территориях Выборгский и Кякисалмский городские отделы НКВД, во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника 2-го (контрразведывательного) отдела, а затем и начальником 4-го отдела НКВД–НКГБ Карело-Финской ССР.

Подводя итоги исследованию вопроса о ФНА, можно сделать вывод о том, что вся история с Народной армией, точно так же, как и с созданием Народного правительства Финляндии в Териоки, была сознательной политической акцией тогдашнего руководства Советского Союза, стремившегося не только решить главную стратегическую задачу – отодвинуть границу от Ленинграда, но и по возможности экспортировать в соседнюю Финляндию правительство Куусинена. Но этих целей, в которые искренне верили многие бойцы Народной армии, не суждено было достигнуть.

Как в деле формирования и деятельности правительства Куусинена, так и в вопросе создания и пополнения частей ФНА руководство СССР огромное место отводило Советской Карелии, ее партийно-советскому активу и жителям республики. Именно финно-угорское население Карелии (карелы, финны, ингерманландцы, вепсы) должно было составить костяк ФНА. После окончания Зимней войны и расформирования частей ФНА для многих ее бойцов мир-

ный период был очень кратким. Большая часть бывших народоармейцев с начала Великой Отечественной войны была призвана в ряды Крас-

ной армии и сражалась с войсками фашистской Германии, а на северо-западном участке фронта с ее союзницей – Финляндией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Речь идет о том, что в самом начале Зимней войны между СССР и провозглашенной Финляндской Демократической Республикой был заключен договор. Согласно ему, Финляндия передавала СССР территорию на Карельском перешейке площадью 3970 км². Взамен этого СССР отдавал территорию Советской Карелии площадью 70 тыс. км².
- ² Национальные формирования стали создаваться только в ходе Великой Отечественной войны в соответствии с решением ГКО СССР от 13 ноября 1941 года.

ИСТОЧНИКИ

1. АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 378.
2. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 9. П. 2.
3. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 13. П. 1.
4. КГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 445.
5. НА РК. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 116.
6. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 47.
7. РГВА. Ф. 31921. Оп. 1. Д. 2.
8. РГВА. Ф. 31921. Оп. 1. Д. 26.
9. РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1.
10. РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 13.
11. РГВА. Ф. 34980. Оп. 8. Д. 13.
12. РГВА. Ф. 34989. Оп. 9. Д. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «Терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 363 с.
14. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
15. Зимняя война, 1939–1940: Политическая история. Кн. 1. М.: Наука, 1999. 382 с.
16. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
17. Лайдинен Э. П. Советская контрразведка против финской разведки на территории Карелии (1939–1944 гг.). В печати.
18. Макуров В. Г. Советско-финляндская война, 1939–1940 гг. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 583–593.
19. Мельтюхов М. Правители без подданных // Родина. 1995. № 12. С. 60–63.
20. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск: Карелия, 1997. 387 с.
21. Правда. 1939. 1 декабря.
22. Правда. 1939. 4 декабря.
23. Правда. 1939. 5 декабря.
24. Правда. 1939. 10 декабря.
25. Barysnikov N., Barysnikov V. Sota oli lyhyin mutta ankara // Sosialismin teoria ja käytäntö. 1989. № 45. S. 22.
26. Takala I. Kysymys Suomen kansanarmeijasta // Talvisota, Venäjä ja Suomi. Helsinki, 1991.

УДК 94(47) "1917–1991"

ЭЙНАР ПЕТРОВИЧ ЛАЙДИНЕН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
международного научно-образовательного центра по истории
и культуре Европейского Севера ПетрГУ
einar.laidinen@onego.ru

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАРЕЛИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматриваются вопросы подготовки и участия органов безопасности Карелии в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Карелия, органы безопасности, оперативная бригада, военнопленные, интернированные, Финская народная армия

30 ноября 2009 года исполняется 70 лет с начала «незнаменитой» Советско-финляндской войны. По обе стороны границы о ней написаны тысячи книг и статей, но до сих пор эта война остается малоизученной.

Архивные и документальные материалы свидетельствуют, что подготовка к войне с Финляндией в СССР велась до начала официальных переговоров, и тому были, по мнению советской стороны, веские причины.

В 1930-х годах в СССР отношения с Финляндией не имели приоритетного значения. Главным для Москвы являлось то, чтобы северный сосед не оказался в сфере военно-политического влияния одной из ведущих держав Европы или в блоке государств, враждебных СССР [10; 97]. Вместе с тем с начала 1930-х годов советским военным руководством были разработаны несколько вариантов планов военных действий на случай войны с Финляндией. Оперативные планы Ленинградского военного округа (ЛВО) имели в основном оборонительные задачи. Следует отметить, что аналогичные планы разрабатывались и Генштабом Финляндии (см, например, [16], [19; 151], [21]).

Со второй половины 1930-х годов СССР начал опасаться агрессивных планов фашистской Германии и принимать меры по обеспечению безопасности своих границ, в том числе на северо-западе страны. Учитывая сближение Финляндии с Германией, уже с весны 1936 года советское правительство допускало возможность военного конфликта с Финляндией [18; 142–143]. Начиная с апреля 1938 года советское правительство в конфиденциальном порядке неоднократно предлагало правительству Финляндии провести неофициальные переговоры относительно совместной выработки мер по укреплению безопасности морских и сухопутных подступов к Ленинграду и границ Финляндии: заключение военного соглашения, передача советского вооружения, строительство военно-морских баз на островах Финляндии, передача части финской территории СССР и др. Ответы финской стороны были отрицательными со ссылкой на свой суверенитет и нейтралитет [18; 144–146].

Учитывая отрицательный ответ соседнего государства, советское военное руководство с конца 1938 года уделяло большое внимание Финляндии.

В начале марта 1939 года нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов¹ приказал только что назначенному командующему войсками ЛВО командарму II ранга К. А. Мерецкому² проверить готовность войск «на случай военного конфликта с Финляндией». При этом он сослался на прямое указание И. В. Сталина³ [18; 146]. Однако еще до этого, 17 декабря 1938 года, по распоряжению штаба ЛВО военкоматам КАССР было поручено составить к 15 марта 1939 года военно-экономическое описание районов республики в целях информационной подготовки к войне с Финляндией. В январе 1939 года Уральский военный округ, в апреле 1939 года Ленинградский, Уральский военные округа и Балтийский флот проводили односторонние и двусторонние оперативные игры, условным противником в которых была финляндская армия. С 7 сентября 1937 года по распоряжению наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова в западных округах были проведены большие учебные сборы: скрытая мобилизация. В Карелии и Ленинградской области, районах компактного проживания финнов-ингерманландцев, мобилизация была проведена в два этапа – в начале сентября в армию был призван приписной состав всех национальностей, кроме карелов и финнов-ингерманландцев, а 16 ноября штаб ЛВО дал указание о проведении специальной мобилизации «националов». К призыву в армию офицеров запаса – лиц финской национальности приступили еще в конце лета – начале осени 1939 года. 11 сентября 1939 года по решению СНК КАССР началось развешивание госпиталей в госфилармонии и средней школе № 14, а 16 сентября – в средней школе № 18. В сентябре 1939 года был сформирован 72-й смешанный авиаполк, который базировался на аэродроме Бесовец [16; 169–174].

12 октября – 9 ноября 1939 года по инициативе советского руководства в Москве проходили советско-финляндские переговоры, которые закончились безрезультатно. Основные разногласия касались территориального обмена, предложенного советской стороной. Советское правительство приступило к решению территориальных вопросов военным путем.

15 ноября 1939 года нарком обороны К. Е. Ворошилов направляет командующему ЛВО директиву (№ 0200) на формирование 14-й и 9-й армий и повышение боевой готовности войск [20; 75–76]. Практически вопрос шел о развешивании «последних двух» армий, предназначенных для вторжения в Финляндию, в соответствии с планом операции по разгрому Вооруженных сил Финляндии, представленным командующим ЛВО К. А. Мерецковым наркому обороны Ворошилову еще 29 октября 1939 года.

17 ноября 1939 года К. Е. Ворошилов отдал распоряжение командованию Ленинградского военного округа подготовиться к осуществлению оперативного плана боевых действий с Финляндией [11; 177]. 21 ноября 1939 года мож-

но считать решающим днем в предыстории Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, так как именно тогда штаб ЛВО по приказу Ворошилова передал в штабы мобилизационных армий директиву № 4713, предписывающую организацию наступления и включавшую в себя постановку конкретных боевых задач [19; 366].

26 ноября в п. Майнила на Карельском перешейке прозвучали выстрелы, в чем обвинили финскую сторону. Из-за «враждебной позиции Финляндии» 28 ноября СССР денонсировал договор о ненападении 1932 года, на следующий день разорвал дипломатические отношения и утром 30 ноября 1939 года начал военные действия: советские войска перешли границу без объявления войны, а финские города подверглись бомбардировке.

Вопрос участия органов безопасности Карелии в Советско-финляндской войне остается неосвещенным в научной литературе. Его изучение поможет лучше понять механизм подготовки и участия органов советской власти в Советско-финляндской войне. Следует отметить, что органы безопасности Карелии в 1920–30-е годы рассматривали спецслужбы Финляндии в качестве главного противника. В настоящей статье мы осветим отдельные аспекты участия в войне Управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (далее – УГБ НКВД КАССР).

ПОДГОТОВКА УГБ НКВД КАРЕЛИИ К СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

Ряд приказов руководства НКВД КАССР косвенно свидетельствует, что подготовка к войне с Финляндией начала проводиться не позже 26 сентября 1939 года. Именно в этот день нарком внутренних дел КАССР М. И. Баскаков⁴ издает приказ «О введении обязательной производственно-чекистской учебы и огневой подготовки оперативного состава Управления государственной безопасности НКВД КАССР», которым, в частности, обязал весь оперативный состав Управления государственной безопасности с 1 октября 1939 года приступить к обязательной учебе по огневой подготовке, занятия проводить один раз в декаду по 2 часа, с 9 до 11 часов утра. Кроме того, с 1 октября 1939 года оперативный состав 3-го (контрразведывательного) отдела и следственной части обязали изучать финский язык по утвержденным наркомом программе и расписанию. К учебе привлекли 43 сотрудников УГБ НКВД КАССР [1; 36, 40, 43], [2; 1–4]. Преподавателем финского языка назначили Т. Г. Нуутонена⁵.

Предположительно в октябре 1939 года нарком Баскаков утвердил «Список оперативной бригады НКВД КАССР», которая состояла из штаба и 10 оперативных групп. Оперативную бригаду возглавлял начальник карельской контр-

разведки А. А. Дубинин⁶, в штаб бригады входили опытные руководители, например начальник следственной части старший лейтенант госбезопасности А. М. Кузнецов⁷ – высококвалифицированный и опытный сотрудник, будущий нарком госбезопасности КФССР. В штабе и в каждой оперативной группе были переводчики финского и карельского языков. При подборе кадров приоритет отдавали сотрудникам 3-го отдела, которые обязательно присутствовали в каждой оперативной группе в количестве 3 человек.

В состав оперативной бригады стремились ввести наиболее опытных сотрудников, но столкнулись с кадровой проблемой: опыт работы 28 сотрудников, в том числе 4 руководителей опергрупп (40 %), ограничивался 1–2 годами службы в органах безопасности. Этим объясняется и то, что 9-ю опергруппу возглавил опытный оперативник, начальник отдела уголовного розыска, лейтенант милиции К. Ф. Виссарионов, который с 1927 года работал в органах милиции [2; 1–4].

Обращает внимание секретность создания оперативной бригады: не указаны ее задачи, места дислокации каждой группы, между сотрудниками не распределены функциональные обязанности и т. п.

Архивы не дают прямого ответа на вопрос, для каких целей с 1 октября 1939 года в УГБ НКВД КАССР ввели обязательную учебу по огневой подготовке для оперативного состава и изучению финского языка для сотрудников контрразведки и следственной части, а также для чего была создана оперативная бригада. В то же время дальнейшие события свидетельствуют, что все эти мероприятия были проведены в рамках общей подготовки Советского Союза к Советско-финляндской войне. Таким образом, органы безопасности Карелии начали подготовку к войне с конца сентября 1939 года. Оперативную бригаду, вероятно, планировали использовать для работы с финскими военнопленными на приемных пунктах, расположенных в Карелии: в Петрозаводске, Сегеже, Кеми, Медвежьегорске.

ЗАДАЧИ НКВД КАССР В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

Архивные материалы свидетельствуют, что во время Советско-финляндской войны на НКВД КАССР были возложены задачи разведывательного и контрразведывательного характера, а именно: в ходе фильтрации и допросов финских военнопленных осуществлять первичный сбор информации военного, экономического и политического характера по Финляндии, по месту прохождения военной службы; выявлять кадровый состав финских воинских подразделений и агентуру финской военной разведки и контрразведки; подбирать агентуру из числа военнопленных и интернированных финских граждан с целью направления их на «оседание» в Финляндию; контролировать настроение населения Ка-

релии; взаимодействовать с Особыми отделами (отделами военной контрразведки) НКВД 8-й и 9-й армий, а также оказывать помощь партийным органам и правительству Куусинена для привлечения финских граждан к проведению пропагандистских мероприятий.

НКВД КАССР И ФИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Вскоре после начала Второй мировой войны, 19 сентября 1939 года, по указанию советского правительства и партии в составе НКВД было создано Управление НКВД по делам военнопленных (далее – УПВ НКВД СССР). В связи с началом войны с Финляндией НКВД принял решение увеличить количество лагерей для будущих финских военнопленных. Были открыты приемные пункты в следующих городах: в Мурманске на 500 человек, в Кандалакше на 500 человек, в Кеми на 500 человек, в Сегеже на 1000 человек, в Медвежьегорске на 800 человек, в Петрозаводске на 1000 человек, в Лодейном Поле на 500 человек, в Сестрорецке на 600 человек. Кроме того, для финских военнопленных были предназначены следующие тыловые лагеря: Южский (Ивановская область), на 5 тыс. человек; Потьма (Мордовская АССР), на 6 тыс. человек; Грязовец (Вологодская область), на 2,5 тыс. человек; Путивль (Сумская область), на 4 тыс. человек.

Таким образом, расчет делался на захват в плен значительного количества военнослужащих финской армии. Пропускная способность восьми пунктов военнопленных составляла 5600 человек, а подготовленные лагеря для приема и содержания финских военнопленных были рассчитаны на 17,5 тыс. человек. В качестве резерва выделили лагеря в следующих населенных пунктах: Тайшет (Иркутская область), на 8 тыс. человек; Караганда (Казахская ССР), на 5 тыс. человек; Великий Устюг (Вологодская область), на 2 тыс. человек. УПВ НКВД СССР на 30 ноября 1939 года было готово принять от войск Красной армии и содержать 38 тыс. финских военнопленных [15; 27–29]. Однако все это оказалось не востребовавшимся из-за неудачного начала войны и нежелания финских солдат попадать в плен. Как отмечает петрозаводский историк С. Г. Веригин, в советский плен попало всего 806 финских военнослужащих, поэтому приемные пункты и лагеря для финских военнопленных оставались незаполненными. За декабрь 1939 – март 1940 года петрозаводский приемный пункт военнопленных, крупнейший из действовавших пунктов, принял от 8-й и 9-й армий только около 260 человек; раненых, тяжелобольных, обмороженных военнослужащих оставляли в госпиталях Петрозаводска [12].

Как отмечалось выше, финскими военнопленными занималась оперативная бригада УГБ НКВД КАССР. Особым вниманием и доверием спецслужб пользовались финские военноплен-

ные, добровольно сдавшиеся в плен Красной армии. Как правило, они давали подробную информацию о составе и командовании своих частей, рассказывали, кто среди их сослуживцев состоял в шюцкоре и других военизированных формированиях, и т. д. Именно среди таких людей велась вербовка агентов. Однако лишь небольшое число финских пленных дали свое согласие на сотрудничество с советскими разведорганами [12].

Так, военнопленные Илмари Фагерстрем, Суло Ярвинен и Тойво Муукка были завербованы советскими спецслужбами, а после возвращения в 1940 году в Финляндию сдались финской полиции, дали сведения о своей вербовке в СССР, рассказали о процессе вербовки и подготовке в спецшколе и обещали содействовать в раскрытии других советских разведчиков, если те будут искать контакты с ними [12].

Как справедливо отмечает С. Г. Веригин, «эффективность вербовки и “работы” на Родине этих агентов была низкой. Большинство из них были арестованы финской контрразведкой либо сами после переброски явились в эти органы, заявляя о том, что были завербованы НКВД. Многие “агенты” не только давали подробную информацию об их подготовке в разведшколах СССР, раскрывали свои “задания”, но и обещали сообщать финским властям, если на них выйдут “русские шпионы»» [12]. Впрочем, не исключается тот факт, что некоторые бывшие военнопленные могли не признаться финским властям в вербовке советскими спецорганами и продолжить разведывательную работу уже в период войны, в 1941–1944 годах. Вполне понятно, что данный материал до сих пор остается секретным.

Пребывание финских военнопленных в советском плену было недолгим. В мае – июне 1940 года большинство из них были возвращены на родину [12], [13], [14; 135–148].

НКВД КАССР И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ ФИННЫ (1940 год)

После небольшого затишья на фронте в начале 1940 года советские войска начали готовиться ко второму этапу наступления. Встал вопрос о том, что делать с местным финским населением. 30 января 1940 года Ставка Главного Военного Совета РККА подготовила директиву «О мерах по борьбе со шпионажем» (№ 01447), которая была направлена командующим 8-й, 9-й и 14-й армий и народному комиссару внутренних дел. В директиве говорится: «В последнее время возрастает осведомленность белофиннов о расположении, передвижении и состоянии наших войск. Целый ряд факторов подтверждает наличие в тылу действующих советских армий безнаказанно работающей широкой сети шпионской агентуры противника. Как на занятой РККА финской территории, так и на территории СССР в тылу армий фиксируется работа шпионских радиостанций,

расположенных иногда в непосредственной близости от крупных штабов Красной армии и предупреждающих противника о передвижении советских войск, о вылетах авиации и т. п. В целях борьбы со шпионажем Ставка Главного Военного Совета приказывает... выселить все гражданское население с занятой нами территории и с территории СССР в двадцати-сорокакилометровой полосе от госграницы» [20; 315].

Во исполнение указанной директивы народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия⁸ 2 февраля 1940 года подписал директиву № 41 об усилении борьбы со шпионажем. В ней указывалось, что командованием погранотрядов во время пропуска через границу составлялся именной список всех финнов, переселяемых с территории противника в тыловые районы Карельской АССР, который немедленно передавался райотделению НКВД.

Начальник райотделения НКВД, на которого были возложены обеспечение расселения людей, охрана, установление соответствующего режима, был обязан всех прибывающих в указанное им место людей принять строго по списку. Отделения НКВД должны были обеспечивать прием людей, вести строжайший учет переселенных финнов и устанавливать за ними агентурное наблюдение.

Указанные директивы и постановление послужили основанием для выселения оставшегося финского населения с оккупированных территорий в тыл Карелии. Интернирование финского населения с территории Финляндии, занятой частями РККА, на территорию Карелии прошло с 5 по 11 февраля 1940 года [3; 23]. Реализация решения о переселении финских граждан возлагалась как на Особые отделы НКВД частей Красной армии, так и на Народное правительство Финляндии.

Во второй половине февраля 1940 года с территории Финляндии, занятой частями 15-й, 8-й и 9-й армий, было произведено выселение в Карелию оставшегося финского населения в количестве 2080 человек. В целях недопущения вражеской, шпионской работы со стороны вышеуказанного переселенного контингента на основании указаний НКВД СССР всех переселенных финнов разместили в трех населенных пунктах: Интерпоселок Пряжинского района, Кавгора-Гоймае Кондопожского района и Кинтезьма Калевальского района. В Интерпоселок интернировали 1329 человек. В местечке Кавгора-Гоймае был 481 интернированный. В Интерпоселок и Кавгора-Гоймае было интернировано население Суоярвского и Салминского приходов. В поселок Кинтезьма Калевальского района было выселено 270 человек из 13 деревень и хуторов Суомуссалминского прихода. В указанных поселках устанавливались режим и охрана, как в кулацких трудпоселках [9; 21], [5; 1], [3; 68, 108], [22; 87–88].

В период с 11 февраля по 3 июня 1940 года деятельность НКВД КАССР в среде интерниро-

ванных финнов базировалась на двух основополагающих приказах НКВД СССР: № 41 от 2 февраля 1940 года «Об усилении борьбы со шпионажем» и № 1799 от 8 мая 1940 года «Об эвакуации финподданных в Финляндию и вербовке заграничной агентуры» [5; 1].

Впервые в своей истории НКВД Карелии пришлось так «открыто работать» по большому количеству иностранцев, находившихся в зависимости от них положении. Сотрудники НКВД не упустили этого шанса для активного поиска шпионов, антисоветчиков и для вербовки агентуры из числа интернированных финнов. «Работу» по финским гражданам НКВД КАССР начал вести с первого дня войны, используя возможности Управления пограничных войск НКВД Карельского округа (УПВ НКВД КО) и Особые отделы НКВД.

Особые отделы НКВД 8-й и 9-й армий информировали НКВД КАССР о переселяемых на территорию СССР интернированных финских гражданах, о которых имела ранее полученная негативная информация: финские шпионы, шпикоры, карельские беженцы, антисоветски настроенные лица и т. д. Так, 16 февраля 1940 года Особый отдел НКВД 8-й армии направил в 3-й отдел УГБ НКВД КАССР список из 44 финских граждан, интернированных в п. Интерпоселок, о которых имелись компрометирующие материалы [3; 11]. Эти списки использовались местными органами безопасности при изучении, проверке, а при необходимости и при арестах указанных финских граждан.

Контроль за интернированными финскими гражданами на территории Карелии возлагался на райотделения НКВД. За финское население в Интерпоселке отвечало Пряжинское райотделение НКВД (начальник – П. М. Смирнов⁹), в п. Кавгора-Гоймае – Кондопожское райотделение (начальник – М. В. Медведев¹⁰), в п. Кинтезьма – Калевальское райотделение (начальник – С. А. Хитров¹¹).

В пределах Карелии всей работой по интернированным финнам руководил 3-й отдел УГБ НКВД КАССР (начальник – А. А. Дубинин) через районные отделения в Калевале, Кондопоге и Пряже. Так, уже 16 февраля 1940 года Дубинин потребовал от начальников Пряжинского и Кондопожского райотделений НКВД срочно направлять в Петрозаводск списки финского населения, переселенного с территории Финляндии в данные районы [3; 9].

В отношении интернированных финнов перед НКВД стояли три основные задачи: выявление агентуры финской разведки и охраны, выявление антисоветски настроенных лиц (которых считали потенциальными врагами советской власти), а также вербовка финских граждан. Собственно, работа по иностранцам мало чем отличалась от работы по советским гражданам: ей так же были свойственны недоверие, подозрительность и жестокость.

В поиске шпионов среди интернированных финнов НКВД Карелии проявил завидное усердие. Так, только Калевальским РО НКВД проверялись 25 финских граждан (21 мужчина и 4 женщины), из них 15 человек подозревались в проведении «антисоветской агитации», и 10 – в шпионаже, на всех были заведены учетные дела [5; 21]. Многие из них были арестованы. Если учесть, что на начало марта 1940 года в спецпоселке Кинтезьма содержалось 263 человека, из них взрослого населения, старше 16 лет, – 182 человека [5; 7], то становится ясно, что каждый 7-й финн проверялся органами НКВД (13 %), его могли в любой момент арестовать и осудить.

Все обвинения в отношении интернированных финнов были надуманны. Тем не менее эти данные легли в основу докладной записки наркома внутренних дел Карелии М. Баскакова от 30 апреля 1940 года «О положении финского населения в спецпоселках на территории Карело-Финской ССР», направленной им в адрес руководства НКВД СССР. Баскаков предлагал всех прибывших в Советскую Карелию с территории Финляндии финнов переселить в Сибирь, чтобы ликвидировать «базу для подрывной деятельности против СССР» [3; 68].

Следует отметить, что это уже второе, по окончании военных действий, подобное обращение Баскакова в Москву. Впервые он обращался с рапортом с тем же предложением лично к наркому Л. П. Берии. Однако указанный рапорт Баскакова до настоящего времени не обнаружен [3; 72].

Органы НКВД изначально оценивали финских граждан по классовому принципу и социальному положению. Наибольшее недоверие вызывали зажиточные крестьяне, имевшие «крупные кулацкие хозяйства». Их считали агентами иностранных специальных служб: «...часть из них была несомненно оставлена финской разведкой в тылу со специальными заданиями по шпионажу и диверсии для проведения антисоветской работы», таким образом создавалась база «для различного рода контрреволюционных формирований и подрывной деятельности» [4; 17, 18], [5; 3–4], [3; 1].

Кроме поиска шпионов, антисоветчиков и прочих врагов советской власти важной задачей была вербовка агентуры среди интернированных финнов с целью их дальнейшего направления в Финляндию. Так, 28 февраля 1940 года, критикуя положение с интернированными финнами в Калевальском районе, нарком внутренних дел КАССР М. Баскаков приказал «начальнику РО НКВД тов. Хитрову немедленно приступить к развертыванию агентурной работы в поселке» [5; 1]. (Следует отметить, что разведывательный отдел Калевальского пограничного отряда имел к этому времени среди финских граждан 16 агентов, с которыми работали вплоть до их выезда на родину [3; 33].)

Однако уже к 6 марта 1940 года сотрудник Калевальского РО НКВД, сержант госбезопасности Н. Н. Канноев¹², завербовал первого агента среди интернированных, а к 8 апреля Калевальское райотделение НКВД привлекло к сотрудничеству по крайней мере 8 человек из числа интернированных финнов – агентов «Киви», «Корхонен», «Хакка», «Сеппянен», «Вилхо», «Хела», «Юнтунен», «Окунь» [3; 35–37, 48, 117–118].

Вербовкой занимались и другие районные отделения, но результаты этой работы, вероятно, не устраивали руководство НКВД Карелии. Именно поэтому 8 мая 1940 года в НКВД КФССР состоялось совещание о возвращении финских граждан на родину. На нем обсуждался вопрос о вербовке агентуры из числа финских граждан, выезжающих в Финляндию. В совещании приняли участие заместитель народного комиссара внутренних дел КФССР Нефедов¹³, начальник 2-го (секретно-политического) отдела Солоимский¹⁴, начальник 3-го (контрразведывательного) отдела Дубинин, его помощник Богданчиков¹⁵, начальники секретариата Столяров¹⁶, Кондопожского и Пряжинского райотделений Медведев и Смирнов. В совещании также приняли участие представители Управления пограничных войск НКВД Карело-Финского пограничного округа: начальник 5-го (разведывательного) отдела Баранников¹⁷ и его помощники Мандель¹⁸ и Артемьев¹⁹, начальник 1-го отдела штаба пограничных войск Цветков²⁰ [3; 111]. Столь высокое представительство говорит о серьезности намерений НКВД КФССР. Сколько было завербовано интернированных финнов, вероятно, навсегда останется тайной: ни одна спецслужба мира не раскрывает своих агентов.

3–4 июня 1940 года последние финские граждане, пожелавшие выехать из СССР, были переданы Финляндии [3; 108]. Передаче финских граждан содействовали участники совещания в НКВД КФССР от 8 мая 1940 года. Так, передачу финских граждан, возвращаемых из п. Кинтезьма (Калевальский район) в Финляндию через временный контрольно-пропускной пункт (КПП) Лонка, производили в том числе сотрудник 5-го (разведывательного) отдела УПВО КО старший лейтенант Мандель, в качестве переводчика выступал старший оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД КФССР И. Н. Александров²¹ [3; 110]. Думается, что они выезжали на передачу финских граждан с тем, чтобы убедиться, что завербованные агенты успешно вернулись в Финляндию.

Кроме того, на основании вышеуказанной директивы 3 февраля 1940 года Карельский обком ВКП(б) и СНК Карельской АССР приняли постановление «О переселении населения, проживающего в 40-километровой зоне от государственной границы, в тыловые районы республики». Только на участках 1-го, 72-го и 73-го пограничных отрядов были отселены 5346 человек из 54 населенных пунктов [17; 53–54], [3; 68, 109, 116,

151]. Переселение с первых дней вызвало недовольство и различные слухи среди местного населения, многие жители резко отрицательно отнеслись к нему, о чем местные районные отделения НКВД КАССР и пограничные отделы докладывали руководству НКВД КАССР [6; 104, 116, 151], который оценивал эту ситуацию как появление среди местного населения пораженческих слухов. Позже распространителей этих слухов назовут антисоветскими элементами. Так, 26 февраля 1940 года Баскаков, докладывая Председателю СНК КАССР П. В. Солякову²², в частности, писал: «...со стороны антисоветских элементов наблюдаются случаи распространения провокационных слухов о предстоящем поражении Красной армии в боях с белофиннами» [9; 26]. Эти люди ставились на контроль в НКВД КАССР, причем их считали пособниками противника, то есть Финляндии.

НКВД КАССР И ФИНСКАЯ НАРОДНАЯ АРМИЯ

С началом Советско-финляндской войны многие органы безопасности СССР направляли своих сотрудников в Особые отделы действующей армии для укрепления военной контрразведки. В связи с «кадровым голодом» оперативный состав НКВД Карелии не направлялся в действующую армию. В то же время один из бывших сотрудников органов безопасности Карелии был направлен в военную контрразведку.

В конце 1939 года начальник отделения контрразведки УГБ НКВД Ленинградской области майор государственной безопасности Василий Иванович Райманников был откомандирован на должность начальника Особого отдела Финской народной армии (далее – ФНА).

В. А. Райманников с 1932 года работал на оперативных и руководящих должностях в ГПУ–УНКВД–НКВД Карелии, руководство ценило его как опытного и смелого работника. Так, в июне 1933 года Райманников с группой коллег участвовал в ликвидации в Сегозерском районе Карелии бежавшей из лагерей ББК вооруженной банды. За проявленные инициативу и смелость Райманников был награжден боевым оружием с надписью «за беспощадную борьбу с контрреволюцией от ПП ОГПУ в ЛВО» [7; 171]. Он хорошо знал жизнь и быт карельского и финского народов, что, вероятно, было одной из причин назначения его на должность. Немалую роль сыграл и тот факт, что он был женат на вепсынке Антонине Федоровне Принцевой, которая родилась в с. Шокша Шелтозерского района КАССР. По окончании Советско-финляндской войны Райманников возглавлял вновь созданные Выборгский и Кякисалмский городские отделы НКВД КФССР, во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника 2-го (контрразведывательного) отдела, начальником 4-го отдела НКВД–НКГБ КФССР.

В заключение скажем кратко о финском шпионаже в тылу Карелии. Борьба с финской разведкой

и ее деятельностью на захваченной финской территории и в ближайшем тылу РККА была возложена на армию, Особые отделы, пограничные войска НКВД. Так, в конце января 1940 года на территории Петровского района Карелии задержали финна в красноармейской форме, направленного с целью разведки. Следствие по нему вел Особый отдел НКВД 8-й армии [3; 58], территориальные

органы НКВД КАССР в их деятельность не вмешивались. Финская сторона была в очень сложном положении, у нее не было возможности заниматься разведкой в глубоком тылу СССР, в частности в Карелии. Впрочем, мы не исключаем, что когда все документы о Советско-финляндской войне будут рассекречены, появятся новые данные о финском шпионаже.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ворошилов Клемент Ефремович (1881–1969), Маршал Советского Союза, в 1934–1940 годах – нарком обороны СССР.
- ² Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968), Маршал Советского Союза, в 1939–1940 годах – командующий войсками Ленинградского военного округа и одновременно командующий 7-й армией на Карельском перешейке.
- ³ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), с 1922 года – Генеральный секретарь ЦК РКП(б) ВКП(б)–ЦК КПСС.
- ⁴ Баскаков Михаил Иванович (1905–1968), нарком внутренних дел КАССР–КФССР, нарком государственной безопасности – внутренних дел – государственной безопасности КФССР (29.12.1938–31.07.1943).
- ⁵ В действительности Нуутинен Тауно Куунович, который родился в 1901 году в Финляндии. В 1915 году с родителями переехал в Россию, где и начал трудовую деятельность рабочим Дубровской бумажной фабрики Петроградской губернии. В 1918 году принимал участие в революции, служил добровольцем в РККА, откуда был уволен в 1920 году. После учебы находился на педагогической работе в школах Карелии. В 1931 году Каробкомом партии откомандирован в аспирантуру Комвуза им. Мархлевского. По окончании аспирантуры работал зав. учебной частью заочного образования Карельского пединститута, преподавал историю КПСС в госуниверситете, был редактором Госиздата. Во время войны Нуутинен служил в РККА. После войны работал в Госиздате республики. В январе 1950 года утвержден завсектором переводов Института истории партии при Карельском обкоме КПСС [8; 4].
- ⁶ Дубинин Андрей Андреевич, начальник 3-го отдела УГБ НКВД КАССР–КФССР (1939–1942).
- ⁷ Кузнецов Андрей Михайлович (1901–1971), начальник следственной части НКВД КАССР (1939–1940), народный комиссар госбезопасности, министр безопасности КФССР (1943–1951).
- ⁸ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953), Маршал Советского Союза, в 1938–1945 годах и марте – июне 1953 года – народный комиссар (министр) внутренних дел СССР.
- ⁹ Смирнов Павел Матвеевич (1905–1956), начальник Пряжинского РО НКВД в 1938–1941 годах.
- ¹⁰ Медведев Михаил Владимирович, начальник Кондопожского РО НКВД в 1939–1941 годах.
- ¹¹ Хитров Семен Алексеевич, начальник Калевальского РО НКВД в 1938–1941 годах.
- ¹² Канноев Николай Николаевич, старший оперуполномоченный Калевальского РО НКВД в 1939–1940 годах.
- ¹³ Нефедов Дмитрий Алексеевич, заместитель наркома внутренних дел КАССР–КФССР в 1939–1941 годах.
- ¹⁴ Солоимский Георгий Тимофеевич, начальник 2-го отдела УГБ НКВД КАССР–КФССР в 1939–1940 годах.
- ¹⁵ Богданчиков, начальник 5-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД КАССР в 1939–1940 годах.
- ¹⁶ Столяров Георгий Иванович, начальник секретариата НКВД КАССР–КФССР в 1939–1941 годах.
- ¹⁷ Баранников, полковник, начальник 5-го (разведывательного) отдела, в 1939–1940 годах – заместитель начальника Управления пограничных войск НКВД Карельского (позже Карело-Финского) пограничного округа.
- ¹⁸ Мандель, старший лейтенант, в 1939–1940 годах – офицер 5-го (разведывательного) отдела Управления пограничных войск НКВД Карельского (позже Карело-Финского) пограничного округа.
- ¹⁹ Артемьев, в 1939–1940 годах – офицер 5-го (разведывательного) отдела Управления пограничных войск НКВД Карельского (позже Карело-Финского) пограничного округа.
- ²⁰ Цветков, начальник 1-го отдела штаба пограничных войск НКВД СССР.
- ²¹ Александров Иван Николаевич, старший оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД КАССР в 1938–1940 годах, переводчик финского, карельского языков оперативной бригады УГБ НКВД КАССР в 1939–1940 годах.
- ²² Соляков Петр Васильевич (1897–1962), с августа 1937 года – председатель СНК КАССР.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 19. П. 1.
2. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 59.
3. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 66.
4. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. № 2. Ч. 3.
5. Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. № 2. Ч. 4.
6. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 60.
7. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 13. П. 1.
8. НА РК. Ф. П-5425. Оп. 1. Ед. хр. 4.
9. НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 16. С. 21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

10. Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне. СПб.: Ид-во СПбГУ, 1997. 351 с.
11. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Правительство в Терийоки // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999. 382 с.
12. Веригин С. Г. Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период Зимней войны 1939–1940 гг. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск; М., 1997. С. 26–28.

13. В е р и г и н С. Г. Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Новый часовой. Русский военно-исторический вестник. 2003. № 8–9. С. 85–92.
14. В е р и г и н С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
15. Г а л и ц к и й В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М.: Грааль: ТОО «Церера», 1997. 215 с.
16. К и л и н Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
17. Особые папки: Рассекреченные документы партийных органов Карелии, 1930–1956 гг. Петрозаводск: Карельский государственный архив новейшей истории, 2001. 192 с.
18. С е м и р я г а М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. 303 с.
19. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003. 544 с.
20. Тайны и уроки Зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб.: Полигон, 2000. 542 с.
21. Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Helsinki. WSOY, 1974. 349 s.
22. Verigin S., Laidinen E., Kämäräinen J. Talvisodan panttivangit. Unternoidut suomalaiset Neuvosto-Karjalan Kalevalan piirin alueella vuosien 1939–1940 talvisodan aikana / Johan Beckman Institute. Helsinki; Pietari; Petroskoi, 2006. 232 s.

УДК 94(47) «1917/1991»

ТАТЬЯНА ВЛАДЛЕНОВНА НИКУЛИНАкандидат исторических наук, доцент кафедры истории до-
революционной России исторического факультета ПетрГУ
nikulina50@bk.ru**ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА КИСЕЛЕВА**доцент кафедры отечественной истории исторического
факультета ПетрГУ
rushistory@psu.karelia.ru

**О «ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ...»:
ПАМЯТЬ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ О ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ**

В статье на основе материалов биографических интервью, собранных с использованием методик устной истории, рассматривается проблема формирования исторической памяти гражданского населения Карелии о периоде Зимней войны.

Ключевые слова: Зимняя война, гражданское население, Карелия, историческая память, устная история

В основе настоящей статьи лежат интервью современников Зимней войны, которые являлись представителями гражданского населения Карелии, не участвовали в военных событиях, но прожили зиму 1939–1940 годов на территории республики¹. Устная история, ставшая в нашей стране с 1990-х годов достаточно востребованным исследовательским направлением [4], [7], [9], [10], [11], дает возможность собрать уникальный материал о повседневной жизни рядовых жителей Карелии в условиях военного времени. На основе интервью мы попытались проследить, как возникает тот образ Зимней войны, который присутствует в памяти отдельного частного человека и является его сугубо индивидуальным отражением событий, как личные образы и символы войны соотносятся с официальной памятью о событиях советско-финляндского противостояния 1939–1940 годов и где обозначаются узлы пересечения индивидуальной и официальной исторической памяти.

В ходе интервью мы получили соответствующую модификацию истории Советско-финляндской войны: это воспоминания детско-

юношеской поры со всеми преимуществами непосредственной эмоциональной реакции на события и недостатками, связанными с отсутствием должного жизненного опыта, необходимого для оценки происходящего. В транскрибированных текстах интервью отсутствует композиционная целостность. Это не продуманное повествование человека о пережитом, а ряд спонтанно возникающих образов и сюжетов, связанных с восприятием событий зимы 1939–1940 годов. Психологи, исследуя проблему восприятия события индивидуумом, отмечают, что часто используемый при рассказе о пережитом понятийный аппарат не соответствует природе изучаемого явления, а познание фиксирует лишь поверхностный его слой [1; 10]. Это в полной мере можно отнести и к текстам меморатов, которые использовались в данной статье.

Военное положение серьезнее всего отразилось на повседневной жизни петрозаводчан. По свидетельствам очевидцев, облик города стал сильно меняться уже в начале осени 1939 года. Я. Ругоев вспоминал: «Уже за много недель до начала военных действий в Петрозаводске стали

сосредотачиваться массы мобилизованных на военную службу» [8; 412]. На улицах появилось много машин, горожане впервые наблюдали автомобильные заторы на шоссе 1 Мая, увидели работу регулировщиков. Железнодорожные пути были забиты военными эшелонами, а привокзальные районы города стали самыми людными из-за дислокации войсковых частей. Эти изменения в городе отразились на поведении людей и темах частных разговоров. «После уроков мы сразу с парнями убегали посмотреть, что еще интересного происходит на улицах. Мама ругалась и говорила, что нас придавят и не заметят, такая толчея была. Что удивительно – не помню каких-то строгостей. Никто нас не останавливал, везде мы свой нос совали. Сейчас понимаешь, что это отсутствие должного порядка, какая-то разболтанность. Это было еще до холодов. Потом такой морозище ударил – не побегаешь» (Интервью, г. Петрозаводск).

Скопление войск и их расквартирование в городе вызывали многочисленные трудности, с которыми власти не всегда успешно справлялись. Прежде всего, в Петрозаводске было недостаточно зданий для размещения войск. Было принято решение использовать возможности частного сектора. Поэтому один из типичных сюжетов в рассказах респондентов о повседневной жизни в Петрозаводске во время Зимней войны – это появление расквартированных военных в доме. «Солдат и командиров размещали в домах по ул. Красной, Крупской, шоссе 1 Мая, на Голиковке. Я видела много военных в районе старого вокзала. К нам на постой тоже пятерых определили. Мама их пустила в кухню, а мы сами жили в комнате. Спали они вповалку. Все были украинцы. Песен не пели, но говорили очень певуче. Я тогда впервые украинскую речь услышала. И были такие уважительные, аккуратные, хозяйственные. Все чего-то чинили, зашивали. Когда ели, то и нас приглашали. Мне было 13 лет, и они мне казались ужасно взрослыми. С родителями подружились и обещали прислать весточку с фронта. Но никаких писем так и не пришло» (Интервью, г. Петрозаводск).

Начавшиеся боевые действия и появление многочисленных раненых, обмороженных бойцов превратили Петрозаводск в город госпиталей. Госпитали были оборудованы не только во всех больницах города, но и в части зданий учебных заведений. В связи с этим возникла потребность в увеличении числа медицинских работников, особенно медсестер и санитарок. «Мы были на первом курсе училища и по комсомольскому набору все пошли работать санитарками. Привыкала трудно. Особенно боялась делать перевязки у обмороженных. Знаешь, как ему больно, и сама трястись начинаешь. И белье стирать приходилось. Хуже гнойных перевязок ничего не было. После этого я есть не могла. Домой приду и говорю сестре, чтобы она чего-нибудь мне рассказывала, только без остановки.

Она что-нибудь говорит и отвлекает меня, а я быстро ем картошку. Главное, чтобы у меня перед глазами снова госпиталь не встал. Молодая была, впечатлительная» (Интервью, г. Петрозаводск).

Петрозаводску в военную зиму пришлось столкнуться с очень серьезными трудностями в организации коммунального хозяйства. Небывало суровая зима привела к тому, что на улицах замерзали водяные колонки, и населению приходилось топить снег для домашних нужд. В многоквартирных каменных домах выходили из строя системы водоснабжения и отопления. По свидетельствам респондентов, которые там проживали, спасали положение только деревянные плиты на кухнях. Не лучше обстояло дело в частном секторе. Бюджет большинства горожан не позволял делать большие запасы дров, а из-за холодов уже в январе начал ощущаться их дефицит. «Мама протапливала только к ночи, а к утру все тепло уходило. Мерзли мы отчаянно. И жили бедно, теплой одежды не было. Я имею в виду – каких-то шуб. Все больше платками утеплялись» (Интервью, г. Петрозаводск). «Дрова на рынке из-за холодов и войны очень подорожали, люди ругались, но покупали. Куда деться! Я сам раз в два дня с саночками по морозу на Зарецкий рынок ходил. Уши у меня не отмерзали, но кончик носа все время» (Интервью, г. Петрозаводск).

По свидетельствам очевидцев, во время Зимней войны город жил странной, двойной жизнью. У многих горожан на фронте или на работах по трудовой мобилизации в прифронтовой полосе были родственники, друзья, знакомые. Однако на официальном уровне тема войны после первых поражений на фронте стала запретной. «У матери двоюродный брат был на фронте, и она с родней страшно переживала, что ничего не знает, как у них там, и узнать негде, тем более такие холода стояли» (Интервью, г. Петрозаводск). Респонденты вспоминали, что начало войны активно обсуждалось в школах, проводились собрания в рабочих коллективах, а затем наступил период молчания, вплоть до марта 1940 года. «В педучилище у нас была карта, и мы отмечали продвижение Красной армии, гордились успехами, а потом директор карту снял и сказал, что не про войну нам надо думать, а об учебе. Хотя сначала сам первый выступал, рассказывая о том, что мы братскому финскому народу идем на помощь» (Интервью, г. Петрозаводск).

Двойственность жизни города проявлялась и в том, что на фоне официального оптимизма (устраивались новогодние балы-карнавалы, в школах и во Дворце пионеров активно готовились новогодние концерты) в городскую повседневность входила практика обсуждения частных известий, которые шли вразрез с военными сводками, печатавшимися в газетах. Информация в прессе была настолько лаконична, что, по словам одного респондента, «при всем желании между строк ничего вычитать было не-

возможно, иногда даже было неясно, а война идет или уже окончилась. Если бы не госпитали, забитые ранеными, и передававшиеся слухи, так и догадаться было бы невозможно, что же происходит» (Интервью, г. Петрозаводск).

Неформальные каналы информации и слухи восполняли те лакуны, которые появились в прессе. Писать о неудачах на фронте категорически запрещалось цензурой, и поэтому с конца декабря 1939 года информация о делах на фронте исчезла. На газетных полосах размещался материал о подготовке к выборам в местные органы власти, отмечался 20-летний юбилей создания Первой конной армии, давалась информация о повседневной жизни республики, о подготовке к новогоднему маскараду в Петрозаводске. Из газет января – февраля 1940 года можно было понять, что Карелия является прифронтовой территорией, только по рубрике «Подарки трудящихся Карелии бойцам Красной армии», которая становится постоянной с 8 января 1940 года². Пресса, не находя адекватных приемов, которые заменили бы ура-патриотические и победные реляции о действиях Красной армии, перестает быть действенным орудием управления индивидуальным и общественным сознанием. Общее содержание заметок о военных событиях на протяжении зимних месяцев 1940 года сводится к следующей стандартной оперативной сводке Ленинградского военного округа: «В течение дня на фронте не произошло ничего существенного».

Соотнесение материалов, опубликованных карельской прессой во время военной зимы 1939–1940 годов, с информацией о Советско-финляндской войне, которая отложилась в памяти населения Карелии, позволяет получить представление о технологии и механизмах формирования индивидуальной культурной памяти и роли в этом процессе СМИ. Пожалуй, материалы интервью, собранные с использованием методик устной истории, являются единственным уникальным источником для выявления степени усвоения и глубины закрепления официально сконструированных формул памяти.

Проблема советско-финляндских отношений в 1930-е годы весьма поверхностно освещалась в карельской периодической печати. Ситуация изменилась только накануне войны, когда власти необходимо было легитимизировать военные действия Советского Союза против Финляндии. Осенью 1939 – зимой 1940 года были задействованы различные идеологические инструменты, использовались разнообразные мероприятия, связанные с пропагандой целей и задач войны [2]. В работе «Социальная власть публичного выступления» известный социолог Р. Ленуар подчеркивал, что «когда власть облекается в слова, дискурс власти является дискурсом силы. Это – дискурс самоустановления, самолегитимации» [3; 168]. Манипуляция восприятием происходившего должна была активизировать чувства пролетарского интернационализма и инициировать кампа-

нию поддержки эксплуатируемого финляндского народа. Заголовки статей в республиканских газетах того времени весьма красноречиво об этом свидетельствуют: «Карельский народ поможет трудящимся Финляндии построить жизнь по-новому», «Судьба финского народа в надежных руках», «Карелы помогут финскому народу освободиться от ужасов войны, от гнета капиталистов», «Стереть с лица земли белофинскую свору»³. Таким образом, уже накануне и в первые дни военного противостояния властью был задан определенный пропагандистский «код».

Влияние СМИ тех лет прослеживается в ответах респондентов и спустя 60 лет. Современники событий хорошо помнили, что «советское правительство стремилось отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда и обезопасить колыбель революции» (Интервью, п. Пряжа). Особенно подробно об этом говорили жители сельской местности, которая предлагалась Финляндии в обмен на территории Карелии. Одна из респонденток отметила, что осенью 1939 года, учась в Петрозаводске в педучилище, «очень волновалась: неужели после окончания учебы придется ехать в Финляндию. Было страшно, ведь говорили, что там реакция. И не я одна такая была. Директор даже собирал собрание, чтобы успокоить нас» (Интервью, г. Петрозаводск).

В памяти у поколения молодежи Карелии 30-х годов XX века осталась и официально обоснованная причина начавшегося военного противостояния. Каждый респондент отмечал, что «воевали с финскими капиталистами. Там реакция была. Всех коммунистов по тюрьмам гноили. Это сейчас – вмешательство во внутренние дела. А тогда мы людей спасали, помощь оказывали» (Интервью, г. Олонец). «Да нет, с народом не воевали, воевали с их Маннергеймом и капиталистами. Да сейчас уж все запуталось, с кем воевали и зачем» (Интервью, г. Пудож). «Врагами были белофинны, а простой народ – чего с ним воевать» (Интервью, п. Ведлозеро). «Да с финским правительством воевали!» (Интервью, д. Салменицы).

Приведенные цитаты из меморатов чрезвычайно интересны по своей структуре. Они несут на себе печать влияния современных идеологических ориентиров: «Давно не думала о той войне с финнами. Сколько лет дружим. Сейчас в газетах о том, что они когда-то врагами были, не пишут. Забываться стало. Помню только, что когда учительница нам газету читала, перед войной или в начале войны – не помню, то там говорилось, что наша страна приходит на помощь финскому народу. Конечно, мы этому верили. Нас учили быть интернационалистами» (Интервью, п. Калевала), «Да сейчас уж все запуталось, с кем воевали и зачем. Сейчас-то вон как все переменялось. Рады и сами туда съездить, и к нам зазываем. Но тогда газеты писали, что народ очень плохо у них живет. Гнет капиталистов! У меня отец всегда газету вслух дома читал, так что я грамотная бы-

ла. Все понимала. Финскому народу надо помогать!» (Интервью, г. Петрозаводск).

В этой связи интересны упоминания респондентов о том, что после прочтения газетных материалов в годы войны они недоумевали, почему же трудовой народ Финляндии так пассивен: «Мы же за их интересы воевали, а они у себя внутри государства никаких действий не предпринимали» (Интервью, г. Пудож). Трудно придумать более яркий пример манипуляции общественным сознанием. На основе формул официальной пропаганды у респондентов, безусловно, сформировалась четкая психологическая антитеза «свой – чужой»: финский народ, желающий объединиться с карельским, – с одной стороны, белофинны, Маннергейм, капиталисты – с другой. Роль периодической печати в создании такой картины происходящего была доминирующей. Но вместе с тем периодическая печать Карелии, как и в целом СССР, попала в ловушку собственных пропагандистских построений и лжи. Читатели так и не смогли понять из материала газет, почему же «братский народ» так героически сопротивляется своему освобождению. Свидетели событий, дававшие интервью, прямо говорили: «Хотя что мы знали? Что напишут в газетах, тому и веришь, о том и помнишь» (Интервью, п. Ведлозеро).

Рассматривая такой идеологически важный вопрос для военного противостояния, как официально оформленный образ врага, необходимо отметить, что на основе интервью мы можем сделать вывод о существенной разнице в содержательной насыщенности воспоминаний жителей городов и жителей сельской местности. Именно этот сегмент воспоминаний в наибольшей мере зависел от района проживания, образовательного уровня респондента, его политизации, от того, являлся ли он в советское время членом партии, и т. д. [9; 216]. Вместе с тем материалы, собранные в ходе интервьюирования, показывают, что не существовало идеологически оформленного и внедренного пропагандой тех лет в массовое сознание молодежи образа финна-врага, хотя Яакко Ругоев, описывая предвоенные месяцы, отмечал, что в головы буквально «вдалбливались рассказы о тех злодеяниях, которые “белофинские банды и их карельские прислужники творили в Карелии в годы Гражданской войны”, чтобы вызвать резкую неприязнь к маннергеймовцам» [8; 411].

Власть пыталась воздействовать на морально-психологическую атмосферу в обществе, чтобы как можно более полно использовать мобилизующие факторы. Однако, как показывают личные свидетельства современников событий, «патриотического угара» в период войны 1939–1940 годов в Карелии не наблюдалось. Респонденты, участвующие в опросе, не вспоминали отмечаемого, как правило, в начале любого вооруженного конфликта резкого всплеска патриотических чувств. В интервью отмечалось, что «к

финнам относились как к военному противнику, без эмоций», «воюем – значит надо», «знали, что финские власти воюют, а к рядовым финнам неприязни не было», «так ведь говорили, что мы рабочим финским помогаем, так врагом были их капиталисты» (Интервью, г. Петрозаводск, п. Эссойла, д. Маньга, г. Олонец).

Однако образ врага, наделенный негативными, отрицательными качествами, в годы войны неминуемо каждым отдельным человеком стихийно конструируется на уровне обыденного восприятия происходящего. Военное противостояние инициирует этот процесс, оформляет его. Образ врага символичен и часто формируется на основе мифов военного времени, в которых своеобразно преломляется официальная информация о действиях противника, его облике, пристрастиях и т. д. Например, и в городе, и в сельской местности широко бытовали рассказы о поведении финских солдат перед отступлением. Как правило, респонденты предваряли свои воспоминания об этом словами: «Тогда все об этом говорили...» или «Все это обсуждали...» Мы приведем пример наиболее сюжетно оформленного воспоминания о рассказе, который услышал и запомнил мальчик – петрозаводчанин 11 лет: «Финские солдаты были очень коварны, очень мстительны. От них всегда можно было ждать подвоха. Когда наши стали наступать, то, оставляя свою территорию, финны все там минировали. Заходят наши солдаты на брошенном хуторе в дом, а обстановка там сохранилась, никакие вещи не вывезены, все в полном порядке. Кто-нибудь ради любопытства возьмет какую-либо вещь посмотреть, а она проводками с миной или гранатой соединена. Люди гибли. Даже в игрушки взрывчатку клали» (Интервью, г. Петрозаводск). При сборе интервью были зафиксированы и другие близкие по содержанию мифологизированные воспоминания об изощренных действиях финских солдат, применявших нестандартные методы борьбы.

Помимо этого можно выделить еще несколько устойчивых сюжетов. В годы войны широко циркулировали рассказы о страшных 40-градусных морозах, когда «птицы замерзали на лету», и о финских снайперах – «кукушках». Однако необходимо учитывать, что мифологизация события в индивидуальной памяти постоянно переплетается с воспоминаниями о конкретных реалиях повседневности, о действительно имевших место случаях из жизни. Так, у значительного числа женщин, дававших интервью, воспоминания о небывалых холодах неразрывно связаны с памятью об их работе в госпиталях, где было огромное количество обмороженных. Как правило, в годы Зимней войны они были подростками и в госпиталях оказывали посильную для их возраста помощь: помогали ухаживать за ранеными и обмороженными в палатах, устраивали для них небольшие самостоятельные концерты

и писали письма родным солдат. Рассказывая об этом, они подчеркивали, что приходилось писать очень много писем не потому, что люди были неграмотны, а потому, что «сплошь руки у всех отморожены были». И вид обмороженных воинов для многих девочек и девушек той поры тоже стал своеобразным символом войны. «Как заговорят о финской войне, так у меня сразу перед глазами наши обмороженные солдаты», – отмечали они (Интервью, г. Петрозаводск, Олонец).

Для исследования механизмов формирования в памяти сюжетно завершенных представлений о происходивших событиях особенно интересны повествования о «кукушках». В современной историографии сложилось мнение о вымышленности рассказов о финских снайперах и их роли в военных событиях Зимней войны. Однако именно эти сюжеты доминируют в спонтанных воспоминаниях современников событий, не участвовавших в боевых действиях, но слышавших рассказы бойцов, вернувшихся с фронта. Мы процитируем наиболее типичные из них. «Братья, вернувшись с войны, рассказывали, что с “кукушками” дело поначалу тоже обстояло неважно, были от них большие потери. “Кукушка” лыжи оставляет под елкой, на “кошках” поднимался вверх, его и не видно было. Сделав 1–2 выстрела, спускался вниз и след простыл. Потом были сформированы в частях специальные подразделения – и ребята научились убивать снайперов, пока они спускались с деревьев» (Интервью, г. Кондопога). «Финские снайперы-“кукушки” принесли нашим войскам ощутимые потери, особенно командному составу, так как наши солдаты были плохо обмундированы, а командный состав был одет в белые полушубки, которые и привлекали снайперов. Для Красной армии “кукушки” были новостью, но затем наши солдаты научились бороться с ними» (Интервью, г. Олонец).

Насыщенность текстов приведенных меморатов достаточно убедительными деталями позволяет утверждать, что вряд ли целесообразно данную информацию о войне относить к разряду чистого вымысла, она нуждается в дополнительном истолковании. Кроме того, изучение публикаций карельской прессы за декабрь 1939 – март 1940 года показывает частое использование в сводках и репортажах сюжетов о действиях снайперов-«кукушек» и тотальном минировании местности финскими солдатами. В карельских газетах уже в первую неделю войны, наряду с заметками с характерными заглавиями: «Знамя победы скоро взойдет в Хельсинки» или «Красная армия теснит белофиннов», начинают появляться материалы о коварстве неприятеля. В них журналисты использовали именно те вербальные формулы, которые станут затем ключевыми для формирования образа врага в карельской прессе: «Уже давно коварный враг минировал поля, дороги, ставил капканы», «Враг устраивал пулеметные гнезда на деревьях» и т. д. Редкая заметка обходилась без упоминания о снайперах-«кукуш-

ках» и минировании объектов и территорий. Респонденты отмечали, что впервые о снайперах-«кукушках» они узнали именно из газет. «Это вызвало сенсацию! Мы все, кто занимались в кружке “Ворошиловский стрелок” в Петрозаводске, когда собирались на тренировки, это обсуждали. Вот, оказывается, как можно воевать!» (Интервью, г. Петрозаводск).

Уверенный в скорой победе тон статей, печатавшихся в газетах, во многом предопределил настроение общества в первые дни войны. Поэтому в личных свидетельствах большинства респондентов преобладают очень яркие, картинные образы – символы военного времени, не предвещавшие никакой беды: все отмечают появление в городах (Петрозаводск, Олонец) большого количества воинских частей (некоторые из них были расквартированы в частных домах). Запоминаются красивые офицеры и солдаты, вкусная еда, которой угощали из солдатской походной кухни, ощущение праздничности и приподнятости в начале войны. Война многими в тот момент воспринималась как интересное событие, которое нарушило монотонность, рутину повседневной жизни. В начале войны, особенно у городской молодежи, практически не было ощущения тревоги. Разговоры той поры среди молодежи, зафиксированные по воспоминаниям, почти зеркально отображают заголовки газетных статей: «Победим за пару недель, к Новому году война кончится». Настораживало и удивляло только то, что взрослые, как отмечал один из респондентов, – петрозаводчанин, которому в 1939 году было 13 лет, отмалчивались и ничего по этому поводу не говорили. «Я с пеной у рта говорю отцу о том, что мы Маннергейма разгромим сходу. А он молчал и только задумчиво покачивал головой. Это очень раздражало, потому что хотелось быстрых победных атак, как в кинофильмах тех лет» (Интервью, г. Петрозаводск).

Многие респонденты вспоминали плохую экипировку солдат: легкие шинели, тонкие белые маскхалаты, ботинки с обмотками на ногах. Дома это открыто обсуждали и ругали руководство войсками: «Говорили даже, что это не просто головатяпство, а вредительство» (Интервью, г. Петрозаводск). Когда стали приходиться сведения о неудачах на фронте, о том, что, замерзая, гибнут целые воинские подразделения, «в памяти сразу вставал образ солдата в легкой шинели и ботинках с обмотками» (Интервью, г. Петрозаводск).

Своеобразным символом войны для подростков-петрозаводчан явилось и обучение солдат из воинских частей, переброшенных с Украины, хождению на лыжах в городском парке. Мальчишки сбегались к «детской горке», которая находилась рядом с площадью Ленина, для того, чтобы посмотреть на это и посмеяться над неумелыми лыжниками-солдатами, которые все время падали, спускаясь с горы, и ходили на лыжах враскорячку. Но вид этой картины, поначалу столь юмористической, скоро начал вызы-

вать тревогу и заставил задуматься: «Почему для войны с финнами, которые как ходить научатся, сразу на лыжи встают, прислали войска с юга, из степи?» Подростки обращали внимание и на беспомощность молодых командиров, которые очень беспоточно руководили обучением. Респонденты отмечали, что «чувства гордости за наши войска не появлялось, скорее чувство жалости. Поэтому когда стали говорить о потерях наших войска, никто не удивился. Обидно было, и начали говорить между собой о вредительстве в армии» (Интервью, г. Петрозаводск).

В транскрибированных устных рассказах о событиях из жизни гражданского населения Карелии особенно много информации, связанной с различными слухами, с распространявшейся молвой. Концентрация подобного рода сюжетов, отложившихся в индивидуальной памяти, особенно высока среди информантов, проживавших в то время в сельской местности. Как правило, слухи были тесно связаны со страхами населения, с ожиданием каких-либо экстремальных событий, которые могут произойти не только в семье респондента, но и у соседей и других людей. Сюжетообразующие линии подобных воспоминаний переплетены с уже полученным историческим опытом жизни в тоталитарном обществе. Многие из людей, дававших интервью, в предшествующие войне годы сталкивались с практикой массовых репрессий. Это усугубляло боязнь выселений, переселений, депортации, о которых постоянно велись разговоры на бытовом уровне. Так, в воспоминаниях 12-летнего подростка из д. Салменицы говорится о том, что в их деревне ходили слухи о выселениях, так как фронт был рядом, все время ждали «приезда машин, на которые начнут грузить людей, а затем увезут невесть куда».

Подобные свидетельства имеются в интервью, записанных в Каменном Наволоке, Корзе. Исследователи отмечают, что в военные годы «страх, различные его формы, являются необходимой эмоциональной составляющей жизни практически каждого индивидуума, группы, общества», поскольку это своеобразный сигнал возможного негативного развития событий и процессов [12; 29]. В условиях отсутствия четкой и достоверной информации о развитии событий, когда «само начальство ничего не знало да не понимало» (Интервью, д. Корза), среди сельского населения прифронтовой зоны были сильны настроения неуверенности в завтрашнем дне.

Проблематика и тон газетных публикаций начинают резко меняться после неудач в наступлении войск Красной армии в конце декабря 1939 года, усиливается цензура. В этой обстановке неофициальные каналы информации начали замещать СМИ. О событиях на фронте многие из респондентов узнавали от самих солдат, проходивших через их населенные пункты или расквартированных там. Огромную роль в этот период играли госпитали как своеобразные

коммуникационные центры, где концентрировалась неофициальная информация о происходивших событиях. В личных свидетельствах представлены яркие тому доказательства. «Я приходила и читала газеты. Госпиталь был, где сейчас железнодорожный техникум, на Анохина в Петрозаводске. Я сначала почитаю, а потом мы разговаривали. Много чего я там узнала о фронте. Жалко мне всех солдат было до слез. Что пришлось пережить!» (Интервью, г. Петрозаводск).

Огромную роль стали играть слухи. Так, во всех интервью отмечалось, что о событиях в «Долине смерти» под Питкярантой респонденты узнали из неофициальных источников. Сначала преобладали слухи о страшных потерях, о сотнях замерзших солдат, о не стрелявшем в страшные холода оружии. Затем об этом стали рассказывать солдаты, попавшие в госпитали, и люди, которые были привлечены для захоронения погибших. Несмотря на то что ни в одной газете не было информации об этой катастрофе, для жителей Карелии события в «Долине смерти» остались ключевым воспоминанием о Зимней войне.

Победа в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов воспринималась респондентами как закономерность, но чувства особой гордости по этому поводу, как отмечалось в интервью, не было. Скорее было чувство радости и облегчения от того, что все кончилось и вернется мирная жизнь. Был приобретен определенный исторический опыт; для некоторых респондентов, потерявших на войне своих близких, он имел травматический характер [5; 52]. Карельская пресса после публикации информации о мирном договоре между СССР и Финляндией и митингах трудящихся, которые приветствовали новую великую победу сталинской политики мира, целиком переключилась на освещение народнохозяйственных проблем и задач политического воспитания масс, не возвращаясь более к событиям военной зимы 1939–1940 годов.

Как следствие своеобразного «невнимания» официальной пропаганды к событиям Зимней войны мы можем констатировать возникновение феномена, когда население сохранило в памяти свои непосредственные искренние индивидуальные реакции на события, которые корректируют, тестируют на правдивость многие документы официального происхождения. В воспоминаниях внутренний цензор практически отсутствовал, и в этом их непреходящее значение. Обычно конформность позиции подавляющего числа населения приводит к тому, что официальные оценки ослабляют или совсем стирают независимые личные представления и реакции отдельного человека. В нашем случае присутствует живая ткань памяти, сформировавшаяся преимущественно под воздействием индивидуального опыта. Зимняя война явилась войной «неизвестной» и до конца не понятной для многих респондентов: не было четких представлений о причинах, к ней приведших, о событиях на фрон-

те узнавали преимущественно из разговоров, слухов, рассказов раненых или вернувшихся с войны бойцов. Официальная пропаганда в силу сложившейся политической обстановки не успела до лета 1941 года разработать и реализовать программу действий по формированию у населения

официальной памяти о военном противостоянии зимы 1939–1940 годов. Не был определен весь спектр необходимых для этого символов и в газетных публикациях [6; 327]. Кроме того, Зимняя война 1939–1940 годов как война народно-объединительная потерпела поражение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Интервью собирались в 1999–2002 годах в рамках проекта «Монумент Зимней войны» (Интеррег 111А-Карелия) – Петрозаводск, Суомуссалми. Было опрошено 32 человека, даты рождения которых приходились на временной промежуток с 1916 по 1932 год. Среди респондентов можно выделить 3 основные группы: городская молодежь, сельская молодежь и молодежь финской национальности, проживавшая на территории Карелии. В связи с этим при сохранении общих доминирующих сюжетов в личных свидетельствах в целом их информативное поле серьезно отличается.
- ² См.: Красная Карелия. 1940. Номера газеты за январь и февраль.
- ³ См.: Красная Карелия. 1939. Номера за ноябрь и декабрь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанщиков В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.
2. Веригин С. Г. Советская пропаганда на Финляндию в период Зимней войны 1939–1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945. Петрозаводск, 2001. С. 21–26.
3. Ленуар Р. Социальная власть публичного выступления // S/A'98. Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 167–192.
4. Лоскутова М. В. Устная история: Методические рекомендации по проведению исследования. СПб.: Европейский Дом, 2002. 56 с.
5. Никулина Т. В., Киселева О. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: взгляд гражданского населения // Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Петрозаводск, 2002. С. 46–52.
6. Никулина Т. В., Киселева О. А. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 316–328.
7. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М.: Новое издательство, 2006. 392 с.
8. Ругоев Я. Зимняя война и новое заселение Ладужской Карелии // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 411–431.
9. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
10. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–21.
11. Урсу Д. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1989. С. 3–32.
12. Шляпентох В. Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 179 с.

УДК 821.161.1.09"18"

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА СТАРЫГИНА

доктор филологических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе Марийского государственного технического университета
starigina@yandex.ru

**ЧЕЛОВЕК ВЕРУЮЩИЙ:
АВТОР И ПЕРСОНАЖИ В ЦИКЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА «РАССКАЗЫ КСТАТИ»**

Вопросы религиозности и веры человека постоянно были в поле зрения Н. С. Лескова. Об этом свидетельствует его публицистика 1880–1886 годов и цикл «Рассказы кстати». Понимание веры писателем не расходится с христианско-богословским толкованием. Изображая человека верующего, Лесков подключается к христианской духовной и эстетической традиции.

Ключевые слова: изображение верующего человека, вера, публицистика, христианская символика, автор

ВЕРА КАК ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Вера, надежда, любовь – главные христианские добродетели¹ [10]. Вера, с православной точки зрения, «есть уверенность в невидимом, как бы в видимом... есть добродетель (а вместе и обязанность), так как она есть свободное признание существования невидимого Бога и истинности всего сообщенного нам в Откровении» [10; Стлб. 584]. Основанием веры является некая таинственная связь души с Богом, проявление которой – любовь к Богу. Вера естественно происходит из сердца человека и «касается всех сил души, она происходит из глубины нашего существа, приводит в движение ум, волю и чувство... есть энергическое, горячее и полное, не требующее искусственных логических доказательств, убеждение в истинности Того, в ком мы живем и движемся и есмы» [10; Стлб. 585], она определяет «все мысли и все действия человеческие» и направляет их «на Бога и божественные предметы» [10; Стлб. 586]. От веры зависят судьба и спасение человека. Верующий человек

переживает чувства «послушания Богу», благодарение Богу и смирение: верующий человек смиренно признает истину [7; 42].

Вера очищается и укрепляется «изучением откровенного Слова» [10; Стлб. 549] и «научным исследованием истин веры», а также «различными, как печальными, так и радостными, судьбами» [10; Стлб. 585, 586]. Вместе с тем «вера становится крепче познания», когда христианин все более «укрепляется в нравственной жизни» и «очищает свое сердце» [10; Стлб. 586].

Современные светские определения веры также подчеркивают естественное «происхождение» и «нерассуждающее» переживание веры человеком: «Вера – признание чего-либо истинным, несомненным, без испытания, без поиска логических или фактических доказательств. ...Вера в Бога – отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существе Бога; безусловное признание истин, открытых Богом людям. Может сочетаться с любовью к ближнему, благожелательностью, альтруизмом, самоотверженностью. Типичная реакция – сочувствие, доверие, уваже-

ние, доброжелательство; реже – подозрение в ханжестве, ненависть (у атеистов)» [6; 57].

Вера является основанием религии, которая представляет собой «организованное поклонение высшим силам», основанное на вере, то есть «религиозном настроении, выражающемся в определенной системе культа и системе представлений о божественном». «Религия не только представляет собой веру в существование высших сил, но устанавливает особые отношения к этим силам: она есть, следовательно, известная деятельность воли, направленная к этим силам: наряду с теоретической деятельностью ума и с аффектом чувства существует и практическая деятельность, выражающаяся в культе, без которого религия остается односторонне субъективной» [12; Т. 2, 462]. При определенных условиях «вера становится религией, т. е. организующей и организованной верой человеческого общества» [12; Т. 2, 463].

Таким образом, слово «вера» «может указывать или на душевный акт, на то, как мы веруем... или на содержание этого акта, на то, во что мы веруем... иногда даже на богословские формулы, в которые облекается это содержание» [12; Т. 1, 353], на содержание и характер религиозных переживаний, на религиозный опыт человека и общества.

ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ВЕРЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛЕСКОВА (1880–1886 годы)²

Систематизация публицистических выступлений Лескова указанного периода дает основание утверждать, что в его миропонимании сложилась достаточно четкая картина *религиозного опыта* российского общества середины и второй половины XIX века.

Лесков выделяет религиозный опыт высшего, образованного сословия, который можно обозначить как философско-религиозные искания его представителей. Это подтверждают статьи о лорде Редстоке и его последователях, о Толстом и толстовцах³, русских католиках и протестантах. Религиозные искания при этом присущи не только представителям «великосветских кружков», но и представителям духовенства, как высшего, так и низшего, среднего дворянства, разночинства и даже «простонародья».

Например, в «Автобиографической заметке» (1882–1885) Лесков характеризует отца: «...не хотел надеть рясы, к которой всегда чувствовал неодолимое отвращение, хотя был человек хорошо богословски образованный и истинно религиозный» [3; 8]; «ездил в церковь редко и не исполнял никаких обрядов, кроме исповеди и святого причастия, о котором я, однако, знал, что он думал. Кажется, что он “творил сие в его (Христа) воспоминание”. Ко всем прочим обрядам он относился с нетерпеливостью и, умирая, завещал “не служить по нему панихид”. Вообще

он не верил в адвокатуру ни живых, ни умерших и при желании матери ездить на поклонение чудотворным иконам и мощам относился ко всему этому пренебрежительно. Чудес не любил и разговоры о них считал пустыми и вредными, но подолгу маливался ночью перед греческого письма иконою Спаса Нерукотворенного и, гуляя, любил петь: “Помощник и покровитель” и “Волною морскою”. Он несомненно был верующий и христианин, но если бы его взять по экзаменовывать по катехизису Филарета, то едва ли можно было его признать православным, и он, я думаю, этого бы не испугался и не стал бы оспаривать» [3; 11].

Для писателя важнейшим в его оценке «ищущих» истину людей был критерий искренности их веры, независимо от того, какую религию они исповедуют. Он подчеркивает, что его отец был «несомненно... верующий и христианин». Юлию Денисовну Засецкую он характеризует как «даже набожную христианку, но только не православную. И переход из православия в протестантизм она сделала, как Достоевский правильно понимал, потому, что была искренна и не могла сносить в себе никакой фальши» [3; 148].

Разграничивая писателей-современников по их мировоззрению («учениям») [3; 155]: «Достоевский был православист, Тургенев – гуманист, Л. Толстой – моралист и христианин-практик» [3; 156], Лесков убежден в искренности – от сердца – их исканий.

Особенно часто Лесков пишет о «живом чувстве» и искренности веры Толстого: «Чего его нахваливать? Его надо *внушать* в том, где он говорит дело, а не расхваливать, как выводного коня. С ним и вокруг него ведь много нового. Это живой и необычайно искренний человек. Дух его не “горит” (что любил Аксаков даже в письме к Кокореву о денежных делах), а этот “летит, как вержение камня”, уже “склоняющегося к земле”» ([3; 327], письмо А. С. Суворину 24 января 1887 года), «...поверьте, он искренен и стоит на верной мужичьей дорожке к целям “Алексия – человека божия”» ([3; 337], письмо А. С. Суворину 11 марта 1887 года), «христианские идеалы которого прелестны, чисты и, как сам он где-то признался, – освященные глубоким душевным страданием, доходившим у него “до разделения души с телом”» (1883) [9; 127].

Искренне верующим людям Лесков противопоставляет тех, кто «или совсем охладели к религии и живут без всякой веры, ибо им *так удобнее*» [7; 85].

Размышляя о вере, Лесков не мог обойти стороной вопроса об обрядовой стороне религии. Пример «совпадения» искренней веры и признания «правильности», а также необходимости обряда он видит в расколе: «“Раскол не на политике висит, а на вере и привычке” – таково было убеждение покойного Мельникова, так и я убежден...» ([3; 36], «Народники и расколоведы на службе (Nota bene к воспоминаниям П. С. Усова о

П. И. Мельникове)». 1883). Вместе с тем писатель подмечает и тот факт, что внешняя, обрядовая сторона религии становится своего рода силой, заслоняющей от наблюдателя собственно веру человека, например, о своей матери он говорит, не сомневаясь в том, что она верующий человек, но и отмечая как будто отсутствие в ее религиозности проявлений «живого чувства»: «Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом, – она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны...» [3; 11]. Во многом именно эти и подобные наблюдения над жизнью воцерковленного человека (каковым сам Лесков был до начала 1880-х годов), возможно, определили отношение Лескова к «церковному христианству», а также и «совпадение» с Л. Н. Толстым в непризнании официальной церкви и догматического богословия (см. об этом: [7; 353]) в начале 1880-х годов.

Несомненно, что непосредственную и искреннюю, «сердечную» и неискусственную веру в Бога Лесков признает все-таки в *детях* и в простом *народе*.

Ребенок естественен в своей вере, поскольку не искушен научным познанием истин веры, не испытан судьбой. «Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком» [3; 11]. О внимании Лескова к вопросам «детской» веры свидетельствуют его публицистические выступления, посвященные проблемам детского чтения, а также его рецензии на учебные и детские книги, написанные во время службы членом Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения с 1874 по 1883 год (см. об этом: [11; 57–72]). Например, рецензируя книгу «Чтение для детей пастора Тодда» (перевел с английского протоиерей Евгений Попов. СПб., 1875), писатель ценит в авторе умение и талант беседовать с детьми «о самых важных вопросах духовной природы законов христианской религии, оставаясь постоянно на высоте богословского мирозерцания» [10; 69]. Лесков особо подчеркивает, что детскому возрасту «обыкновенно вменяется в обязанность принимать готовые положения без рассуждений» [10; 69], книга же пастора Тодда «исполнена желанием растолковать юному читателю: во что, судя здраво, нельзя не верить» [11; 69]. Именно в этом ее «душеполезное» значение. Другую книгу – «Притчи из природы» Готти (СПб., 1872) – Лесков ценит за «умный и добрый совет иметь веру, воздержанность, уважать познание, довольствоваться своим положением и средствами, терпеть, надеяться и смотреть на смерть не с отчаянием, а с упованием, что за ней начнется новая жизнь» [11; 70].

Именуя веру простолюдина в 1886 году «детской верой» [7; 102], Лесков подчеркивал не только ее «силу и свежесть», но и ее непосредственность, искренность, простодушие, неискусственность, естественность, органичность. Ранее,

в 1873 году, писатель уже выразил свое понимание своеобразия народной веры: «О русском человеке хлопчут, а русского человека не знают. Тут, видите, вера *прирожденная*, и живет она у человека по-домашнему, за пазушкой: вот он и с пророком побеседовал, и во “славу Божию” поел, и во имя той же “славы” спать пошел. Он где не оступится, все Бога прославляет, а Бог сам сказал, что Он прославит прославляющих Его. Вот они и явились оба в одной цепи и, так сказать, в круговой друг за друга поруке» [4; 166–167], полностью совпадающее с православно-христианским пониманием явления веры человека.

О неискусственности верующего простолюдина Лесков писал в 1879 году: «Простолюдину что ни почитать “от божества”, – все хорошо, – ему даже иногда чем непонятнее, тем интереснее. Это такой фокус русской набожности, которого чужому человеку не понять» (<Листок> // Новое время. 1879. 12 апреля. См.: [7; 184]). А эпиграф к «Лучшему богомольцу» (1886) указывает на понимание писателем того, какую силу дает простому человеку его вера: «Целый век трудиться – / Нищим умереть, – / Вот где надобно учиться / Верить и терпеть» (Неточная цитата из стихотворения И. С. Никитина «Ночлег в деревне»).

В статье «Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л. Толстом» (1886) Лесков вводит понятие «русское простонародное религиозное чувство» [6; 96], расшифровывая его как «именно *вкус*, или родственное настроение русских благочестивых натур» [7; 96]. (Благочестивый человек, с точки зрения христианина, обладает истинной святой верой и исполняет в жизни требования этой веры [10; Стлб. 341–342].) Так вот, *вкус* – «родственное тяготение русского благочестия» [7; 96] к Алексею – человеку Божию и Филарету Милостивому, поскольку они «*руководствуют*», им следуют, «очень горячо их любят» «и по этому вкусу сердца влекутся в подражание им» [7; 96].

В статье «Новые типы захудалой знати» (1880) Лесков противопоставляет «новых ратаев веры», «политических веровальщиков» и разных «спасителей верою» [7; 189] из «великосветского круга» и «русского простолюдина», имея в виду критерий искренности религиозных чувств: если первые «шествовали» путем лжи и обмана, то последний шел «простым путем народным, так как чувствовал искреннее призвание “удалиться от мира”» [7; 186]. Писатель называет «ханжливых Спиридонов-поворотов» «разрушителями» православной веры народа: они «стали подтачивать эту веру посредством толкований в особом духе» [7; 189].

Для Лескова «область набожного чувства русского народа» [7; 199], «дух народной веры» не имеют ничего общего с «какой-то религиозной забавой – фребелевским садом в религиозном тоне» [7; 201] представителей как русской «захудалой знати», так и великосветских «мистиков», что «профанируют веру, которая должна осветить каждый шаг жизни человека, а не за-

бить ему намороки схоластическими тонкостями, без которых очень можно быть добрым христианином» [7; 201]. Именно народной верою, считает писатель в 1880 году, «Русь связана в цельный *единоверный* народ, имеющий не только племенную, но и религиозную связь с большинством славян...» [7; 189].

ПОНЯТИЕ «ВЕРА» В ТОЛКОВАНИИ ЛЕСКОВА

В публицистическом лексиконе писателя присутствуют разнообразные выражения, указывающие на религиозное сознание и религиозное переживание человека: «русская набожность» [7; 184, 189, 193, 199, 202], «религиозные сомнения», «образцы твердой веры», «поприще веры», «охранение веры и благочестия», «благочестие и набожность», «набожное чувство», «религиозное настроение», «религиозность», «дух народной веры», «область набожного чувства русского народа», «религиозное состояние человека» и др.⁴

Писатель не дает определения понятию «вера», однако очевидно, что он разграничивает в религиозности человека сферы рационального и эмоционального, разумного и сердечного (душевного) восприятия Бога. Причем особое внимание он уделяет явлению «набожного чувства», «религиозного настроения». Это можно подтвердить многочисленными высказываниями писателя, который более всего ценит в людях «черты живого человеколюбия и участливости» и призывает их жить, «сохраняя душу свою хотя бы в некотором опрятстве» ([3; 285], письмо С. Н. Шубинскому 20 августа 1883 года). Писатель убежден: «У каждого человека есть сердце, есть *живое чувство*. <...> Я говорю со *стороны сердца*, со стороны чувства, доступных и понятных всем и каждому...» (1886. О рожне. Увет сынам противления [9; 140]). Сердце верующего человека проявляет себя, прежде всего, в любви и доброте, милосердии и сострадании, и это важнее всего, по мнению Лескова: «Время гнусное, но тем теснее надо добрым людям стоять друг возле друга и поддерживать друг в друге веру в человека» ([3; 285], письмо С. Н. Шубинскому 20 августа 1883 года), «Разве мало свидетельств, как одно слово, один взгляд, один трепет сострадательного сердца изменяли всего человека, “очищая его до дна” и укрепляя его на все доброе» (1886. О рожне. Увет сынам противления [9; 138]).

Лесков и о себе в 1884 году пишет как о верующем человеке: «...нести на виду до могилы тот светоч разума, который дан мне Тем, перед очами Которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от Него пришел и к Нему опять уйду. ...Я верую так, как говорю, и этой верою жив я и крепок во всех утеснениях. Из этого я не уступлю никому и ничего, – и лгать не стану и дурное назову дурным кому угодно. ...Мне жить остается немного, и я желаю дожить дни мои, делая, что могу, и не мирясь с

“соблазнами смысла”. У меня есть свои святыне люди, которые пробудили во мне сознание человеческого родства со всем миром» ([3; 301], письмо А. С. Суворину. 1884 год).

Таким образом, лесковское понимание веры не расходится с христианско-богословским толкованием: вера есть естественное свойство человеческой души, органически проистекающее из сердца человека, проявляющееся в искренней и не требующей логического (научного) обоснования убежденности в истинности Бога и Его Слова. При этом писатель в 1880-е годы различает верующего и воцерковленного человека (они могут «не совпадать»), а также уважает искренне верующих людей других конфессий, хотя и не разделяет их религиозные воззрения (пример с Ю. Д. Засецкой). Для него верующие люди – «люди христианского настроения» [3; 109].

«РАССКАЗЫ КСТАТИ»: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВЕРУЮЩЕГО

Интерес Лескова к вопросам религии и веры верующему человеку очевиден. Естественно, он не мог не проявиться в его художественных произведениях. Создавая характеры своих героев, писатель исходил из мысли, которая прозвучала в эпиграфе к статье «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» (1883): «Характер человека господствует даже в вере, поэтому могут быть два рода религии: одна – религия любви, другая – религия ужаса» [9; 111]. «Духовное содержание» человека, его «духовное восхождение», «духовная красота» (Жития как литературный источник (1882) [9; 38]) становятся главным предметом изображения в художественных текстах: «У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня *мало фантазии*. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждаюсь в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие» ([3; 229]. Авторское признание. Открытое письмо П. К. Щербальскому. 1884).

В сборнике-цикле «Рассказы кстати» (1886) («Совместители», «Старинные психопаты», «Интересные мужчины», «Таинственные предвестия») этот интерес писателя к вопросам веры и религии сочетается с интересом к современности: «Я люблю вопросы живые и напоминания характерные, веские и поучительные. Терпеть не могу писать вещей, относящихся к разряду: “ни то ни сё”. Что интересно, весело, приправлено во вкус и имеет смысл, – то и хорошо...» ([4; 352], письмо С. Н. Шубинскому 3 октября 1887 года).

Верующим человеком изображен в рассказе «Старинные психопаты» Степан Иванович Вишневецкий. В создании образа этого героя просматриваются две тенденции: 1) создать образ

героя, соответствующего общему названию планируемого, вероятно, Лесковым цикла «Старинные психопаты» (психопат – психически, душевно ненормальная личность) и представлению автора-повествователя о специфике «малороссийских» преданий, «в которых более грандиозного, наивного и, как мне кажется, преувеличенного, но во всяком случае весьма своеобразного»⁵ [5; 281]; 2) показать «непосредственность... характеров» [5; 283] подобных личностей, на что настраивает эпиграф к «Эпопее о Вишневском и его сродниках»: «Вот вам помещик благодатный, // Из непосредственных натур. *И. Тургенев*». И та, и другая тенденция реализуется в изображении персонажа как верующего человека.

Характерно, что писатель как бы отграничивает Вишневского от всего, что находится за пределами естественной и органичной для человека веры: «В вопросах веры (здесь: религии. – *Н. С.*) он был невежда круглый (“катехизису не обучавшись”. – *Н. С.* [5; 296]) и ни в критику, ни в философию религиозных вопросов не пускался, находя, что “се діло поповское”, а как “лицарь” он только ограждал и отстаивал “свою веру” от всех “иноверных” и в этом пункте смотрел на дело взглядом народным, почитая “христианами” одних православных, а всех прочих, так называемых “инославных” христиан – считал “недоверками”, а евреев и “всю остальную сволочь” – *поганцами*» [5; 296].

Содержание «крещеной веры» Вишневского воплощалось в «религиозном культе» [5; 298] «святителей» Николая-угодника и «святого Юрко» [5; 297]: «По вере же великорусские дела подлежали заботам чудотворца Николая как покровителя России, а дела южнорусские находили себе защиту и опору в попечениях особенно расположенного к малороссиянам святого Юрия или, по нынешнему произношению, св. Георгия (по-народному “Юрко”)» [5; 297]. Характерно, что Степан Иванович Вишневский, весьма образованный человек, именно так и произносит: «Юрко», а также «Никола» или «Мыкола» [5; 299].

Конкретными проявлениями искренности и непосредственности в вере этого «причудника» [5; 285], «оригинала» [5; 314] и «самодура» [5; 281] являются его убежденность в том, что он «считал себя в полнейшем праве приводить всех... “в свою крещеную веру”...» [5; 284] и придуманный им «чин “приятя”» [5; 296] «инославных». Только тогда, когда «инославец» приходил этот «чинок для приятя», «религиозная совесть Вишневского» находила «для себя удовлетворения и примирения с собою» [5; 296]. Характерно, что после этого Вишневский становился вполне терпимым и «воссоединенного уже никогда более разнOVERием не попрекали» [5; 297]. «Юмор и почтительность к родной вере» героя в полной мере проявились в эпизодах «игривых шуток его с немцем», отношении к «одному еврею, который в чем-то обманул Степана Ивановича» [5; 298].

В контексте нашей темы указания на «игривые шулки» Вишневского приобретают особый смысл: писатель подчеркивает «детскость» в этом взрослом и, как сказано, «крайне развращенном» [5; 290] человеке. Мотив детскости, подкрепленный также эпизодами, связанными с женой Степанидой Васильевной, которая была для героя как «мать» [5; 290], и рассказом об увлечении Вишневского голубями, лошадиным ржанием, выявляет в герое непосредственность, импульсивность, наивность и другие качества, которые заставляют рассматривать его как по-детски верующего человека. Его вера – это «детская» вера, наивная, искренняя, нерассуждающая, приобретающая – в значительной степени – характер игры.

Вишневский имел духовного отца священника Платона [5; 312], однако других свидетельств его воцерковленности предания не сохранили, да и почтительности к отцу Платону он не проявил [5; 312–314].

Лесков изобразил Вишневского человеком, которому было дано естественное боговедение, искренняя, хотя и причудливо преломленная вера в Бога, в загробную жизнь [5; 316–317]. Но религиозные нормы, христианские этические законы, наконец, заповеди Иисуса Христа не овладели ни его умом, ни его душой, которая была одолена страстями-болезнями: он «преужасный развратник» [5; 281]. Вместе с тем в его душе-«амбаре» [4; 300] самым неожиданным образом присутствуют, наряду с самодурством, развращенностью, «дикими поступками» [5; 314], уважительная любовь к жене, поклонение красоте, радушие, чуткость к прелести ночи, умиление при виде «целующихся голубей», восхищение грозой и лошадиным ржанием.

Вероятно, для писателя страстное расположение души человека (в соответствии с христианским учением о душе) есть во многом следствие натуры (природы, характера) человека, а также условий и обстоятельств его воспитания, нравов эпохи и т. д. Вместе с тем человек, одолеваемый страстями, может быть, как показал Лесков, искренне верующим.

Еще более сложные «взаимоотношения» между верой человека и нравственностью, между Богом и совестью человека показаны в рассказе «Интересные мужчины», в котором актуализируется и проблема соотношения истинной веры, религии и набожности (понимаемой в данном случае как склонность к обрядовости). Первая характеристика повествователем слуги Марко: «...человек добропорядочный и нам преданный. Очень смышленный был и набожный – все ходил к заутрене и на колокол в свой приход в деревню собирал» [5; 326]. Набожность Марко проявляется в сцене смерти юного Саши: «Из толпы к трупам протеснился коридорный Марко и, верный своему набожному настроению, сказал тихо:

– Господа, это нехорошо над отходящей душою плакать. Лучше молитесь, – и с этим он

раздвинул нас и поставил на стол глубокую тарелку с чистой водою.

– Это что? – спросили мы Марко.

– Вода, – отвечал он.

– Зачем она?

– Чтобы омылась и окунулась его душа.

И Марко поправил самоубийцу навзничь и стал заводить ему глазные веки...» [5; 344], и далее – в подготовке к похоронам [5; 350], в описании его отношения к произошедшему («Грех один только, грех, и ничего больше, как грех...», «Такое несчастье... срам, и позор, и гибель душе христианской!»), в деталях интерьера его каморки: «большой образник», «неугасимая лампада» [5; 361].

Несколько настораживающая читателя характеристика Марко появляется значительно позднее в повествовании (после сцены похорон Саши): «Это был неважный и несколько раз уже мною вскользь упомянутый коридорный наш Марко. Он был парень замысловатый...» [5; 361]. Повествователь, знающий финал истории, употребляет, однако, слово «неважный» как синоним слова «незначительный», семантика которого поддерживается словом «вскользь». Вместе с тем «вскользь» настораживает как скрытое указание на что-то скользкое, извивающееся, липкое и т. д. А слово-характеристика «замысловатый» и сообщенное далее интригующее заявление Марко о том, что поляк Август Матвеевич историю с кражей денег придумал неспроста, чтобы обесславить русских офицеров, создают вокруг этого эпизодического персонажа ореол тайны (загадки).

В сцене разоблачения Марко, укравшего билеты (деньги) и ставшего причиной самоубийства Саши, важны детали. Например, сообщение: «Марко был в своей каморке, – верно, молился перед неугасимой...» [5; 366] включает в себя долю иронии по отношению к набожности героя, достигаемой впечатлением несоответствия между поступком героя и его набожностью за счет усечения в используемом ранее словосочетании «неугасимая лампада».

Совершивший преступление, Марко вполне понимает, что он принял на душу грех, но, как ребенок, который не осознает последствий своего поступка, стремится загладить его лаской или преувеличенным вниманием: «А потом, чтобы загладить свой грех перед Богом, – он к одному прежде заказанному колоколу еще целый звон “на подбор” заказал и заплатил краденым билетом» [5; 367]. Заметим, что остальные украденные билеты он хранил в «ящике под киотом» [5; 367].

Несомненно, что, изображая коридорного Марко, писатель показал искренне верующего человека. Его вера – немотивированная и иррациональная убежденность в истинности Бога, которая находит выражение во внешних обрядовых действиях прежде всего. Однако очевидно, что вера не укрепила Марко, при всей его набожности, в истинности заповедей Христа, в необходимости следовать им в жизни.

Есть такое выражение – «темная вера», то есть непросвещенная, замутненная, болезненная. Вера Марко именно такова. В этом эпизодический герой рассказа «Интересные мужчины» типологически родственен персонажу «Старинных психопатов» – Вишневскому. Оба изображены как люди в страстном состоянии души, но если Вишневский одолевает страстью-любовью, то болезненной страстью Марко стала (как это не парадоксально звучит) сама вера. Ради культа веры он крадет деньги, причем его не поколебали ни смерть Саши, ни горе родителей, ни скорбь и слезы окружающих, даже осознание своего греха (чтобы загладить грех, он заказал еще колокола). Верующий Марко не «укрепился в нравственной жизни». Лесков, однако, оставляет своему герою шанс «очистить сердце»: «Марко упал на колена, покаялся...» [5; 367]. Вслед за осознанием греха человек приходит к раскаянию (покаянию), что открывает ему путь к спасению.

Характерно, что именно в связи с образом Марко в рассказ вводятся понятия «наш простой... истинно русский ум» [5; 361], «простой, истинно русский человек» [5; 362], что дает основание сделать вывод о неоднозначном отношении Лескова к такой неискушенной и непросвещенной вере простолюдина и о его убежденности в том, что вера, как уже было сказано выше, очищается и укрепляется изучением священных текстов и научным познанием, а также соучастием человека в печальных и радостных событиях.

В рассказе «Интересные мужчины» событием, укрепившим людей в вере, очистившим их души, стала смерть (самоубийство) Саши. Именно в этом видит смысл свершившегося автор-повествователь, для которого, как это явствует из текста, судьба Саши стала важнейшим шагом на пути укрепления в вере: «...но, к счастью рода человеческого, ему доступны бывают и великие душевные откровения, когда люди как бы осязают невидимую правду и, ничем не сдерживаемые, стихийно стремятся почтить скорбью несчастье. Это своего рода священные бури, ниспосылаемые для того, чтобы разогнать сгустившийся удушливый туман, – в них есть “дыханье свыше”, в них есть откровенье, которому ясно все, что закрыто сплетеньем» [5; 353–354].

Похороны Саши стали своего рода демонстрацией простодушной веры горожан в Бога, в его милость и справедливость: «Как велик грех Саши-розана по богословской науке – в этом оплакивавшие его были не знатоки, но уж умоляли “принять его в блаженные селенья” так неотступно, что я, право, не знаю, как тут согласить этот душевный вопль с точными положениями оной науки... я бы в этом запутался...» [5; 356], «А ты вот все можешь, ты призвал, ты изменил зрак и положил “красоту”, как “неимущую вида” – так ты забудь, “прости” и “презри” все, чем он не оправдал себя перед тобою...» [5; 356], «Он ли, который сам создал ухо, чтобы

слышать, *он* ли задремлет, *он* ли уснет, *он* ли не сделает, что просит голос стольких растроганных душ...» [5; 357] (курсив автора. – Н. С.). Заметим, что Лесков разграничивает толкование греха самоубийства «богословской наукой» и отношение к этому трагическому событию неискушенных в теологических знаниях людей. Прямые обращения к Богу, воспроизведенные рассказчиком, демонстрируют ту таинственную связь между простыми смертными и Господом, на которую уповают верующие.

Эмоциональное состояние и искренность чувства верующих людей выявляются в произведении за счет: 1) экспрессивной и торжественно-приподнятой лексики героя-рассказчика, 2) нанизывания сценок, в которых проявляют свои чувства провожающие погибшего Сашу, 3) включения в текст «чужого» слова: фрагментов из поэмы А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» [5; 356–357], цитат из стихотворения А. С. Пушкина «Герой» [5; 355], библеизмов, цитат из Книги пророка Исаи [5; 356], цитаты из проповеди Иннокентия (Борисова) [5; 355], 4) включения в текст фрагмента развернутого эпизода, изображающего и характеризующего поведение «дамы родовитой» [5; 357], которая «не любила ничего своего, русского – ни языка, ни веры, ни обычая, а все презирала...» [5; 357], 5) включения эпизода преклонения перед матерью погибшего, изображенной также искренне верующей и уповающей на Бога [5; 356], 6) пейзажного штриха: «...самый воздух пропитало трепетом» [5; 354], соотносимого с «какой-то общей трясовицей сердец» [5; 355], и др.

Проявлением такой же искренней, при этом подкрепленной научным познанием и изучением богословия, веры стала сцена соборной молитвы на двух пароходах, плывущих по Ладоге к Валаамскому монастырю, изображенная в рассказе «Таинственные предвестия».

Впечатление искренности веры создается за счет изображения чувства единения с природой, в которой разлито блаженство, в которой присутствует Бог, сотворивший природу, как и человека. Природа, святая и прекрасная в своем совершенстве как творение Бога, духовно возвышает присутствующих на пароходе.

С самого начала эпизода автор передает ощущение единения, которое возникает между священнослужителями, плывущими на «митрополичьем пароходе», и артистами, плывущими на «частном пароходе»: отмечается «взаимная деликатность» «обеих сторон» [5; 388], когда «несходные по своему положению путники старались ничем не стеснять одни других...» [5; 388]. Хронотопический мотив пути, обозначенный в именовании «путники», синтезирует заявленные ранее мотивы паломничества, путешествия, прогулки, настраивает читателя на ожидание неожиданного, чудесного, ярких впечатлений. Импровизированная всенощная стала именно таким моментом в путешествии: «Те, кто помнят

описанное путешествие, никогда не говорили об этой минуте иначе, как с чувством живого восторга...» [5; 389].

В описании эмоциональной атмосферы, царившей во время плавания, сквозным словообразом становится слово «веселье»: «суда совершали свой ход так весело и благополучно», «замечались оживленные и веселые лица», «некоторые были даже очень веселы», «с веселыми пассажирами», «милых и веселых людей» [5; 387], «самые веселые и оживленные беседы», «веселье» [5; 388]. Впечатление об общем «легком расположении духа» [5; 388] складывается из указаний на эмоции, переживаемые участниками поездки: «приятное впечатление во всех соучастниках эскадры», «слышались звуки музыки, смех разных голосов», «высокопреосвященный Никанор, чувствовавший себя тоже в прекрасном расположении... не обнаружил ни малейшего неудовольствия» [5; 387], «Никанор улыбнулся», «“Лицедеи” пели и шутили, но сдержанно» [5; 388].

Настроение природы соответствует настроению людей. В день отплытия погода «стояла прекрасная; солнце горело на небе, воздух был тих и тепел, невозмутимая гладь вод блистала как зеркало» [5; 387]. (Заметим, что образ зеркала и сопутствующий ему мотив отражения усиливают впечатление созвучности или взаимоотражения настроения природы и людей.) В приведенном пейзаже звучат эмоциональные ноты, которые получают развитие в сцене соборной молитвы как мотивы тишины, благоговения, восхищения, ликования.

Переход к вечернему времени суток не обозначен развернутым пейзажем: «Затем солнце стало склоняться к западу, пошло вечереть; с частного парохода порывами легкого ветерка доносилось отрывками стройное пение» [5; 388]. На «митрополичьем пароходе» «оживленные беседы» [5; 388] сменились задумчивостью, тишиной, мечтательностью путников и стихами А. С. Пушкина «К морю» (1824, Михайловское). В продолжение долгого (можно это предположить, зная объем стихотворения – 15 четверостиший) чтения Игнатия Брянчанинова «иноки» «подвижного монастыря его тихо слушали» [5; 389]. Опять же можно предположить, что пушкинское стихотворение с его мотивами стихии, свободы, судьбы, прощания, жизни и смерти, уединения, с его удивительным переживанием величия природы как сотворенной Богом оказалось созвучно настроению героев.

Характерно, что в текст рассказа автор вводит последнюю строфу из стихотворения: «В леса, в пустыни молчаливы // Перенесу, тобою полн, // Твои скалы, твои заливы, // И плеск (у Пушкина “блеск”. – Н. С.), и тень, и говор волн» [5; 388]. Думается, здесь возникает то ощущение величия и грандиозности мироздания, бесконечности и разумности мира, сотворенного Богом, которое будет доминировать в описании соборной молит-

вы. Немаловажно и то, что это восприятие мира явно присутствует в представлении о мире, которое есть у священнослужителей, сопереживающих лирическому чувству и эмоциональному состоянию поэта и его лирического героя. Это восприятие присутствует в их сознании, несмотря на многотрудную и уединенную монашескую жизнь: «В леса, в пустыни молчаливы // Перенесу, тобою полн...». Словосочетание «пустыни молчаливы» можно воспринять как аллюзию на монастырь или келью, отшельничество, пустынножительство.

Развивающийся в первой части пушкинского стихотворения мотив тишины созвучен мотиву тишины, сквозному и преобладающему при описании данной ситуации чтения и слушания, при описании природы; именование пушкинским лирическим героем себя «тихим и туманным» (3-я строфа) вполне может быть перенесено на героев, слушающих чтение Игнатия Брянчанинова, и соотносится с вечерним пейзажем: «Вечер густел. На беловатом летнем северном небе встала бледная луна; вдалеке слева, на финляндском берегу, заяц затопил листовой пещерой, и туман, как дымок, слегка пополз по гладкому озеру, а вправо, далеко-далеко, начал чуть зримо обозначаться над водой Коневец» [5; 389]. На острове Коневец расположены Коневский скит с деревянным храмом, Коневский Рождественский монастырь, часовня.

Эмоции и чувства священнослужителей, описанные в этом фрагменте, характеризуют их как глубоко и искренне верующих людей. По словам Василия Великого, «прилежно рассматривая творение мира, познаем, что Бог премудр, всемогущ, благ, познаем также и все Его свойства. Таким образом, Его как Верховного Правителя приемлем. Поелику всего мира Творец есть Бог, а мы составляем часть мира: следовательно, Бог есть Творец и наш. За сим познанием следует вера, а за верою поклонение» (цит. по кн.: [1; 579]). Подтверждением этому служит тот факт, что Игнатий Брянчанинов, читавший стихотворение Пушкина, начал «всенощную» с благословения: «...громко, вслух благословил царство вездесущего Бога под открытым куполом Его нерукотворного храма...» [5; 389].

Наиболее полно вера людей в Бога выразилась в сцене импровизированной всенощной.

Прежде всего обратим внимание на то, что Игнатий Брянчанинов, совершающий ее, облачился в «эпитрахиль» [5; 389]. Эпитрахиль в православной церкви – одеяние священника, символизирующее благодать, дающую ему право быть служителем и совершителем таинств Церкви и всего дела священства. Без эпитрахили священник не может совершать ни одной службы. Таким образом, совершаемая на пароходе служба приобретает статус действительной: это отнюдь не игра и не забава. Имеет значение в этом плане символика звукового образа колокольного звона: «К концу их молений пароход был завиден с Ко-

невца, и по волнам озера поплыл навстречу путникам приветный звон...» [5; 389] Можно предположить, что это был торжественный звон не только в связи с вечерним богослужением, но и в честь прибытия на остров митрополита, следовательно, включал благовест, перезвон и трезвон. Благовест (ритмичные удары в один большой колокол) возвещает благую весть о богослужении, перезвон (удары поочередно в каждый колокол) и трезвон (удары во все колокола) символизируют христианскую радость и торжество. Отсюда – и в прямом, и в переносном смысле звон, который слышат на пароходах, – «приветный». Символика колокольного звона объемна (см. [2; 46 и др.]), вместе с тем она в полной мере соответствует семантике анализируемого эпизода: это и словословие имени Божия, и соби́рание верующих, очищение и освящение, главное же – укрепление в благочестии и вере.

Писатель изобразил верующих людей в «неформальной» обстановке: «отпетая без книг вечерня» совершена без соблюдения необходимых канонов, именно поэтому она воспринимается проявлением порыва души верующих людей. Лесков усиливает это значение «всенощной» противопоставлением: «...певчих... не позвали. Они бы, выстроившись с регентом, не так тепло воспели “славу в вышних Богу”, как спели ее втроем “китаец”, Виктор и Брянчанинов...» [5; 389]. Еще более «вольной» видится молитва «лицедеев»: «...стояли у борта и... тоже молились...» [5; 389]. Кроме того, искренность веры участвующих в молитве выявляется через мотив плача (слез), символизирующего восхождение молящегося к Богу, соби́рание человека в соединении ума и сердца, души и тела. Как известно, слезы на молитве – признак Божией милости. Человеку открывается зрение своих согрешений, потом является ощущение присутствия Божия, ясное понимание смерти, страх суда и осуждения. Все эти плоды молитвы сопровождаются плачем, потом приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним, терпение скорбей. Человек начинает ощущать духовное утешение: «... некоторые плакали... О чем и для чего? – ведаёт *Тот*, Кому угодно было, чтобы “благоухала эфирною душою роза” и чтобы душа находила порою отраду и счастье омыться слезою» [5; 389].

Вместе с тем «неформальной» «вечерне» автор придает своего рода церковный характер. Службу на пароходе совершают священнослужители, наделенные через Таинство священства Божественной благодатью, благодатью Святого Духа: они призваны учить истинам Христовой веры, руководить верующими, совершать церковные таинства и др. Игнатий Брянчанинов облачается в «эпитрахиль», как уже было отмечено. Служба завершается под «приветный» звон церковных колоколов.

Образ храма организует художественное пространство в данном эпизоде. Место проведе-

ния всенощной названо «нерукотворным храмом» [5; 389], что вполне соответствует представлению верующего христианина о том, что вся вселенная является храмом Божиим, и в этот мирообъемлющий храм должно войти все человечество, ангелы, низшая тварь (ср. «К морю»).

В описании пространства присутствуют символические образы и мотивы, соотносимые с храмовой (церковной) символикой. Купол над храмом – символ свода небесного, который покрывает землю, материализуется в образе «открытого купола» [5; 389], очерченного движением солнца и луны. (Заметим, что один из традиционных образов – образ Церкви-Жены, облеченной в солнце, под ногами которой луна.) Устремленность к небу, выраженная в православном храме в форме куполов, увенчанных крестами, «жаром горящими», в рассказе Лескова реализуется в прямом высказывании: «...это был благоговейный порыв высоко настроивших себя душ» [5; 389] и в описании природы. Известно, что символично количество куполов на церкви. Крест присутствует как предполагаемое движение рукой благославляющего Игнатия Брянчанинова и молящихся на пароходе, кроме того, читатель может вообразить кресты на церкви, часовне, расположенных на приближающемся острове Коневец. В православном храме один купол (а в воображаемом храме, в котором совершается служба, – один купол) символизирует единство Бога и совершенство Его творения. Пространство воспринимается как округлое (свод небес, движение солнца, озеро), что также может быть исполнено символического смысла: круг является символом вечности, не имеющей ни начала, ни конца.

Всенощную на пароходе совершают четыре священника: митрополит Никанор, Игнатий Брянчанинов, отец Аввакум, протоиерей Виктор. Возможно, верующий и воцерковленный читатель воспримет это тоже как символ: в средней части православного храма имеются четыре столпа (как правило), символизирующие четыре стороны света (кстати, в тексте упоминается запад), четырех евангелистов. В центральном куполе храма, ниже монументального изображения Христа Вседержителя (Пантократора) изображаются четыре архангела – посредники между Богом и человеком.

Наконец, символично то, что служба совершается на пароходе. Православный храм – это спасительный ковчег для верующих. Церковь, как ковчег Ноя, словно корабль, спасает верующих от грехов в житейском море. Кстати, заметим, что храм повелевалось создавать наподобие корабля, продолговато устроенным, обращенным на восток (см. [2; 66 и др.]). В рассказе образ-символ храма-корабля материализован в образах двух пароходов, как бы повторяющих деление храма на алтарь («митрополичий пароход», где пребывает духовенство; алтарь символизирует область бытия Божия, Царство небесное) и собственно храм (место, ко-

торое занимают миряне; в рассказе это пароход, на котором путешествуют артисты).

Учитывая неоднозначное отношение Лескова к официальной церкви, все-таки, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что он не мыслит жизнь верующего человека вне церкви, ведь, как писал в одном из писем П. Чаадаев, лучшее средство сохранить религиозное чувство – это придерживаться обычаев, предписываемых церковью.

Христианская и церковная символика убеждает в том, что писатель видит в вере ту силу, которая объединяет людей (мотив единения – сквозной в описании всенощной), поэтому совершенную молитву можно назвать соборной молитвой.

Продемонстрированная в данной ситуации верующими искренность и чистота веры «провоцируют» явление «чуда», которое совершают артисты на Валааме («дивное событие о сеножатах»). Они вызывают реакцию митрополита Никанора на сообщение о нем [5; 392], а также рассказ актера Мартынова, раскрывшего тайну «чуда» [5; 394–395].

В целом описание «всенощной» противопоставлено рассказу о членах «религиозного братства» А. Н. Муравьева: искренность и задушевность участников молитвы на пароходе контрастна светской набожности «братьев». Сквозными в описании «религиозного братства», поступков и поведения А. Н. Муравьева и его последователей являются мотивы суетности, «светского благочестия», тщеславия.

Повеествование о «светских всенощных» Муравьева, описание его «митрополичьих покоев» [5; 375], поведения, одежды, взаимоотношений с духовенством и окружающими, образа жизни и стиля общения вводят в рассказ тему, актуальную для Лескова в этот период творчества, – высший свет и вера. Лесков остается верен себе, публицисту, изображая представителей высшей знати «ханжливыми», неискренними, суетно гордящимися своей близостью к высшим церковным иерархам.

Своеобразно высвечивается вопрос о вере постановкой вопроса о вере в чудесные явления, предзнаменования, предсказания и др. Рассказ начинается с указания на них: «При толках о возможности близкой войны недавно, как встарь, говорили о разных необыкновенных явлениях...» [5; 369]. Автор акцентирует внимание читателя на подобном явлении, рекомендуя повеествование «современника» Крымской войны под названием «Событие о сеножатах»: «Дело касается загадочного происшествия...» [5; 370]. Как известно, «дивное событие» [5; 392] получило разъяснение, и «Андрей Николаевич очень эффектно разрушил это предсказание» [5; 395], – подчеркивает автор, владеющий, в отличие от писавшего свои записки современника, исторической ситуацией и знающий, что предсказание сбылось: «Но не прошло и полгода...» [5; 395]. Оказались правы те, кто поверил в предсказание, поверил по-детски, наивно, простоудно, не

проверяя информацию, не сомневаясь в ее истинности. Это, конечно, не означает того, что Лесков проявляет себя как автор суеверным человеком или мистиком. В данном случае это еще одно подтверждение того, что писатель разграничивает естественную веру простолюдина и «толкователей» из высшего света. Но главное, как нам кажется, заключается в том, что вера для писателя – это тоже чудо и тайна, разгадать которую не всегда можно.

По словам Н. А. Бердяева, «мир упирается в тайну, и в ней рациональное мышление кончается». Словно опережая это высказывание философа, Лесков создает рассказ «Александрит». В подзаголовке рассказа «Натуральный факт в мистическом освещении» факт (рациональное) и мистика (иррациональное) не столько противопоставляются, сколько сближаются. Для верующего и мистически настроенного человека за любым фактом или явлением может скрываться тайна.

Рассказ основан на столкновении двух типов мировосприятия: с одной стороны, старый ювелир Венцель, прозревающий мир как тайну, с другой – автор-повествователь с его реальным знанием, убежденный в том, что все можно объяснить и понять. Рассказанная история – это опровержение рациональной возможности объяснить все в мире. Вместе с тем это и рассказ о человеке, наделенном такой сильной верой в таинственность мира, что он способен воздействовать на мысли и чувства другого человека, способен внушить ему свой взгляд на мир, помочь ему открыть (увидеть) тайну (пророчество) там, где раньше повествователь ее не видел.

В какой-то степени рассказы Лескова «Таинственные предвестия» и «Александрит» – своего рода реакция писателя, «уставшего» от рационализма современников, забывших о том, что вера является немотивированной и иррациональной убежденностью человека в чем-либо. Думается, что Лесков вполне согласился бы со словами митрополита Вениамина (Федченкова): «Нас воспитывали в идолопоклонстве уму, – чем страдало и все наше интеллигентное общество 19 в., особенно же с 60-х годов. И этот яд разлагал веру, унижал ее, как якобы темную область “чувства”, а не разума. И постепенно рационализм переходил у иных в прямое неверие, безбожие» [8; 35].

Изучение «Рассказов кстати» в предложенном аспекте вызывает естественное желание каким-то образом сгруппировать образы верующих людей. Систематизация персонажей на основе критерия веры предполагает выделение групп героев, которые условно можно назвать: 1) человек верующий, 2) человек сомневающийся, 3) человек неверующий. Конечно, данная классификация персонажей может усложняться. Например, человек сомневающийся может быть представлен как: а) человек на пути от безверия к вере и как б) человек на пути от веры к безверию. Введение дополнительных критериев также способно разветвить классификацию. Так, человек верующий может

быть увиден автором как: а) человек, верующий «естественно» и не нуждающийся в научном обосновании своей веры, б) человек, верующий и уже «осознанно» воспринимающий религию, в) человек разумно-религиозный (без «сердечной» веры). И так далее.

Однако Лесков воспринимал человека явлением многогранным: «...живой человек гораздо сложнее, и добро у него мешается со злом, его намерения часто не находятся в соответствии с его поступками, которые зависят и от обстоятельств, и от привычек, и от множества условий и причин» («Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки». 1878)⁶ [9; 63–64], потому что в жизни «великое близко соприкасается с суетным...» («Геральдический туман (Заметки о родовых прозвищах)». 1886) [3; 129]. Поэтому и герои «Рассказов кстати» лишь условно могут быть отнесены к тому или иному типу человека верующего. Заметим, что писатель не изображает героев вне религиозности: каждый из персонажей рассказов так или иначе представлен как религиозный человек, то есть в его отношении к православной (или иной) религии, причем это относится и к главным героям, и к второстепенным, и к эпизодическим.

Своеобразным фоном в цикле становится изображение людей, характеризующихся внешней (напускной) или «чрезмерной» набожностью. Это, прежде всего, герои рассказа «Совместители»: бывшая «жолі-мордочка» Марья Степановна, Иван Павлович (ее муж-карьерист), директор департамента, которые создают видимость собственной религиозности для достижения конкретных целей: карьера, обогащение за счет взяточничества, прикрытие неблагоприятных ситуаций. Для них посещение «своей министерской церкви» [5; 273] становится знаком избранности, карьерного роста, материального благополучия. В «Старинных психопатах» «судовые паньчи» [5; 304], обращаясь к тем, «кто в Бога віруе и старших поважае», мстят обидевшим их офицерам. Здесь же все «чужие», «всякий инославец» [5; 297] – поляки, немцы, евреи – легко соглашаются почитать «святителей» «Николу-угодника» и «русского Юрка» [5; 296]. В рассказе «Таинственные предвестия» «чрезмерную» и суетно-светскую религиозность демонстрируют Андрей Николаевич Муравьев и представители его «религиозного братства» [5; 375].

Масса людей, показывает Лесков, живет как будто вне веры, вне церкви. Особенно явно это изображено в рассказе «Интересные мужчины»: времяпрепровождение «офицеров, кутил и... беспутников» [5; 323], как и офицеров в рассказе «Старинные психопаты», – «картеж и поклонение Бахусу, а также и богине радостей сердечных» [5; 319]. Это «охлаждение души и сердца ко всему нежному, высокому и серьезному» [5; 320] особенно заметно, ведь время действия в рассказе «Интересные мужчины» – «пятница на шестой неделе Великого поста», когда горожане,

«добрые христиане» «тянулись в церкви исповедаться» [5; 323], чтобы в их душах «водворились» «мир и безмятежность» [5; 324]. В «Таинственных предвестиях» писатель изображает артистов, плывущих на пароходе на Валаам, людьми, в сущности, далекими от религии. Однако нельзя не заметить, что во всех произведениях цикла описаны события, которые пробуждают и укрепляют в людях веру.

Изображая верующего человека, проявляя свое отношение и восприятие веры и религии, в

«Рассказах кстати» Лесков создает полное представление о земном человеке, о его греховности и идеальности, совершенстве и несовершенстве, о его возможностях и ограниченности. Но именно вера, которая, как уже было сказано, «касается всех сил души... приводит в движение ум, волю и чувство...» [10; Стлб. 585], определяет «все мысли и все действия человеческие» и, направляя их «на Бога и божественные предметы» [10; Стлб. 586], открывает человеку путь к спасению и духовному просветлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Добродетель – «естественно-приобретенная способность к нравственно-доброму поступанию» [10; Стлб. 748–749]. Христианская добродетель определяется «признаками смирения с надеждою» [10; Стлб. 749].
- ² Мы не касаемся в данном случае проблемы «Лесков и церковь», которая также требует еще детального изучения. Очевидно, однако, что писатель в 1880-х годах разграничивает: а) христианство и церковь («Вихляется он (Л. Толстой. – Н. С.) – несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное, и испорчено оно тем, что его делали отвлеченностью. “Все религии хороши, пока их не испортили жрецы”. У нас византизм, а не христианство, и Толстой против этого бьется с достоинством, желая указать в евангелии не столько “путь к небу”, сколько “*смысл жизни*”. Есть места, где он даже соприкасается с идеями Бокля. Старое христианство просто, видимо, отжило и для “смысла жизни” уже ничего сделать не может. На церковность не для чего злиться, но хлопотать надо не о ней. Ее время прошло и никогда более не возвратится, между тем как цели христианские *вечны*» ([3; 287], письмо А. С. Суворину 9 октября 1883 года), б) христианство и православие («...Вы даже не вникаете в сущность веры, а защищаете православие, которого не содержите и которого умный и искренний человек содержать не может. Я не хитрю: я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, – а все остальное мне не нужно» ([4; 340], письмо А. С. Суворину 11 марта 1887 года).
- ³ Тема «Лесков и Лев Толстой» все еще требует обстоятельного и скрупулезного изучения.
- ⁴ В словаре «Тысяча состояний души» религиозность отождествляется с благочестием и набожностью: «Благочестие (от честь “почитание”) – набожность, религиозность» [6; 48], «Набожность – почитание индивидом Бога, богобоязненность» [6; 195].
- ⁵ Рассказы цикла цитирую по изданию [5], указывая страницу.
- ⁶ Статья была опубликована в журнале «Церковно-общественный вестник». № 34. С. 2–4.
- ⁷ См. об этом: Розанова С. А. Лесков и семья Толстого [7; 353].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библейская энциклопедия. М.: Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990. 902 с.
2. Колесникова В. С. Православный храм. Символика и традиции. М.: Олма-Пресс, 2006. 540 с.
3. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: Худ. лит.-ра, 1958. Т. 11. 862 с.
4. Лесков Н. С. Монашеские острова на Ладожском озере // Лесков Н. С. Очерки и рассказы. Петрозаводск: Карелия, 1988. 384 с.
5. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Правда, 1989. 464 с.
6. Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Тысяча состояний души: Краткий психолого-филологический словарь. 2-е изд, испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 424 с.
7. Литературное наследство. Т. 101. В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН: Наследство, 2000. Т. 2. Неизданный Лесков. Кн. 2. 574 с.
8. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. СПб.: Нева – Ладога – Онега; М.: Русло, 1992. 224 с.
9. Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 286 с.
10. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913. 1120 стлб.
11. Терехова Е. А. Произведения Н. С. Лескова для детей и проблема детского чтения в публицистике и критике писателя: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 198 с.
12. Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 863 с.; Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 671 с.

УДК 821.161.1.09

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАСОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
nsova74@mail.ru

СЕМАНТИКА И ИДЕОГРАФИЯ УСЛОВНЫХ ЗНАКОВ В ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЯХ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

В статье исследуется малоизученный аспект проблемы творческого процесса Ф. М. Достоевского – семантика и идеография условных знаков, графически отражающих содержание художественного замысла и особенности развития темы в рабочих тетрадях писателя.

Ключевые слова: проблемы текстологии, проблемы поэтики, творчество Достоевского

При анализе рукописей романа «Подросток» обращает на себя внимание начальная стадия творческой работы автора, отраженная в записных тетрадях 1874–1875 годов. Исследование рукописного текста позволяет говорить о проблеме семантики и идеографии многочисленных условных знаков Достоевского – имеются в виду прежде всего знаки-символы, определявшие направление творческого процесса [29]. Под семантикой знака понимается совокупность его значений в рукописи, под идеографией – его связь с художественными идеями романа. Эти обозначения в большинстве своем не отражены в печати, в том числе и в академическом собрании сочинений писателя [2], хотя, несомненно, они имеют не только графический, но и эстетический смысл. Анализ условных знаков Достоевского показывает отношение автора к литературной традиции, значение христианских представлений в формировании художественных идей на стадии черновых записей и в окончательном тексте произведения, а также позволяет интерпретировать романские мотивы и образы в установленном тематическом контексте. Графи-

ческие символы в рабочих тетрадях писателя, представляя собой смысловую целостность, являются семантическим «ключом» к пониманию поэтики произведения.

Рассмотрим следующие примеры. В рабочих тетрадях писателя встречается рисунок, который можно определить как изображение профиля, но точнее – *носа* (рис. 1, 2, 3).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Подобный знак появляется возле следующих записей (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11; при цитировании рукописи в квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в наклонных – вписанный; цитируем с сокращениями):

«Въ 4^й главѣ, послѣ Ламберта, возвращаясь къ Макару:

У нихъ интрига, интрига! бѣжать» (73 об.).

«/Въ Final'н/ Но Ламбертъ узналъ драгоценную для него вещь; онъ узналъ, чего стоит документъ, увидавъ и сообразивъ по испугу Князя – испугу, котораго онъ и не предполагалъ въ такой силѣ. Стало быть, догадался, что за документъ въ самомъ дѣлѣ много дадутъ заинтересованные люди» (74 об.).

«И во 2^{мб} свиданіи: Но у васъ есть документъ.

Настасья Егоровна: А вы не выбѣжите-съ? – /Анна Андреевна надѣется, что /С./ Князь пошлетъ за Княземъ Платономъ и еще за кѣмъ-нибудь и покажетъ имъ [пись] документъ, чтобы доказать, что онъ не сумасшедшій/.

<...>

Наканунѣ Ламбертъ во время бѣгства Ст. Князя узналъ отъ подростка, что тотъ сговорился отдать документъ ей, завтра, черезъ Татьяну, въ квартирѣ Татьяны» (83 об.).

«Final. И развѣ могъ я вынести, что Версильовъ тутъ, съ нимъ, съ Ламбертомъ, въ шантажѣ, разбойники! Мой идеаль растоптанъ.

Въ послѣдней главѣ: письмо къ ней про документъ надо отъ Татьяны.

– Подростокъ уговорился съ Татьяной накануне, еще въ день Анны Андреевны, чтобы Татьяна написала ей, что Подрост. хочетъ ей передать документъ.

– Та написала.

Ночь на съѣзжей, но давно нѣтъ документа.

– Вышелъ, къ Татьянѣ. Хватъ въ карманъ – нѣтъ документа!

– У Ламберта!

<...>

И вмѣсто семейства родового (Ростовы) семейство возникающее, родъ эфемерный новый, ищущій благообразія и своего уровня и даже (новыхъ) формъ» (84).

«/Здѣсь – Final./ Не Татьяна ли пишетъ письмо о документѣ и свиданіе у [ней] /Татьяны/ на квартирѣ» (85).

« – Послѣ взрыва съ Бьорингомъ, произошелъ реактивъ: Я почувствовалъ, что это послѣдній актъ безумія и что я, какъ и ты, жажду благообразія» (85 об.).

«Она. Зачѣмъ же вы не убьете меня сейчасъ.

ОНЪ. Сейчасъ не могу.

Она. А, да, честное слово.

– Нѣтъ, не это, а я еще буду думать, сегодня ночью, объ васъ.

– Она. Мучить себя, какъ тогда?

<...>

– Она ЕМУ: Да, я васъ любила; но не достаточно. Я васъ очень скоро [остав] разлюбила, увидавъ, что тутъ... не то, что мнѣ надо.

– Что вамъ надо? Снизойдите до моего ничтожества. Скажите, что вамъ надо.

(Она выставляетъ идеаль простого и яснаго чловѣка).

(Я люблю веселыхъ людей).

Она ЕМУ: Я васъ не стою. Я деревяшка.

– Ну, я вамъ скажу всю правду: въ васъ есть что-то смѣшное» (86).

« – Разъясненіе Подросткомъ отъ себя ЕГО характера передъ окончательной сценой *пожара*, т. е. *Фатума* любви. Т. е. какъ ОНЪ надѣялся, убѣдившись въ ея великосвѣтской мерзости (съ Ламбертомъ), разлюбить ее и выльчиться. НВ. «Не разлюбивъ же, разумѣется, съ ума сошелъ», – замѣчаетъ отъ себя Подростокъ.

/Она/ Я пожалуй выйду, я очень боюсь.

ОНЪ. Я воображаю васъ и только и дѣлаю, что съ вами разговариваю. Вы все смѣтаете (въ этихъ ночныхъ разговорахъ). Двойникъ. Сумасшествіе» (86 об.).

Сравнение записей, отмеченныхъ одним и тем же знаком, позволяетъ уточнить содержание художественного замысла, выделить разные аспекты интересующей писателя темы, увидеть тему в развитии. В данномъ случаѣ вниманіе автора сосредоточено на фабульномъ элементѣ произведения – «интриге», вокругъ которой разворачиваются событія романа. Какъ известно, центромъ «интриги» является «документъ» – письмо Катерины Николаевны Ахмаковой къ Андроникову, где она неосторожно высказывается о своемъ отцѣ, старомъ князе (обнаружившемъ склонность къ бессмысленнымъ траграмъ), желая объявить его недееспособнымъ («в опеке») и темъ самымъ пытаюсь спасти состояніе. В ситуации ожидаемого Ахмаковой будущаго наследства это «чрезвычайно компрометирующее письмо» становится точкой отсчета в формированіи сложной коллизіи с участием, прежде всего, Подростка, Версильова и Ламберта.

Чтобы оценить содержаніе и развитие темы, заявленной в данномъ контексте, необходимо определить семантику условнаго обозначенія, при помощи котораго Достоевскій объединилъ приведенныя записи. Само изображеніе носа вызываетъ литературныя ассоціаціи с одноименной повестью Гоголя. Значеніе гоголевской традиціи для Достоевскаго и ее переосмысленіе в творчествѣ писателя несомненны (см.: [9], [15], [17], [18], [27], [28], [33]). Отметимъ то, что имѣетъ отношеніе к интересующему насъ вопросу. По наблюденію А. Л. Бема, для Достоевскаго гоголевская «фантастическая исторія исчезновенія носа» выростала в трагедию личности ея героя. Достоевскій своеобразнымъ чутьемъ художника трагическаго, а не комическаго подметилъ в «Носѣ» элементы подлинной чловѣческой трагедіи. Смыслъ этой трагедіи былъ в раздвоеніи личности, в двойничествѣ» ([8; 52–53], см. также: [32; 229]). Какъ замечаетъ В. Н. Захаровъ, «у Гоголя исчезновеніе и самозваное появленіе носа в чинѣ статскаго советника является сюжетной реализаціей языковой метафоры: майоръ Ковалевъ на самомъ дѣлѣ “заносился”, “задираетъ носъ”, поэтому и его носъ, ставъ “самъ по себѣ”, объявляется в чинѣ тремя рангами выше и обставляетъ общеніе с майоромъ Ковалевымъ неодолимыми для героя условностями чиновнаго общенія... Объявившись “самъ по себѣ”, носъ ведетъ независимое отъ майора Ковалева существованіе. Точно такъ же и в “Двойникѣ”: Голядкинъ раздвоенъ, но его двой-

ник существует “сам по себе”, как реальное лицо. Как и нос у Гоголя, двойник у Достоевского становится поэтической условностью сюжета повести» [13; 77]. По мнению В. Н. Захарова, нос в повести Гоголя – это фикция, указывающая на потерю героем идентичности; фантастический сюжет «Двойника» отражает мысль о том, что «каждый человек несет в себе образ Божий. Нет одинаковых людей, каждый неповторим. Невозможна замена одного другим, подмена оригинала копией» [14; 330]. В черновых записях к «Подростку» поэтической условностью, своего рода фикцией, становится «документ»: на нем основана фиктивная «интрига», которая важна не сама по себе, а как способ раскрытия романских характеров и развития сюжетной коллизии. Это функциональное сходство определяет семантику изображения носа в рукописном тексте Достоевского.

Отмечая, что данный знак осмысливается писателем «в манере знаменитой гоголевской повести как нечто самостоятельное, как отдельный портрет», К. А. Баршт делает вывод о том, что за этим знаком «скрывается “ротшильдская идея”, или, точнее, весь комплекс зараженных эгоизмом идей, которые в процессе развития повествования “Подростка” (повторяющего в этом смысле идею “Жития великого грешника”) преодолеваются главным героем как нечто “бесовское”. Писатель графически осмысляет этот знак как *символ черта*, дополняя “нос” не менее характерным контуром головы, губ, глаз, подбородка, и, самое главное, рогов» [6; 173–174]. Следует внести несколько уточнений. Семантика и идеография знака становятся более ясными только при установлении всех записей, возле которых есть одно и то же обозначение, и их тематическом сравнении (в данной работе также приводится неполный контекст материала, в силу ограниченного объема статьи; по меньшей мере 19 записей, отмеченных изображением носа, содержатся не в рабочих тетрадях, а на отдельных листах с набросками к роману). Названный пример «превращения» знака «нос» в портрет не прослеживается в пределах одного вида рукописей: черт изображен не в набросках из записных тетрадей, а в записях на отдельных листах, которые датируются 1875 годом ([22; 105]; см. также: [6; 312], шифр рукописи – РГБ. Ф. 93. I. 1. 8/14. Л. 1). Изображение черта на указанном листе может быть и более поздним, причем в данном случае это именно рисунок, а не знак. Следовательно, принципиально важно разграничивать рисунки и знаки в рукописях Достоевского. Рисунки динамичны, они могут видоизменяться: даже если автор пытается воспроизвести один и тот же образ, все равно каждый рисунок, особенно портретный, имеет черты индивидуальности. Условные знаки, в отличие от рисунков, статичны – в таком случае для автора как раз имеет значение повторяемость графических характеристик. Это различие между рисун-

ками и знаками объясняется просто: данные виды графики, будучи связанными с художественным замыслом и проблематикой текста, выполняют разные задачи. Знаки, по сравнению с рисунками, более функциональны: их основное предназначение – тематически соединить записи согласно авторской идее. Рисунки, по сравнению со знаками, более иллюстративны, нередко они становятся графическим аналогом словесного образа (например, портреты создаваемых автором персонажей, появляющиеся в черновых записях к романам). Наконец, если знаки обладают двойственной природой: их внешнее оформление не всегда отражает их внутренний смысл, потому что может быть не связано с ним напрямую, то рисунки (прежде всего, портретные) всегда образны и более ясно (именно с точки зрения семантики) вписываются в текстовое пространство.

Об идеографии указанного условного знака необходимо сказать следующее. В приведенных черновых записях упоминается «двойник» – эта тема в романе «Подросток» связана с образом Версилова и сценой, в которой герой разбивает икону. Перед тем как сделать это, Версильов говорит о «двойнике»: «Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник; вы сами умны и разумны, а тот непременно хочет сделать подле вас какую-нибудь бессмыслицу, и иногда превеселую вещь, и вдруг вы замечаете, что это вы сами хотите сделать эту веселую вещь, и бог знает зачем, то есть как-то нехотя хотите, сопротивляясь из всех сил хотению» [2; Т. 13; 408–409]. По замечанию В. Н. Захарова, «“двойник” Версилова становится основной движущей силой развития сюжета в завершении художественного целого романа» [12; 65–66]. При этом писатель, как и в повести «Двойник», полемичен по отношению «к “медицинской точке зрения” на “двойника” в заключительных главах “Подростка”, где сознание Версилова “расщеплено” фатумом – его “любовью-ненавистью” к Катерине Николаевне» [12; 69]. В. Лепахин указал, что «расколотый образ – это также символ “расколотого” сознания Версилова, его двоящейся в своих стремлениях души» [19; 253]. По мысли В. А. Викторovichа, в романе «Подросток» «раздвоенность нравственной личности усилена неспособностью колеблющегося человека уверовать в доброе, идеальное начало в ближнем... Раздвоение тогда и торжествует, когда иссякает эта вера в образ Божий в человеке» [10; 21].

В интересующих нас черновых записях сквозь намеченную фабульную интригу, переданную глагольными конструкциями «событийной» семантики («У них интрига, интрига! бежать», «Ламберт узнал...», «Подросток уговорился с Татьяной...»), проступает тема *утраты идеала*, и выражена она в личностной форме повествования от «я» (в речи Подростка) и в диалогах (Версилова и Подростка, Версилова и Ахмаковой). Реплики Подростка и диалоги героев содержат мотив

трагического раздвоения души. С одной стороны, в рукописи есть слова Версилова «я, как и ты, жажду благообразия» и заявлен «идеал простого и ясного человека», о котором говорит Ахмакова. С другой стороны, это горестное признание Подростка «Мой идеал растоптан», прозвучавшее после того, как юноша узнал о сговоре Версилова с Ламбертом. Наконец, это и «разъяснение Подростком от себя» характера Версилова, его «Фатума любви» (в последнем случае значимо сравнение любви с болезнью, роковым наваждением как указание на ослепленность Версилова страстью, на иллюзорность, неистинность его чувств). Думается, что основой романной коллизии является именно мотив утраты «веры в образ Божий в человеке».

Подчеркнем, что черновые записи, передавая сюжетно-фабульную основу художественного замысла, отражают еще один аспект темы: условное обозначение Достоевского появляется возле строк о семействе Ростовых. Тема семьи имеет значение как для романов Достоевского, так и для «Дневника писателя». Замечено, что «семьей, браком у Толстого и Достоевского испытываются характеры героев <...> А так как семья является средством проверки нравственного здоровья всего общества, то возникновение “случайного семейства” в романе “Подросток”, “неправильной семьи” или “несчастливой семьи” в романе “Анна Каренина” становится симптоматическим явлением. <...> “Несчастливая семья” – это модель распадающегося общества» [25; 141–142]. В рукописи «Дневника писателя» за 1876 год, размышляя о случае из газетной хроники, Достоевский упоминает о Ростовых, сравнивая этот образ «благолепного семейства» и реальное описание распавшейся семьи [30; 111–112]. В романе «Подросток», отталкиваясь от реальности, автор говорит о «случайном семействе», определение которого в черновой записи противоречиво: «...семейство возникающее, род эфемерный новый, ищущий благообразия...» И в этом случае отмечен несовпадение идеала и действительности: сказано о стремлении к «благообразию», но – одновременно подчеркивается «эфемерность» самого семейственного начала в условиях нарушенных духовных связей и утраты идеи, роднящей и объединяющей людей. История «случайного семейства» – это и психологический этюд, и религиозно-философское размышление о трагических противоречиях души человеческой, и отклик на духовное разединение общества (первоначальное название романа – «Беспорядок»), на «обособление» человека в эпоху нигилизма и безверия.

Вера как выражение идеала является мировоззренческим центром творчества Достоевского, духовным вектором развития художественного мира автора. Среди черновых записей к роману «Подросток» отметим два наброска, возле которых начертан знак *православного креста* (рис. 4, 5). В тетрадях Достоевского можно

ти- или восьмиконечный крест, который в христианской традиции «имеет три горизонтальные перекладки: верхняя – для надписи, нижняя – ближе к основанию креста служит для *suppedaneum* – опоры креста» [34; 259], см. также: [5].

Рис. 4

Рис. 5

«– У вась не логика, у вась какое-то чувство, говорить подростокъ Князю. Вы не можете опровергнуть идею Версилова и говорите лишь: Зачьмь ОНЪ самъ не таковъ? Вотъ ваша логика, но это дичь, а не логика. ОНЪ можетъ быть даже самъ и дурень, но говорить ОНЪ можетъ высшую правду» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 48).

«ОНЪ говорить Подростку въ Final'ѣ, въ тоскѣ, что идея его объ уединеніи ниже *по гордости* полному прощенію, не мщенію. Къ тому же въ Ротшильдѣ подленькая мысль о самообезпеченіи» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 13. Л. 35; в этом случае следует разграничивать линии начертания, так как знак креста оказывается в одном пространстве с обозначением абзаца).

Первая запись частично воспроизводится в печатном тексте, в диалоге Подростка с князем Сергеем Сокольским о Версилове: «И наконец, вы говорите: зачем он сам не таков, каким быть учит, – вот ваша логика! И во-первых, это – не логика, позвольте мне это вам доложить, потому что если б он был и не таков, то все-таки мог бы проповедовать истину...» [2; Т. 13; 180]. Данные слова также становятся указанием на противоречивость характера Версилова. Но помимо этого здесь звучит и авторская идея «высшей правды», или Истины, которая в рукописи получает графическое «определение». Знак православного креста символичен: в традиции древнерусской иконописи «образы Распятия – воплощение сути христианского вероучения, символ самой христианской веры» [4; 98–99]. Религиозный смысл записи передан и лексически. Говоря о значениях концепта истины, Н. Д. Арутюнова отметила следующее соотношение «истины» и «правды»: «О Божественном мире и его аналогах говорят в терминах *истины*. Это же слово используется в эпистемических контекстах. Ему отдается предпочтение (часто из соображений стиля) и тогда, когда речь идет о человеестве, его идеалах и конечных целях, между тем как проекция Божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей обозначается словом *правда*. Правда – это отраженная Истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях. <...> Будучи категорией жизни, правда распределена между множеством ее сфер. <...> Истина имеет одного Владельца (“Наставь меня, Господи, на путь Твой и буду ходить в истине Твоей”), правда – многих...» [1; 26]. В текстах

Достоевского присутствует названное смысловое соотношение «истины-правды» и «Божественной Истины» [31].

При интерпретации рукописного материала важно учитывать более широкий контекст, не раскрытый, но подразумеваемый в черновой записи. Имеются в виду слова Версилова о дворянстве как символе «вышей идеи», под которой понимается «идея чести и просвещения, как завет всякого, кто хочет присоединиться к словию, незамкнутому и обновляемому непрерывно». Дворянство, в определении Версилова, – это не столько сословие, сколько «собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты» [2; Т. 13; 178], см. также [11]. Мы видим, что знак Распятия в контексте общей проблематики романа «Подросток» соотносится с темой дворянства, актуальной для творчества Достоевского в целом. Образ «лучших людей» указывает на несоциальное, духовное наполнение этой темы, а знак православного креста как символ веры становится ценностным ориентиром автора и выражением христианской Истины. Во втором наброске Достоевского возникает антитеза высокого и низкого, разъясняющая авторский взгляд на идею Подростка «стать Ротшильдом», которая в высказывании Версилова утрачивает статус «идеи», превращаясь в «подленькую мысль о самообеспечении». В этом случае знак православного креста также отражает христианскую систему ценностей, усиливая нравственное противопоставление добродетели и греха (в наброске Достоевского – *прощения и гордости*).

Эти наблюдения говорят о том, что условные знаки в рукописном тексте Достоевского, являясь символическим определением темы и графически оформляя семантическое пространство художественного замысла, выполняют оценочную функцию. Обратимся еще к одному примеру: в записях к роману «Подросток» встречается знак *солнца* (рис. 6, 7, 8). Отметим, что изображение солнца имеется и в записной тетради с черновыми набросками к «Дневнику писателя» 1876–1877 годов – там это круг, от которого «разбегаются» в разные стороны «лучики», в круге точками обозначены «черты лица». Здесь это полукруг, как правило, с тремя нисходящими лучами:

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Если говорить о «Дневнике писателя», то знак солнца объединяет записи литературного характера с наброском о войне и герцеговинцах. Анализ материала приводит к выводу о том, что применительно к литературной теме знак солнца связан с проблемой положительного идеала, а в записях о войне солнце есть символ русских

«лучших людей», тех, кто «ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» [2; Т. 23; 161]. В контексте «военной» тематики «Дневника» – это русские офицеры и солдаты, добровольно вставшие на защиту балканских славян, уничтожаемых турками. Кроме того, солнце символизирует «Святую Книгу» – Библию [2; Т. 22; 97]. Таким образом, знак солнца в записной тетради сопутствует размышлениям Достоевского о христианском идеале и становится своеобразным отражением «символа веры» писателя (подробнее см.: [29]).

Похожий условный знак, который появляется возле черновых записей к роману «Подросток», наделяется иным смыслом – не случайно несколько меняется и его начертание. Приведем наброски, отмеченные знаком солнца и образующие определенный контекст (цитируем с сокращениями):

« – Не так ли согласить письмо: О письмѣ этомъ во всю 1^ю часть и не говорить, а Крафтъ доставляетъ только документъ по тяжбѣ и кое-какую дрянъ, но говорить, что существуетъ такое письмо ея, которое она ищетъ и ѣздила затѣмъ въ Москву.

– Ёздила? вбивается подростокъ и т. д.

<...>

– Сестрѣ Лизѣ, въ 1^ю вечеръ, объ тебѣ три раза поминали сегодня, /С/ Князь, Княгиня, Васинъ, [и Князь].

Подростокъ Крафту передъ уходомъ: о гуманности, тонко, я бы желалъ одного кого-нибудь любить и довольно.

– Вы и любите.

– [ЕГО] Я не поднялъ. Крафтъ недосказалъ, вѣжливость. /Съ Крафтомъ о дворянствѣ. Ст. книжку/» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 105; далее номер листа указывается при цитате).

«Я не стою за крѣпостное право, но прежде былъ хоть *скверный*, но *порядокъ*, теперь никакого (*вариант*: а теперь совсѣмъ никакого. – Н. Т.). Волостные суды дѣлаютъ что угодно, [в] пьяное сумасшествіе. Хуже того, что есть, никогда не было. Но это бы рѣшительно ничего, если бы было поправимо, хоть черезъ 100 лѣтъ. Но это непоправимо. Русскіе второстепенный материалъ. Я не могу жить безъ грусти.

Крафт: Я бы желалъ быть серединой, наживать.

О дворянствѣ призванномъ» (111 об.).

« – /Крафтъ./ Юридически этотъ документъ (письмо) много не стоитъ.

А шансъ есть.

Я этимъ дѣломъ не занимался – адвокатъ противной стороны, конечно, долженъ знать, что бы онъ могъ сдѣлать съ такимъ документомъ, много или мало, или совсѣмъ ничего.

– Какъ же мнѣ поступить?

Это какъ угодно» (115).

«Простился съ Крафтомъ грустно. То, что отъ васъ узналъ. Я еще не вѣрую, но – чувствую, что порву. Надо начинать новую жизнь. Къ Васину я не пойду. [Блаженъ, у кого]

– А вы надѣетесь жить. Блаженъ тотъ, у кого есть идея.

Если бѣ вы знали, что вы сказали, Крафтъ (у меня своя идея).

<...>

/NB/

Драгоценность

вдругъ ложась спать: почему я меньше люблю Васина, чѣмъ давеча? Потому что слишкомъ предъ нимъ давеча принизился. “Я мальчишка, я больше ничего”» (116).

« – Следствие нигилизма будетъ идеализмъ, говоритъ Подростокъ.

– Неправда, – возражаетъ ОНЪ, – напротивъ самый спасительный и отрезвляющій позитивизмъ, потому что нигилизмъ[-то] самъ [и] есть /можетъ быть чуть не/ *последняя степень идеализма*» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 13. Л. 57; далее номер листа указывается при цитате).

« – Одноидейность.

– Нажрался нигилитины, натрескался нигилитины.

– Какіе у нихъ (*вариант*: они. – Н. Т.) отрицатели. У нихъ даже отрицаніе религіи возведено въ религію. [Идеалисты] Это – вѣчно молящіяся. Нигилитина. Это Ламберъ» (58).

« – Желѣзные дороги, можетъ быть, болѣе повредили Россіи, чѣмъ пользы принесли. А впрочемъ, у насъ все было такъ, все съ Петра Великаго начиная, все залпомъ и неестественно.

– Нынѣшнее время – это царство (*вариант*: время. – Н. Т.) Золотой Средины, полупросвѣщенія, невѣжества, лѣни, неспособности къ дѣлу, потребности всего готового и проч.» (61).

«/Несчастья Богъ посылаетъ. Они тоже полезны да еще какъ. Безъ несчастья и счастья бы не было./

– Кабы не было несчастій, и жить бы не стоило.

– NB.) Разсказъ объ обращеніи Св. Павла, дорогою, послѣ убійства Стефана. – О искушеніи въ пустынь. О томъ, что такое, въ сущности, аскетизмъ монастырей. Свобода Христова и въ коммунизмъ, равенство Христово и 93 <-го> года. Всѣ эти разсказы приводять Подростка въ восхищеніе и недоумѣніе.

<...>

– “Въ это царствованіе, отъ реформъ пропала общая идея и всякая общая связь. Прежде хоть какая-нибудь да была, теперь никакой. /Всѣ врознь./ Былъ хоть гаденькой порядокъ, но былъ порядокъ. Теперь полный безпорядокъ во всемъ”.

Это одна изъ циническихъ ЕГО фразъ» (65).

В этихъ записяхъ также присутствует элементъ «интриги», в данномъ случаѣ связанной уже с другимъ «документомъ» – письмомъ Столбеева, имеющимъ отношеніе к тяжбе о наследствѣ, которую Версиковъ ведетъ с князьями Сокольскими. Важно то, что «документъ» соединяетъ двухъ героев – Подростка и Крафта, от котораго молодой человекъ получаетъ указанное письмо. Имя Крафта звучитъ почти в каждой изъ записей какъ авторское указаніе на проблему, ставшую объектомъ художественнаго исследования в романѣ «Подростокъ».

И в черновомъ, и в печатномъ текстѣ с Крафтомъ связывается мысль о томъ, что «русские второстепенный материалъ». К этой темѣ примыкаютъ романскія рассужденія Крафта о «беспорядкѣ» (какъ состояніи общества), почти дословно повторяющіе вариантъ рукописи: « – Нынѣшнее время, – началъ онъ самъ, помолчавъ минуты две и всё смотря куда-то въ воздухъ, – нынѣшнее время – это время золотой средины и бесчувствія, страсти къ невежеству, лени, неспособности къ дѣлу и потребности всего готового. Никто не задумывается; редко кто выжилъ себѣ идею» [2; Т. 13; 54].

Показательно, что такое опредѣленіе эпохи принадлежитъ самоубийцѣ, представителю поколѣнія, которое в черновикахъ объясняется посредствомъ понятій «нигилизмъ», «отрицаніе», «нигилятина». В окончательномъ текстѣ оценка нигилизма не столь открыта, какъ в наброскахъ, но передается черезъ воспріятіе Подростка, произнесшаго речъ у Дергачева: «...и особенно теперь, въ наше время, которое вы такъ переделали. Потому что хуже того, что теперь, – никогда не бывало. Въ нашемъ обществѣ совсемъ неясно, господа. Ведь вы Бога отрицаете, подвигъ отрицаете...»; «У васъ будетъ казарма, общіе квартиры, stricte nécessaire, атеизмъ и общія жены безъ детей – вотъ вашъ финалъ, ведь я знаю-с. И за всё за это, за ту маленькую часть срединной выгоды, которую мнѣ обеспечитъ ваша разумность, за кусокъ и тепло, вы берете взаменъ всю мою личность!» [2; Т. 13; 49–50]. Здесь уже очевидно соотношеніе нигилизма, атеизма и коммунизма – явленій, противопоставляемыхъ авторомъ христіанскому идеалу, «свободѣ Христовой». Эта мысль неоднократно звучала и в романахъ, и в «Дневникѣ писателя» Достоевскаго, какъ и мотивъ «дьяволова искушенія», появляющійся в черновомъ текстѣ «Подростка» [35; 394–395, 415]. В отмеченныхъ наброскахъ заявлена, кроме того, тема «дворянства призваннаго», в окончательномъ текстѣ наиболее полно представленная в сужденіяхъ Версикова. Учитывая сказанное, можно заключить, что в черновыхъ материалахъ происходитъ проблематизация идей, принадлежащихъ героямъ, но уже на этой стадіи творческаго процесса проговаривается «скрепляющая мысль» автора. Анализъ рукописнаго матеріала подтверждаетъ высказанное В. Н. Захаровымъ сужденіе о томъ, что «“жизнь идей” своихъ героев Достоевскій всегда соотносилъ с идеей произведенія (“предметъ” с принципомъ изображенія действительности)» [13; 156].

В установленномъ тематическомъ контекстѣ знакъ солнца, изображенный в рукописи, обрѣтаетъ особый художественный смыслъ. Какъ отмечаетъ И. Лунде, образъ солнца присутствуетъ в монологе Версикова о «золотомъ вѣкѣ», в разсказѣ Макара Долгорукова о купцѣ Скотобойниковѣ, в воспоминаніяхъ Аркадія о матери, в эпизодѣ первой встрѣчи Подростка с Макаромъ Ивановичемъ [20; 419]. Добавимъ, что образъ солнца появляется в размышленіяхъ Подростка о Крафтѣ. Позднѣе, услышавъ о самоубійствѣ Крафта, Аркадій спрашиваетъ: « – Крафтъ? – пробормоталъ я, обращаясь

к Ахмаковой, – застрелился? Вчера? На закате солнца?» [2; Т. 13; 128].

Обратимся к двум наиболее важным для анализа сценам. В начале третьей части романа, где речь идет о девятидневном беспамятстве Подростка после истории с «рулеткой», слышен отголосок рассуждений Ипполита Терентьева о «темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой всё подчинено» [2; Т. 8; 339], – имеется в виду важная для романа «Идиот» (в частности) тема «мертвого Христа» как воплощения неумолимых, всепоглощающих законов смертной природы (см.: [21], [23], [26], [36]). В «Подростке» о «законах природы» говорит Аркадий: «День был ясный, и я знал, что в четвертом часу, когда солнце будет закатываться, то косою красным луч его ударит прямо в угол моей стены и ярким пятном осветит это место. Я знал это по прежним дням, и то, что это непременно сбудется через час, а главное то, что я знал об этом вперед, как дважды два, разозлило меня до злобы» [2; Т. 13; 283]. Момент символичен тем, что именно в эту минуту «злобы» на «косность природы» Подросток слышит слова Макара Долгорукого: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» [2; Т. 13; 283–284] (здесь возможна и тематическая параллель с повестью «Кроткая», в которой особое значение имеет образ мертвого солнца («мертвой косности») как символическое определение отчаявшейся одинокой души, оставшейся без веры и любви) [7; 123]. По мысли Т. А. Касаткиной, «прежде думая о солнце, как о “вращающемся шаре”, который в свое время остынет, и все остынет с ним, и ледяные камни будут летать в пространстве, Аркадий – сознательно или бессознательно – в заходящем солнце видел прообраз этой смерти, символ окончательной гибели. После разговора с Макаром, который весь посвящен смерти во Христе, и надежде новой жизни, и тому, что “и по смерти любовь”, заходящее солнце становится в сердце Аркадия символом Христа – Солнца правды, умирающего, чтобы воскреснуть, гаснущего затем, чтоб из гроба воссиял свет и просветил всю темную мглу, “преисподняя земли”, чтобы во всем, во всякой вещи, торжествовало “благообразие”» [16; 61].

«Закат солнца» – это и двойственный мотив сна Версилова о «золотом веке», с одной стороны, связанный с образом «счастливого и невинного» человечества; с другой стороны, метафорически передающий взгляд на историю Европы: «И вот, друг мой, и вот – это заходящее солнце первого дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас,

как я проснулся, наяву, в заходящее солнце последнего дня европейского человечества! Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола» [2; Т. 13; 375]. Завершая рассказ, Версиров упоминает стихотворение Г. Гейне «Христос на Балтийском море» (подразумевается его первая часть – «Frieden», или «Мир»). Как сообщает Н. Перлина, «первоначально текст стихотворения (опубликованного в 1826 году) состоял из двух частей. В то время как первая часть выражала благочестивую любовь Гейне к святому образу Христа, вторая была пронизана сардоническими замечаниями поэта касательно практических выгод быть христианином в нынешние времена. Эта часть стихотворения “вызвала большой скандал”, и в последующих публикациях Гейне ее опускал. Между тем в России в 1872 г. журнал “Гражданин” неожиданно опубликовал “Frieden” как двухчастную композицию. Когда Достоевский познакомился с этим произведением Гейне, он увидел в нем выражение непримиримых конфликтов, которые мучили сердца и умы европейских деистов и русских gentilhomme(s). <...> В контексте всего романа типологическая парадигма лишь усиливает идейное значение его конкретной поэтической семантики: поскольку Версиров как бы отрубает второй фрагмент стихотворения Гейне, его восторги по поводу одной первой части предвещают – композиционно и архитектурно – загадочную сцену “разбивания иконы” и раскалывания ее на два куса...» [24; 131–132].

Таким образом, в результате анализа семантики и идеографии условных знаков Достоевского более очевидными становятся смысловые нити, связующие романские образы в единстве религиозно-философской проблематики произведения. Изображение носа указывает на художественную функцию этого образа в повести Гоголя «Нос» и определяет значение и содержание фабульной «интриги» в романе «Подросток». Знак солнца в «Подростке» обладает более сложной семантико-поэтической структурой, чем в «Дневнике писателя»: не случайно мотив «заката солнца» возникает не только в христианском контексте, но и в рассказе о самоубийстве Крафта. В символическом изображении солнца историософская тема, проявившаяся в авторской оценке нигилизма и безверия как примет духовного «обособления» людей («все врознь»), соединяется с идеалом веры, отражением которого в рукописном тексте Достоевского становится знак православного креста.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 05-04-04102а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21–30.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенников (науч. ред.), А. А. Алексеев. Челябинск: Металл, 1997. 271 с.

4. Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993. 223 с.
5. Барсов Н. И. Крест // Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. / С. С. Аверинцев, А. Н. Мешков, Ю. Н. Попов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1. С. 832–835.
6. Баршт К. Рисунки в рукописях Достоевского. СПб.: Формика, 1996. 319 с.
7. Бекедин П. В. Повесть «Кроткая» (К истолкованию образа мертвого солнца) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 102–124.
8. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 35–57.
9. Викторovich В. А. Гоголь в творческом сознании Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 216–233.
10. Викторovich В. А. Роман познания и веры // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 17–27.
11. Галаган Г. Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского (1873–1876) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 12. С. 99–107.
12. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1978. 110 с.
13. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.
14. Захаров В. Н. Является ли *христианский* всего лишь конфессиональным признаком? Полемические возражения К. А. Степаняну // Достоевский и современность: Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 321–332.
15. Захарова Т. В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского («кризис авторства» и авторский статус) // Достоевский и современность: Тезисы выступлений на «Старорусских чтениях 1991 г.». Новгород, 1992. Ч. 1. С. 37–47.
16. Касаткина Т. А. Два образа солнца в романе «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 53–62.
17. Киносита Т. Образ мечтателя: Гоголь, Достоевский, Щедрин // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 21–38.
18. Кирпотин В. Я. У истоков Романа-трагедии. Достоевский – Пушкин – Гоголь // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. М.: Советский писатель, 1971. С. 9–86.
19. Лепахин В. Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот») // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 237–263.
20. Лунде И. От идеи к идеалу – об одном символе в романе Достоевского «Подросток» // Евангельский текст в русской литературе XVI–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 2. С. 416–423.
21. Марченко Е. И. «Странная картина» Ганса Гольбейна Младшего в романе Ф. Достоевского «Идиот» // Стил – образ – время: проблемы истории и теории искусства. М., 1991. С. 93–118.
22. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. 588 с.
23. Пантелей И. «Мертвый Христос» у Ф. М. Достоевского и Ф. Сологуба // Новая Европа. 1996. № 9. С. 73–80.
24. Перлина Н. Переосмысливая Юность // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. Коломна: КГПИ, 2003. С. 122–136.
25. Порошенков Е. П. Тема «случайного семейства» в романах Л. Толстого «Анна Каренина» и Ф. Достоевского «Подросток» // Толстовский сборник. Тула: ТГПИ, 1973. Вып. 5. С. 140–149.
26. Соломина Н. Н. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 9. С. 385–404, 427–469.
27. Степанова Г. В. «Скверный анекдот» (Достоевский и Гоголь) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 166–169.
28. Степанян К. Гоголь и Достоевский: диалоги на границе художественности // Степанян К. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. С. 55–70.
29. Тарасова Н. А. Условные знаки Достоевского. (На материале записных тетрадей 1875–1876 и 1876–1877 гг.) // Достоевский и мировая культура / Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. Комиссия по изучению творчества Достоевского. СПб.; М.: Серебряный век, 2004. № 20. С. 375–394.
30. Тарасова Н. А. Текстологические аспекты исследования «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (1876 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 4 (41). С. 109–114.
31. Тарасова Н. А. Значение заглавной буквы в наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека» («Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 год) // Русская литература. 2007. № 1. С. 153–165.
32. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 193–258.
33. Фридлендер Г. М. Достоевский и Гоголь // Достоевский: Материалы и исследования / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 3–21.
34. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель – МИФ – АСТ, 2001. 576 с.
35. Якубович И. Д. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 17. С. 393–426.
36. Meerson O. Ivolgin and Holbein: Non-Christ Risen Vs. Christ Non-Risen // Slavic and East European Journal. 1995. 39. 2. P. 200–213.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ИВАНОВА

младший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

ili@krc.karelia.ru

**КРЕЩЕНСКАЯ БАБА: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ
И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ АСПЕКТАХ ОБРАЗА
(по материалам севернокарельской мифологической прозы)**

В статье рассмотрен один из стадиально самых древних мифологических образов, бытующих только на севере Карелии. Проанализированы функции, внешность, время и место появления Крещенской бабы. Этот персонаж особым образом маркирует временные и пространственные аспекты самого сакрального периода в году, святочного, когда в лиминальном положении оказывался не только субъект действия, человек, но и время, и локус.

Ключевые слова: Северная Карелия, Крещенская баба, Святки, судьба, оберег

Мифологическая проза в настоящее время является наиболее активно бытующим жанром карельского фольклора. Карелы охотно повествуют о духах – хозяевах природных стихий (леса, воды, земли), крестьянской усадьбы (дома, хлева, бани), различных болезней. Большое количество быличек посвящено и двум святочным персонажам: у южных карелов это Syndy, а у северных – Vierissän akka. И вместе с тем эти образы остаются самыми таинственными и малоизученными. Они в чем-то похожи между собой: оба являются персонификаторами времени, предсказателями человеческой судьбы. И тот, и другой образ связан с почитанием рода: в южнокарельском персонаже ярко прослеживается культ предков, а севернокарельский образ олицетворяет поклонение прародительнице всего живого Матери вод (Wedhen Eme у М. Агриколы). По всей видимости, их можно поставить в одну параллель (именно параллель, а не ряд, так как различия очевидны) с русскими Святке и шуликунами, с немецкими «Диким охотником», Хак-

кельбергом и фрау Холле, австрийской Перхтой, с итальянской феей Бетраной и французским Пер Ноэлем. Четыре последних образа уже, конечно, очень близки к охристианизированным персонажам Санта-Клауса (св. Николая), св. Люции, св. Мартина. Но хотя они выступают в основном в качестве дарителей для детей, в них, как и в самых древних образах, присутствуют и положительные, и отрицательные черты.

В конце XIX века мифологические рассказы о нечистой силе в Петрозаводском уезде собирал А. Георгиевский. Вот что он писал о Святке: «Между всей этой чертовщиной есть еще нечистый дух, это Святке. Появляется он на второй день Рождества Христова, а в крещенский сочельник после вечерни его уже нет на земле. Этот может и добро делать, но больше делает добра по своей оплошности, и может вред принести человеку, по оплошности человека. Он может превращаться в человека, даже может быть его двойником, принимает иногда вид животных. Про него существует много рассказов,

но прежде должен сказать, что он не может даже перешагнуть черты на снегу и полу, проведенной чем-либо железным. Ходя в Святки слушать, делают около себя круг, на несколько сажен в диаметре, проводя, чертя чем-либо железным, тогда Святке ходит около черты, а в круг пойти не может» [2; 61].

Карельские мифологические образы *Syndy* и *Vierissän akka* хотя и схожи со всеми этими святочными образами, распространенными по всей Европе, но все-таки занимают несколько иную нишу в народном представлении и сохранили в себе весьма глубокую архаику. Сразу хотелось бы остановиться на правильном толковании и переводе слов *Vierissän akka* и *Vierissän keski*. Он важен не только в языковом, но и в этнографическом, и даже шире – в ментальном отношении. Обычно их переводят, ориентируясь на русский язык, как Святочная баба и Святки. Это не совсем верно. *Vierissän keski* (*Vierissä*, *Vieristä*, *Vieristy*), безусловно, было для карелов, как и для русских, священным, сакральным временем года. Но в обоих этих карельских названиях подчеркивается как бы приоритет Крещения перед Рождеством. *Vieristy* – это Крещение, следовательно, *Vierissän akka* – это Крещенская баба, а *Vierissän keski* – это крещенский промежуток. То есть карелы, восприняв многие православные обряды путем наложения на древние языческие, тем самым подчеркнули большую для них значимость Крещения. Рождество – это день рождения Иисуса, день, в который Бог отправил на землю Спасителя. Божий Сын своим рождением, а затем мученической смертью взял на себя все грехи людей, поверивших в него. Древним карелам было трудно это понять, так как они привыкли заслуживать отпущение грехов у своих многочисленных богов различными жертвоприношениями и магическими обрядами. В спасение таким простым способом, просто через веру, поверить было трудно. Гораздо более близким и понятным оказался обряд водного крещения. В первых, сам обряд омовения – очищения водой – уходит корнями в язычество. Об этом пишет автор Густынской летописи, сообщая, что до сих пор продолжают поклоняться языческим богам: Хорсу, Дажбогу, Стрибогу, Семарглу (которых он называет бесами): «...в день пресветлого Воскресения Христова, собравшиеся юнии и играюще, вметаю человека въ воду, и бывает иногда действием техъ боговъ, си есть бесовъ, яко вметаемый во воду или о дерево или о камень въ воде разбиваются и умирают, или утопают; по иных же странах не вкидаютъ въ воду, но томо водою обливають, но единаче тому же бесу жертву сотворяють» [9; 116]. Те же языческие летние Святки, время разгула, предания греху, «купальские ночи», заканчивались всеобщим купанием. А после принятия христианства зимой, в самые лютые крещенские морозы, 19 января, в последний день пребывания *Vierissän akka* на земле, у карелов этот обряд осуществ-

лялся прямо в проруби, для чего нужно было проявить личное мужество и продемонстрировать перед Богом большое желание смыть с себя грехи. Назывался он «*kävvä Jordanah*» («ходить на Иордан»). Человек прыгал в прорубь, освященную служителем веры, а потом прямо в рубашке или ферези мокрый бежал звонить в церковные колокола (безусловно, это уже влияние библейского сюжета о крещении в р. Иордан, в том числе Иисуса Христа). И название самого праздника произошло от слов *Vezi ristu*, *vein ristu*, то есть крещение, освящение воды (букв. «водный крест»).

Таким образом, уже в терминах, связанных со Святками (*Vierissän akka*, *Vierissän keski*), у карелов на первый план выходит обряд освобождения человека от годовых грехов.

Святки (это период с Рождества, 7 января, до Крещения, 19 января) – совершенно особый, самый главный праздник годового цикла. Как пишет В. Н. Топоров, «это состояние, когда время останавливается, когда его нет... Старый мир, старое время, старый человек “износились”, и их ожидает распад, смерть... В таких условиях спасти положение может лишь чудо, равное чуду первотворения, когда хаос был побежден и установилась космическая организация. Нужно идеально точное воспроизведение прецедента, того, что имело место “в начале”, “в первый раз”... Для этого... требуется определить то место и время, где состоится воспроизведение прецедента» [12; 330]. Именно это ритуальное действо и происходит в сакральное время (Святки, полночь) и в сакральном месте (перекресток, прорубь). Закрепляется все магией чисел, которым придавалось сверхъестественное, «космизирующее» значение. «Числа становились образом мира и отсюда – средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [12; 629]. Для того чтобы пойти слушать Крещенскую бабу, требовалось не менее трех или пяти человек, их количество обязательно должно было быть нечетным. Вокруг слушающих трижды чертили круг (всегда по солнцу или дважды по солнцу и один против). Подчеркивало и увеличивало символичность цифр произнесение магического стиха-формулы «Что одно?» («*Mikä yksi?*»), в котором персонифицируется и одновременно продуцируется новое сотворение макрокосма (Млечный Путь), первопредметов и микрокосма (человек).

Персонаж Крещенской бабы, бытующий на севере Карелии, видимо, сохранил более архаичные черты, чем южнокарельский Сюдю. Уже из названия *Vierissän akka* видно, что это женский образ. Вероятно, это всевидящее и всезнающее существо когда-то олицетворяло мифическую прародительницу, покровительницу рода. Ведь, с одной стороны, «женское начало» сопоставляется с природой, приравняется к ее

производительным и творческим силам, оно представляется воплощением жизненной энергии и идеи плодородия. С другой стороны, та же Vierissän akka порой воспринимается как нечистая сила, причиняющая зло человеку. Как пишет Х. А. Хаберкирова, издревле многие женские мифологические персонажи «представляли покровительницами плодородия. В последующие эпохи эти образы переосмыслились и получили негативную окраску. Причин этому несколько: рост рационального знания о природе и человеке; развитие культуры; “выветривание веры” (выражение Б. А. Рыбакова) в магическую силу женщин; формирование пантеона мужских божеств; развитие монотеистической религии; изменение социальных отношений в обществе и снижение статуса женщины» [13; 94]. По всей видимости, произошло наложение на древний языческий персонаж новых христианских воззрений. Об этом говорит уже и название бабы – «Vieristän», то есть Крещенская баба. И постепенно сакральная прародительница, покровительница рода превратилась в опасную силу, враждебную людям, но еще сохраняющую некоторые свои позитивные черты. Vilno Jurinoja, родившийся в 1901 году в д. Akonlahti, пишет, что Vierissänakka – это «yliluonnollinen näkymätön henki»; «pelättävä, vihainen henki» (сверхъестественный, невидимый дух; устрашающий злой дух) [15; 124–125].

Из мифологических рассказов видно, что в последнее время Vierissän akka чаще всего представляют как хозяйку воды, водяного и так же называют: «Häneltä kysytäh, vedehizeltä. A hän ei ni mitä virkka, ei ni mitä» – «У него спрашивают, у водяного. А он ничего не отвечает, ничего» (Фон. 1547/3)¹. «Siitä hiän poušou šieltä, še vienemäntä muka poušou» – «Потом она поднимается оттуда, это хозяйка воды якобы поднимается» (Фон. 1701/1). «Vanha rahvas kertoi, jotta se vetehini muka poušou sieltä, jotta se noštau vejen» – «Старики рассказывали, что это водяной якобы оттуда поднимается, что это он воду поднимает» (Фон. 2213/11). «Kuuntelomašša kun käytih niin šanottih, jotta sielä avannošša on Vierissänakka. Mie en käynyn ni konša. Käytih tytöt ja pojat, šanottih jotta sielä vetehini on avanošša» – «Когда слушать ходили, то говорили, что там в проруби есть Крещенская баба. Я никогда не ходила. Ходили девушки да парни, говорили, что там, в проруби, есть водяной» (Фон. 2929/9). Здесь можно сравнить карельскую Крещенскую бабу с ву-муртом (водяным человеком) вотяков, который «выходит из воды около Рождества, готовый напасть на человека, но становится опять безвредным в Крещение, когда совершаются его прорывы» [8; 221].

В нескольких быличках Vierissän akka мыслится как совершенно враждебное человеку существо и вследствие влияния православия называется чертом, бесом, «плохой половиной». «Kun lehmän nahkalla yhet ištuuvuttih kuuntelo-

mah ta se jäi ulkošella puolella kierroksen häntä. Häntä ei kieretty. Biessa veti šinne koškeh, juuri ei, hyvä kun hypättih» – «Когда одни на коровью шкуру сели слушать, а он остался за кругом, хвост. Хвост не обвели кругом. Бес утащил туда, к водопаду. Чуть не унес! Хорошо, что выпрыгнули» (Фон. 1595/4). «Totta se oli niistä, kun piruo piti varata, ei pitän ni kunnepäin kačču» – «Видимо, в этом было что-то, потому что черта надо было бояться, нельзя было смотреть никуда» (Фон. 2213/11).

Подчас даже внутри одного мифологического рассказа Vierissän akka называется и водяным, и чертом. Это опять же, видимо, более позднее наложение, когда уже на смену вере в силу природных стихий пришло христианство с четким противопоставлением Единого Бога Отца, Сына и Духа многочисленному пантеону различных духов-покровителей, свергнутых вместе с Люцифером.

Иногда из сюжета былички трудно понять, олицетворяется ли сама Vierissän akka с чертом или он только приходит ей на помощь в случае нарушения слушающими каких-либо правил. В одном из рассказов это существо прямо названо «praka» («враг») и живет оно в лесу, то есть в локусе, чуждом для человека, по существу, в ином мире. «A viijes henki sillä sie pitäy olla, jotta sanotah siitä “praka” ottau, jos vain ei ole liikoja henkijä. – Kembä se on se praka? – Ka mihin mečässä kuutiessiuu ta tulou ta ottau» – «...там пятый человек должен быть, иначе, говорят, “враг” возьмет, если нет лишнего человека. – А кто это, враг этот? – Дак который в лесу чудится, придет и возьмет» (Фон. 2219/25).

К примеру, когда тихвинские карелы в Святки ходили «слушать», они прямо вызывали чертей: «Ходили мы и на развилок дорог слушать. Возьмем заболонную лучину, этой заболонной лучиной проведем круговую черту и скажем: “Черти, явитесь! Черти, явитесь!” Это чтобы черти пришли в этот круг... Их так много пришло туда, что изо рта огонь, так изо рта огнем и пышет, да бегут...» [10; 206–207].

В качестве самой поздней версии можно представить вариант, в котором старообрядцы рассказывают, что детей пугали уже не Крещенской бабой, а Крещенской свиньей (Vierissän sika). Это уже, видимо, влияние библейского сюжета, где Иисус выгоняет нечистых духов из бесноватого в свиней (поэтому свинина у многих народов считается «грязным», оскверненным мясом). Крещенская свинья, как и «враг», приходит из леса². «Vierissän keškie piettiin. Vierissän šikua meilä straššaitih, što... Vierissän šika. Ei akka! Šika!.. En tiija, kuin še sanuo, mi še on... No štop lapšet varattais. Vierissän aikana še... Mistä še tuli, šinne i šai... Ei šanottu, mistä tuli. Mečäštä! Mečäštä naverno» – «Святки отмечали. Святочной свиньей нас пугали. Святочная свинья. Не баба! Свинья! Не знаю, как сказать, что это. Ну, чтобы дети боялись. Это во время Свя-

ток... Откуда она приходила, туда и уходила... Не говорили, откуда приходила. Из лесу! Из лесу, наверно» (Фон. 3485/16).

Основным местом обитания Vierissän akka является прорубь. Именно сюда чаще всего приходят в Святки парни и девушки, чтобы услышать ее предсказания. В промежутке с Рождества до Крещения Vierissän akka вместе с поднимающейся водой выходит из проруби, общается со «слушающими» и наказывает тех, кто не соблюдает все тонкости обряда.

В одном из текстов сообщается, что накануне Крещения надо сделать крест на краю проруби, чтобы Vierissän akka могла выйти оттуда. «Se kun oli Vierissänkeški, kakši netälie, myö käymmä aina kuuntelomah Vierissän akkua... Siitä kun tuli Vierissän vaššen še yö, šiitä šaoptti pitäy männä avannoilla, luatie Vierissänristi. Vierissänristi luatie – niin kuin tämän pituus päre panna, niin kuin rississä näin, kaksi. Šiitä panna kukkie šiһ rištih, kaunehie kukkie šinne rissin piäh, siitä panna še avannon laijalla. Jotta šiitä muka Vierissän akka hyppyäy avannošta, šen rissin nenäh ta šiitä mänöy jo pois, jo loppuu še hänellä oloaika, kun še Vierissänkeški loppuu» – «Когда были Святки, две недели, мы всегда ходили Крещенскую бабу слушать... А как наступала ночь перед Крещением, тогда, говорили, надо идти на прорубь, сделать Крещенский крест. Крещенский крест сделать – вот такой длины лучину поставить и положить крест-накрест так, две. Потом положить цветов на этот крест, красивых цветов поверх креста, и поставить его на край проруби. И вот так Крещенская баба выпрыгнет из проруби на верхушку креста. А потом она уже уходит прочь, уже заканчивается время ее пребывания, когда эти Святки заканчиваются» (Фон. 3350/11). Такие варианты наполнены более поздними во временном отношении деталями, привнесенными православием. Это и крест, сделанный из лучины и украшенный цветами, и ограничение времени пребывания в проруби Крещенской бабы только от Рождества до Крещения, и ее уход то ли в небо (где живет Бог), то ли в лес (где обитает «враг» человека черт).

Интересен сюжет, в котором рассказывается о том, что Vierissän akka можно повстречать и летом, в промежутке от Петрова до Ильина дня, в летние Святки. «Viirissän akka – še, šanotah, vienemäntä on. Vetehini še on. Miän kylaššä oli järveššä, še näky Petrun päivän ta Illän päivän välillä. Ftorovo avgusta on Il'än päivä. No šillä välillä hiän oikein eli. Se niin savautteli!» – «Крещенская баба – это, говорят, хозяйка воды. Это водяная. В нашей деревне была в озере, она показывалась в промежутке между Петровым и Ильиным днями. Второго августа Ильин день. Но в этот промежуток она активно жила. Она так плескалась!» (Фон. 3055/16–19).

Примечательно, что в этом сюжете Vierissän akka мыслится как хозяйка воды, соответственно и видят ее в таких же обстоятельствах. Однажды

она попадает в тоню во время рыбалки и с бурлением уплывает из нее. В другой раз, в 1918–1920 годах, ее пытались поймать финны в Рувозере, они видели ее в образе черной женщины, расчесывающей волосы, которые сопоставляются с водяным червем, живущим в озере. «Se nousi – niin kun kontie mečässä kävelöy. Nousi ta ustuutuu rannalla, a kontiella ei ole piässä hivuksie. A tällä on hivukset. Ne suomelaset šanottih – istuu niin kun čelovekka, niin kun jouhimavot, kun ollah viešša – ne hänen hivukset. Hän še puskaiččov nyt Petrun päivän ta Il'an välillä. Sillä välillä i niitä on meilä, kun kiviköt rannat Puvassa oli ennen (a nyt kun on meijän derevn'a vien alla) no niin niitä oli rannat täyvet – vihkoutuu semmoset tukut šiitä hivušta... Ne hivušta laškou äijän nyt Pedrun päivän da Illän päivän välillä missä hän on. A talvella ei pouše, kun ei ken nošša» – «Она поднялась, как медведь в лесу ходит. Поднялась и села на берегу. Но у медведя нет волос на голове, а у этого волосы. Те финны говорили: сидит, как человек, и как волосатики (водяные черви. – Л. И.), которые в воде, – это его волосы. Она их выпускает в промежутке от Петрова до Ильина дня. В этот промежуток они есть у нас, ведь в Руве раньше каменистые берега были (сейчас-то наша деревня под водой), и вот их полные берега были, свиваются в такие кучи, эти волосатики... Этих волос она много выпускает, в промежуток от Петрова до Ильина дня, там, где она есть. А зимой она не поднимается, если только кто поднимает» (Фон. 3055/16–19).

В образе хозяйки воды изредка ее можно увидеть и весной. «Vierisänakasta mie sita sanon, että kun matkasimma nuotalta huomenekšella, matkasimma sieltä kymmenen kilometrin piästä, viruu, ajattelou, sielä rannassa. – Oliko se talvella vain kesällä? – Keviällä. Hän istuu siitä rannalla, piätäh suviksentelou, niin suusta... Siitä istu, istu niin kuin čeloviekka rovno. A myö totta: ken se näin aivoin liikkeheššä? Mänemmä oikein läššä, mänemmä, melkein tuon koulun ojan luokse. Vielä lähemmäksi, kuin laskou? Kačco, kačco da sylkie rävähytti. Da kun veteh pulškahti! Siitä kun läksi uallottomah, kačomma, što kuatau meila venehen! Siitä kun läksi mänömäh, niin mäne pois tieltä!» – «О Крещенская баба, я то расскажу, что мы возвращались с рыбалки утром. Проехали около десяти километров: лежит, думает, там на берегу. – Это было зимой или летом? – Весной. Она сидит там на берегу, волосы расчесывает. Сидит, сидит, ну как человек. А мы, правда: кто это так рано здесь? Подплываем совсем близко, почти как к ручью у школы подошли. Еще ближе, раз подпускает! Смотрела, смотрела, да как плюнет, да как в воду плюхнется! И как пошли волны! Смотрим: вот-вот перевернет у нас лодку! Потом как пошла, только с дороги уходит!» (Фон. 2511/13–14).

Vierissän akka в образе хозяйки воды может мстить за своего ребенка, пойманного людьми. «A kun tuossa Nil'malahessa kävimmä yhtä akkua,

naista, kun ku oli rodn'a, niin kun siinä oli nellä ristipuuta. Myö sanomma: "Yhtä aikuako ne on kuoltu?" Hyö sanotah, jottā yhtä aikua. Kevyällä vetäy apajat, apajah tuli sen äpäreh, sen emännän äpäreh. No siitä otetah se äpäreh sihi, jotta ottua pitäy – se naini. A yksi naini sanou, jotta elkä myö häntä ottakka että paha se tulou. A se räkisöy, niin pahua čorkattau, niin kuin omah mallih. Siitä kun alkau niitä venehie uallottua. Se muamo. Da jarveh šuatettih. Siitä veneyvyttih muata päivällä, ni sano, unissah nähäh ne naiset: "Ottija miulta äpärehen, a mie teiltä otan kolme". No i niin syksyillä lahettih marjah, ni siinä kun on kivi kohassa, ni siina kuavuttih ne kolme, sihi kaikkien naisien, a yhen naisen sihi jatti, se kun sano: "Elkyä ottakka!" Niitä jo ihan selvä, että niitä on! Sita elkäh sanokah, että ei ole, ne ollah kun čeloviekat" – «А как там, в Нильмагубе, мы ходили к одной женщине-родственнице, там четыре креста было. Мы говорим: "В одно время умерли?" Они говорят, что одновременно. Весной, когда вытаскивали невод, попался ребенок, ребенок этот хозяйки. Тогда берут они этого ребенка: "Взять надо!" – говорит женщина. А другая говорит, что давайте не будем брать, а то беда будет. А тот урчит, так по-плохому верещит, на свой лад. Тогда как начало лодку волной раскачивать. Это мать. И выпустили в озеро. Потом легли спать днем и, говорит, видят во сне эти женщины: "Вы взяли у меня ребенка, а я у вас троих возьму!" И вот они осенью поехали за ягодами, и вот там камень на пути, вот там перевернулись те трое детей, а одной женщины ребенка оставила, той, которая говорила: "Не берите!" Они есть, на самом деле, они есть! Пусть не говорят, что нет, они как люди!» (Фон. 2511/13–14).

В одной из быличек говорится, что Крещенская баба может пнуть гадающих «мерзлым сапогом» «kulmallä kenkällä» (Фон 2648/17, 2648/25). Упоминания, что Vierissän akka и Synđu ходят в «замерзших сапогах», встречается довольно часто [4; 140–142].

То, что Крещенскую бабу иногда представляли в антропоморфном виде, подтверждает и до сих пор сохранившаяся в карельской деревне негативная оценка неряшливо одетой, растрепанной женщины. «"Huvä olet Vierissän akka!" – hot ketä niin šanotah, ken on pahoin šuorintun, semmoni on. Viela ki nyt šanotah: "Tuo matkuan Vierissän akka"... Tatta še on ollun Vierissän akkana!" – «"Хорошая ты, Крещенская баба!" – хоть кому так говорят, кто плохо одет, такой. Еще и сейчас говорят: "Там идет Крещенская баба!" Точно, она была во время Святки!» (Фон. 3476/15–16).

Таким образом, самый древний сохранившийся пласт верований представляет Vierissän akka как женщину, живущую в воде. Изначально это, видимо, хозяйка воды, возможен даже перевод Vienemä как Мать воды («emä» в том числе значит «мать»), то есть Божество воды. Первоначально с ней можно было общаться круглый

год (для сравнения: в причитаниях, и особенно в заговорах, то есть наиболее древних жанрах, вода видится не только как ежедневно открытый путь прибытия в загробный мир, но и как постоянно доступное средство передачи информации умершим от живущих: «Puhtas vezi-vedyt, vie vieštizet...» – «Чистая вода-водица, отнеси весточки...»).

Позже, видимо, в результате христианизации, когда статус всех божеств – хозяев – духов природных стихий был снижен, низведен до отрицательного уровня, противопоставляемого триединому Богу, время общения, в том числе с Vierissän akka, было сокращено до летних и зимних Святки, сакральных времен года, когда на свободу выходит вся нечистая сила.

Подавляющее большинство сюжетов, дошедших до наших дней, соотносит Крещенскую бабу только с зимними Святками, с временем двух самых главных христианских праздников – Рождеством и Крещением. Ее охристианизированное имя связано с крещением воды, с ее освящением (здесь, возможно, видны корни ее былой глубокой почитаемости – ведь известно, что православная церковь пыталась смягчить переход от политеизма к монотеизму, заменяя почитание духов-божеств почитанием христианских святых).

В темпоральном отношении к более поздним, видимо, можно отнести не только те сюжеты, в которых присутствует крест, по которому Vierissän akka поднимается из проруби (Фон. 3350/11), но и те, в которых говорится, что она приходит из леса как «враг» человека (Фон. 3485/16), а особенно те, где она спускается (Фон. 2649/14) или поднимается в небо (Фон. 3476/15–16). И в то же время крест, в Святки стоящий на краю проруби, можно соотнести с архаическим мифологическим образом мирового древа: под ним вода, нижний мир, вверху – небо, а сам он, украшенный цветами, символизирует «свой», человеческий, мир. И Крещенская баба, выходя в мир человека, поднимается именно на этот крест.

В некоторых сюжетах говорится о том, что у Крещенской бабы есть собачка (постоянный спутник южнокарельского святочного персонажа Сюндю), которая во время святочного гадания свои лапы показывает парням (девушкам) направление, в котором они женятся (выйдут замуж). «A hänellä on vielä pikkaraini koiru. Še koiru šiiit, mistäpäin ruvennou haukkumah, šinnerpäin myö šiiit naimisih mänemmä» – «А у нее еще есть маленькая собачка. Эта собачка, с какой стороны будет лаять, в той стороне мы и женимся» (Фон 3350/11).

В севернокарельской традиции чаще отмечается наличие у Vierissän akka коней, которые также предсказывают будущее тех или иных людей. Вильхо Юриной вспоминает о своем односельчанине Филиппе (Hilipra), который пошел на лыжах из Шапповаары домой. «И вот, когда он подходил к Лехтониemi, вдруг со стороны Кованиemi на лед выскочила сначала одна ло-

шадь, потом вторая, третья, четвертая! И как начали резвиться по льду, только снег столбом в воздухе стоит, и – пропали! Потом из Кованиеми повалил народ – черно! Плачут, кричат на разные лады! И снова – все пропали! Филипп никогда еще так не пугался, но все равно пошел в ту сторону посмотреть на следы – ничего, «даже мышка не пробегала»! А дед Емельян (Omeli) дома уже разгадал это видение: через четыре года какая-то беда для народа будет, может, голод, может, всем предстоит дальняя дорога» [15; 123–124]. Присутствие коней (как и собачки) рядом с образом Крещенской бабы еще раз указывает на то, что она воспринималась не просто как существо из иного мира, но и как древняя прародительница. В. И. Мансикка пишет, что «верования, по которым смерть или обиженные души умерших разъезжают на конях и поражают людей разными болезнями, встречаются и у других народов. Согласно древнегерманским воззрениям, смерть скачет на коне. От Хель, которая во время чумы скачет на трехногом коне, древние скандинавы пытались откупиться овсом» [9; 104]. В вепсской мифологии лошадь рассматривалась как перевозчик души умершего, особенно мужчины, в иной мир; ей приписывался дар предсказания [1; 271, 275]. А вообще конь – это спутник многих верховных языческих божеств: в колеснице, запряженной лучшими лошадьми, скачут и греческий Зевс, и славянский Перун, и хеттский Пирва.

Основной целью общения с Vierissän akka было стремление узнать грядущие события. Но, как пишет V. Jurinoja, ее слышат только редкие и избранные («vain harvat ja valitut senkuulevat»).

Иногда, в более ранних записях, она предсказывала будущее людей сама, не дожидаясь обращения к ней человека. Это проиллюстрировано в предыдущем примере. Тот же дед Емельян рассказывал, что пошел несколько лет назад в Святки на улицу. Была полночь. Вдруг слышит: в риге Ховатта доски строгают. Через несколько дней деда позвали для Ховатта гроб делать [15; 123].

В последние десятилетия былички повествуют о том, что Vierissän akka предсказывает будущее только в том случае, когда намеренно идут общаться с ней, «слушать» ее. Делается это именно в Святки, во-первых, потому что это самое сакральное, пороговое время года, а во-вторых, это самое тихое время, когда и животные закрыты в хлевах, и народ ходит мало. Предпочтительнее «слушать» в полночь, а иногда – под утро.

Чаще всего это делают на основном месте обитания Vierissän akka – у проруби (Фон. 1547/3, 1595/4, 1598/8, 1701/1, 2213/11, 2219/23, 2511/13–14, 2547/1, 2547/20, 2606/20, 2731/3, 2927/15, 3227/17–18, 3350/11). При этом надо соблюсти твердо установленный ряд строгих правил. На проруби никогда не ходят слушать поодиночке, чаще всего по три или пять человек

(на севере, в отличие от Южной Карелии, это могли быть не только девушки, но и парни); обязательно должно быть нечетное количество людей (как говорят рассказчики, «liika henki», то есть «лишний человек») (Фон. 2219/23, 2610/2, 3055/16–19). Непременным было присутствие «saattaja», то есть «отводящего», который совершит все обрядовые действия.

«Отводящий» приводит к проруби нечетное количество слушающих, расстилает на снеге невыделанную шкуру яловой коровы, на которую все садятся. Сверху накрывает большой полостью из овечьих шкур, чтобы все были плотно закрыты. Затем «отводящий» обводит острым железным лезвием (чаще всего это топор или нож) слушающих два раза по солнцу и один раз против (направление может варьироваться, но трехкратность обвода неперенна), все время читая при этом «умилюющие заговоры» (koko aijan lepytys loitsuja lukien). Уходит он спиной вперед и запечатывает следы печной заслонкой. После этого все в порядке: может начать слышаться.

Здесь следует отметить несколько моментов. Первый, что шкура должна быть обязательно невыделанной и от яловой, то есть неоплодотворенной, коровы. Тем самым как бы подчеркивается чистота, безгрешность, непорочность, а вместе с тем, природная естественность вещи, которая служит оберегом для «слушающих». Второе, что необходимо, – обвести трехкратный магический круг и вербально (читая заговоры), и реально (по снегу). О магическом круге (железной изгороди), который строится вокруг дома в Святки в процессе рассказывания сказок с целью предотвратить проникновение в него Vierissän akka и других нечистых духов, писала Н. А. Лавонен [7; 22–24]. Круг этот обводится чем-то острым и железным (топором, ножом), что могло служить оберегом, например, от проникновения в дом злых духов (такой металлический предмет втыкали в дверную притолоку, клали под постель младенца и т. д.). Позже круг этот могли обводить уже иконой или просто брали ее с собой как защиту от нечистой силы, дарованную Богом (Фон. 1595/4, 1701/1, 1702/17, 2219/23, 2648/25). Третье, что «отводящий» уходит, запечатывая свои следы печной заслонкой. В данном случае важно, что он не просто замечает, уничтожает следы, а делает это с помощью печной заслонки. Точно так же иногда магический круг обводят сговорником (особенно часто на юге). Все это вещи, имеющие отношение к дому и очагу, к культу огня и умерших предков (под печью мог жить домовый, под ней в древности хоронили своих умерших родичей). В данном случае вещи, сопричастные стихии огня, покровителям домашнего очага, могли выступать как защитники от нечистой силы. И четвертое: в процессе гадания «отводящий» должен все время читать особые заговоры (или в последних записях – молитвы). Таким образом,

древнее слово «logos», которое было еще до сотворения мира, тоже выступает как оберег.

В процессе гадания, что бы ни случилось, нельзя двигаться. Чаще всего из проруби начинает подниматься вода, вместе с ней как бы выходит Vierissän akka. В более поздних быличках «слушающие» садятся уже не на шкуру, постеленную на снег, а на сани, иногда даже на двоетрое саней, поставленных друг на друга. И это неслучайно. В. И. Мансикка, изучая древнерусские летописи, обратил внимание, что русичи везли покойника к кладбищу на саних даже в летнее время. Так же и выражение в поучении Владимира Мономаха «сидя на саних» обыкновенно толкуется в смысле «при дверях гроба» [9; 102]. Таким образом, «слушающие», садясь на сани, тем самым старались, с одной стороны, приобщиться к миру мертвых и получить тайное знание о будущем; а с другой стороны, сани как предмет, связанный с миром мертвых, могли выступать как оберег, как средство помощи, которую стремились получить от первопредка. По всей видимости, тогда и сама Крещенская баба является пришельцей из потустороннего мира, которая по воде, если не подобно Харону доставляет умерших в новое царство, то, как в данном случае, приносит от них весть «слушающим».

Когда начинали уже непосредственно общаться с Крещенской бабой, необходимо было запомнить первое произнесенное слово, чтобы сказать его последним (Фон 1595/4). Тем, кто идет слушать на прорубь, следовало четко знать ответы на все десять магических вопросов, которые задает Vierissän akka: «Vierissän akka šiihi tulou, šiiitä kyšyy: “Mikä ykši?” Myö šanomma: “Minä tässä?”»

Mikä kakši? Šilmät piäššä.

Mikä kolme? Puašša jalkua.

Mikä n’ellä? Lehmän tissit.

Mikä viisi? Kiässä sormet.

Mikä kuuši? Reissä kaplašta.

Mikä seitsemen? Otavaššä tähtie.

Mikä kahekšan? Tynnyrissa vannehta.

Mikä yhekšan? Ihmisešša reikiä.

Mikä kymmenen? Kymmenen kynttä varpahissa». –

«Крещенская баба приходит туда, потом спрашивает: “Что одно?” Мы скажем: “Я здесь!”

Чего два? На лице глаза (букв.: на голове).

Чего три? У котла ножек.

Чего четыре? У коровы сосков.

Чего пять? На руке пальцев.

Чего шесть? В саних копыл.

Чего семь? В Медведице звезд.

Чего восемь? В кадушке обручей.

Чего девять? В человеке дырок.

Чего десять? Десять ногтей на пальцах ног» (Фон. 3350/11).

Иногда Крещенская баба задает вопрос: «Kallisko on česnokka kilo Vienašša?» – «Дорог ли килограмм чеснока в Беломорье?» (Фон. 2606/20).

Все слова надо было произносить без запинки, четко. Они, по мнению рассказчиков, не просто слова, а слова-творцы. «No Vierissän akkoa kuv varašima, se piti synti (=syntysanat) osata lukie. Joset osannut ni Vierissän akka vei!» – «Ну, раз Крещенскую бабу боялись, то надо бы заговор (=слова о рождении [творении]) суметь прочесть. Если не смог, то Крещенская баба утаскивала» [16; 582].

Этот тип гаданий, то есть «слушанье», иначе называется кледономантией. «Суть его, – по мнению Н. Ф. Сумцова, – заключается в том, что каждое слово, фраза, отдельное восклицание становится для слушателей кледоном, то есть между мыслью слушателя и словом говорящего, которые внешне никак не связаны, обнаруживается неожиданная семантическая связь» [5; 11].

Вторым по распространенности местом, где можно общаться с Vierissän akka, является перекресток трех дорог (Фон. 2927/15, 3055/16–19, 3227/17–18, 3476/15–16), сакральное пространство. На перекрестке слышны топот лошадей на дорогах мира, скрип саней, звон колокольчиков, покрики кучера. Все перестает слышаться так же внезапно, как и начинается. Тем самым Vierissän akka как бы показывает свою всеохватность и во временном, и в локальном пространстве. На перекрестке тоже надо сидеть на коровьей шкуре, плотно укрывшись, внутри магического круга.

Можно было слушать под окном хлева или бани (Фон. 3055/16–19), на пороге амбара или риги (Фон. 1547/3, 2511/13–14, 2927/15), у калитки (Фон. 3227/17–18), на крыльце сарая, у рога коровы (Фон. 2511/13–14), на задворках на только что подметенном (и принесенном в переднике) мусоре (Фон. 1547/3, 1595/4). Мотив гадания на жениха на куче мусора характерен и для баллад и свадебных песен: «...до восхода солнца девушка справляется со всеми домашними делами. Вынося мусор во двор, встает на мусорную кучу и слышит шум со стороны деревни, бряцанье сбруи» [11; 15]. Иногда он встречается и в эпических песнях:

Anni tyttö, aino tyttö

Nousi aioin huonteksella...

Pyhki pikku pirttisensa

Ul’os uksen, veräjän tookse

Seisattelih toppasille

Pakina kuului pajukoss

Hieno ääni heinikos

Kuului jury Jurkilas

(Munan matške Metsoilas)

(SKVR. O. II. 9. S. 55–56).

И только редкие смельчаки да сильные знахари могли слушать в самых тихих, таинственных местах: на кладбище, на крыльце часовни, у двери церкви. И уж в таких-то случаях обязательно должен быть «отводящий», который знает требуемые магические слова.

Крещенская баба может предсказать какие-то крупные события на длительный промежуток

времени (Фон. 1701/1, 3055/6–9): какой будет предстоящий год (Фон. 3227/17–18), предстоит ли свадьба у слушающего (Фон. 2219/23, 3350/11), а также смерть родственников (Фон. 1547/3, 2219/23, 3055/16–19).

Если, к примеру, слышен грохот грозы, плач детей и стон женщин, то значит, будут войны или какие-то большие потрясения. Если девушка слышит звон бубенчиков, то она еще до того, как растает снег, выйдет замуж. Если строгают доски, звонят колокола – кто-то из близких слушающего умрет еще до следующих Святков. Если на крыльце амбара или риги слышны звуки молотбы – будет урожайный год; если пересыпают зерно или глухо падают мешки – к заморозкам, неурожаю, голоду.

«И пока не прекратятся все звуки, ни в коем случае нельзя двигаться!» (Фон. 2213/11). «А уходить надо, не оглядываясь назад, чтобы ни чудилось за спиной!» (Фон. 1595/4). Этот мотив характерен как для греческой мифологии, так и для библейских рассказов. Достаточно вспомнить, как Орфей спускается в подземное царство мертвых и убеждает Аиду отпустить любимую, и только из-за нарушения единственного запрета (не оглядываться) она навеки остается под землей. А в Ветхом Завете ангелы, посланные Богом, уводят из Содома семью благочестивого Лота, и только его жена, оглянувшись на, пусть и порочный, но все же родной город, остается стоять соляным столпом.

Две опасности подстерегают слушающих во время гадания, если будет нарушено хотя бы одно из установленных обрядовых правил. Во-первых, *Vierissän akka* может погнаться следом за тем, кто двинется или не сможет ответить на вопросы, и попытаться отрезать голову, если на нее не успеют надеть горшок (Фон. 1547/3, 1701/1, 2219/23, 2511/13–14, 2606/20, 3055/6–9, 3055/16–19). Во-вторых, она может утащить за хвост шкуру, на которой сидят слушающие, если «отводящий» не придет на помощь (Фон. 1595/4, 1702/17, 2547/20, 3227/17–18).

«*Sattuu, kun še mainittih jotta erähät kun oli käyty šielä kuuntelomassa avannoilla, ta siela oli lehmän nahka suuri ta häntä jäi siitä lehmän nahkašta siitä kierroksen ulkopuolella, ei ni tullun šinne. Šiitä hän še vetehini kun nousi avannošta, šiitä hännästä veti ne koko kuuntelijajoukon šillä lehmän nahkalla, minne liennöy vienyn*» – «Случалось, об этом вспоминали, когда кто-то пошел слушать туда, на прорубь, а шкура коровы была большая, и хвост этой шкуры остался за кругом, не попал туда. Тогда как водяной этот поднялся из проруби, и за хвост потащил всю эту группу слушающих на этой коровьей шкуре, куда-то утащил» (Фон. 3227/17–18).

Vilho Jurinoja пишет в своих воспоминаниях о жительнице деревни, которая пошла слушать *Vierissän akka* на крыльцо риги. И вдруг в пустой риге заржал жеребец. Она так испугалась, что, не дослушав, вскочила и попыталась побежать домой. Но шкура яловой коровы не пускала ее,

и вдруг какая-то невидимая сила куда-то потащила. Дед Данила, который был «отводящим» этой женщины, почувствовал что-то неладное, поспешил к риге. «Он прочитал лучшие заговоры и спас женщину из беды. Крещенская баба начала тащить слушающую в Бесову глухомань, откуда бы она никогда обратно не вернулась» [15; 126].

«*A mie muissan sen vielä, kun olin pikkaraisena: niin sitä diädinkä oli sen muamo. Ni hän rupei striäppimäh, nin siitä työnsi lapset kuuntelomah... Kun kuuntelomah ruvettih, niin kun kierrettih, kun vesi nousi kolmannella kertua, ni se sen kera itse nousi, sen vien keralla... Vierissän akka. No ni kun ašetutah tullah, ni kun akka juoksou, puat piäh! Yhellä ei ehtin panna, nin piän leikkai... Ni kun niat sie!.. Puat ne männäh, jotta piät ne männäh. Ni kolme tytärtä jäi eloh, a nelläs mäni, ei kerinnyn šillä patua... Se on ihan tosi!*» – «А еще вот это помню, когда маленькая была: тетя, мать той девочки, она стала стряпать, а детей отправила слушать. Когда стали слушать, как обвели круг, когда вода поднялась в третий раз, и на этот раз сама поднялась с этой водой... Крещенская баба. Ну они как прибежали, остановились, женщина бегом – горшки на голову! Одной не успела надеть, той голову отрезало... Вот видишь как!.. Горшки те будто вместо голов. Трое дочерей осталось в живых, а четвертая погибла – не успела той горшок... Это истинная правда!» (Фон. 2511/13–14). Возможно, в данном случае горшок мыслится как маска, как способ обмануть Крещенскую бабу путем как бы перемещения детей в иной мир, в мир невидимых. К тому же это емкость именно для молока, которое воспринимается в мифологии как средоточие жизненной силы или души [6; 653]. Безусловно, соотносится горшок и с печью, с огнем, тем самым являясь эманацией домашних духов, тесно связанных с этим локусом и выступающих защитниками человека.

В исключительных случаях Крещенская баба делает большой подарок тому, кто не нарушит ни одного запрета: бросает прямо из проруби ключи. Если слушающий сумеет их поймать, то разбогатеет (Фон. 1702/17, 2602/20).

«*Männäh siitä avannolla, sanotah. jotta ei pie nimitä virkkua. Pannah čuna, pannah avannolla, jotta čunan piällä issutah. Kerran höyrähti vesi, toisen höyrähti vesi, kolmannen kun höyrahti – ta iče hyö juoksomah, a heilä ei olis pitän juošša. Yksi oli rampa tytär. Hyö lykätäh se rampa tytär jai kylkeh ta... Hiän avuamet šillä rammalla tyttärellä kun lykkäi kätieh, a iče juoksi... Avuamet, jotta totta se on bohassukse!..*» – «Пошли они к проруби, говорят, что надо молчать. Ставят сани, сани на прорубь, а сверху на сани садятся. Раз забурлила вода, второй забурлила, а третий раз как забурлила – они бежать, а бежать нельзя бы. Одна девушка была хромоножка. Они оттолкнули эту хромоу девушку в сторону... А та ключи этой хромой девушке как бросит в руки, а сама [сле-

дом за теми]. Ключи, наверняка, это к богатству!» (Фон. 2606/20).

Такое счастье постигает в быличках чаще всего именно увечных. Здесь трактовка может быть двойственной. С одной стороны, хромота – это признак «плохой половины» (как говорят карелы), то есть черта или лешего. Но с другой, по христианской традиции, все увечные (и физически, и душевно) считались особо любимыми Спасителем.

Образ, схожий с Vierissän akka, встречается в фольклоре лапландцев. Это Sild (Seld), хозяин проруби. Во время Святок, в «вечера Силда» («Sildin iltoina») его предсказания «слушали» на перекрестке трех дорог и «смотрели» на краю проруби. Он

мог дать богатство человеку, но мог и убить, если «слушающий» пускался бежать от страха [14; 558].

Таким образом, Крещенская баба персонифицирует собой наиболее сакральные промежутки как годового (Святки), так и суточного (полночь) цикла. Она является всемогущей вещью, предсказательницей человеческой судьбы, а иногда, в самые поворотные моменты, и ее вершительницей. Vierissän akka являет своим появлением вертикальность мифопоэтического мира, она представительница чаще нижнего, иногда верхнего, но всегда «иного» мира. Она посредник между человеком и «ее» миром, и их магическая встреча происходит только в самых сакральных местах (у проруби или на перекрестке).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указывается номер кассеты и записи в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН.

² Об этом подробно см.: [3; 135–140, 142–153].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном культе велсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
2. Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск: Губ. типография, 1902.
3. Конкка А. П. Святки в Панозеро, или Крещенская свинья // Панозеро. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 130–153.
4. Конкка А. П. Холодный башмак (kylmäkenkä) // Панозеро. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003.
5. Криничная Н. А. Домашний дух и святочные гадания. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 29 с.
6. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2005. 1006 с.
7. Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л.: Наука, 1977. 134 с.
8. Мансикка В. П. Из финской этнографической литературы. Петрозаводск: Тип. В. Д. Смирнова, 1917.
9. Мансикка В. И. Религия восточных славян. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 368 с.
10. Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 384 с.
11. Ремшуева Р. П. Карельская народная баллада и «Кантелетар» Элиаса Леннрота. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 111 с.
12. Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 329–331.
13. Хаберкирова Х. А. Природа и характер некоторых мифологических персонажей в эпосе и бытовой культуре черкесов // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 89–95.
14. Itkonen E. Lappalainen kansan runous. Suomen kirjallisuus. I. Keuruu, 1963.
15. Jurinoja V. Akonlahden arkea ja juhla. Turku, 1965.
16. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958.

УДК 398(47)

МАРИЯ ПАВЛОВНА КУНДОЗЕРОВА

аспирант, стажер-исследователь сектора фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
maria.vlasova@mail.ru

АНТРОПОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ В КАРЕЛЬСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Статья посвящена рассмотрению антропоморфной модели Вселенной в карельских эпических песнях на сюжет о сотворении мира. Выявляется переплетение двух представлений: о зооморфной (орнитоморфной) и антропоморфной моделях.

Ключевые слова: зооморфная модель Вселенной, антропоморфная модель Вселенной, мотив формирования морского дна, отождествление колена Вайнямейнена с кочкой либо островом, сотворение первочеловека, смерть Вайнямейнена

Карельская картина мира основывается на представлении о том, что мироздание возникло из частей яйца, снесенного птицей-демиургом посреди первозданного океана на колено Вайнямейнена, кочку либо остров. В силу разных причин яйцо попадает в воду и распадается на части, из которых образуются земля, небо и небесные светила. Согласно концепции Н. А. Криничной, «такое яйцо (по сути, сама водоплавающая птица) в космогонических мифах служит исходным “материалом” для первотворения. Подобного рода “птичьи” образы – отголоски древних космологических представлений, связанных с зооморфной (а в данном случае – с орнитоморфной) моделью Вселенной» [1; 157]. Зооморфная модель, а именно мотив сотворения мира из яйца, отражается в мифологических традициях других финно-угорских народов, в том числе коми, саамской, финской, ижорской, эстонской мифологиях.

Отметим, что в русской мифологической традиции некогда бытовавший миф о сотворении мира из яйца по мере того, как в него пере-

ставали верить, все более удалялся в область художественного вымысла, пока и вовсе не перебазиривался в сказку. Зато так и не изжила себя до конца более поздняя, антропоморфная модель Вселенной. Она сохранилась главным образом в духовном стихе о Голубиной книге, согласно которому компоненты космоса образуются от частей тела Иисуса Христа, а также от некоторых материализованных абстрактных категорий, маркированных именем Христа: *солнце красное* – от Божьего лица, *млад светел месяц* – от его груди, *звезды частые* – от Божьих риз, *ночи темные* – от Господних дум, *зори утренние* – от его очей, *ветры буйные* – от Святого Духа, *белый вольный свет* – от Суда Божия [1; 158]. Так возникает антропоморфизированная модель Вселенной в русской мифологической традиции. В определенной мере аналогичные мотивы антропоморфной модели космоса высвечиваются и в карельских эпических песнях на сюжет о сотворении мира.

Обратимся к текстам рун.

В эпической традиции Карелии сюжет о сотворении мира в основном контаминирован

с текстами рун о мельнице Сампо, открывающих описанием сборов Вьянямейнена в путь и его попадания в морские воды. Здесь птица, чаще всего нырок, гусь или орел, сносит яйцо на колено Вьянямейнена, дрейфующего в открытом море. В данном сюжете он изображается в ипостаси первочеловека. В севернокарельской версии рун встречается упоминание о формировании Вьянямейненом, плавающим по первозданным водам, ландшафта морского дна, что происходит, как правило, до возникновения мироздания (лишь в четырех вариантах более поздней записи данный эпизод относится ко времени после сотворения мира), например:

*Kuh hänen bokat koski,
Sih hiän rannat luaitteli;
Kuh hänen polveh koski,
Sih hiän pohjat potkai;
Kuh hänen kynnet koski,
Sih hiän kallivot takou;
Kuh hänen parta koski,
Sih hiän luvvot luikoi.
Luotoni on merellä luotu,
Sih on suari siunualtu* [5; № 39, 56–65].

*Где боками касался,
Там берега созидал;
Где коленями касался,
Там дно становилось (букв. тинал);
Где ногтями касался,
Там скалы выковыывает;
Где бородой касался,
Там рифы сглаживал.
Небольшой риф в море создан,
Там остров появился.*

Согласно данному примеру, компоненты Вселенной берут начало от частей тела Вьянямейнена: берега из боков, дно из колен, скалы из ногтей, рифы из бороды. В большинстве вариантов Вьянямейнен также создает рыбные тоны, отмели, ямы, даже рыбные косяки, например:

*Kussa päin muaha kiändy,
Siihi hauvan siunuali,
Kussa kylin muaha kiändy,
Siihi koron siunuali.
Kussa jaloin muaha kiändy,
Siihi loi lohie parven* [7; № 4, 63–67].

*Где головой к земле поворачивался,
Там яму создавал,
Где боком к земле поворачивался,
Там отмель создавал.
Где ногами к земле поворачивался,
Там создавал косяк лососей.*

В разных вариантах упомянутые части дна появляются вследствие движения разных частей тела. Например, яма (hauta) может образоваться при движении головы, ног; отмель (korke) – при движении бока, рук, груди, колен; тоня (араја), часто лососевая (lohiараја), – при повороте бо-

ком, спиной, животом; остров (suari) – при движении головы либо лежа. Отметим также, что в горизонтальном положении (лежа) Вьянямейнен создает тоню (араја), в вертикальном (сидя или стоя) – рифы (luoto) и каменистые пороги (kari), например:

*Kuhu moatu moata lässä,
Siihi siunasi apajan,
Kalahauvan kaivatteli.
Kuhu seisottu merellä,
Siihi luopi luotoloja,
Karipäitä kasvatteli* [7; № 84, 68–73].

*Где лежал рядом с землей,
Там создавал тоню,
Рыбную яму выкапывал.
Где становился в море,
Там создавал рифы,
Каменистые пороги выращивал.*

Мотив формирования морского дна давно находится в поле зрения финских исследователей [6; 62]. В частности, в нем видели отголоски широко распространенного дуалистического мифа о сотворении земли Богом и чертом, который заканчивается объяснением неровностей земли: черт прячет у себя во рту горсть земли, и, когда она начинает разбухать, ему приходится выплюнуть ее, в результате чего на ровной поверхности земли образуются неровности и горы [6; 63–64].

На наш взгляд, в основе мотива формирования морского дна лежит архетип сотворения мира из частей тела первочеловека, который выявляет себя и в мотиве отождествления колена Вьянямейнена с кочкой либо островом. К примеру, в традиции Приладожской Карелии, помимо того, что птица вьет гнездо на колене (polven piässä) или лопатках (labaluille) Вьянямейнена (а также в единичном варианте на лопатках Иисуса – Jeesuksen on lapaluilla), птица может свить гнездо в разных локусах, хотя в большинстве своем – это более или менее завуалированное колено Вьянямейнена. Начнем с того, что Вьянямейнен сам поднимает (nosti) колено (polvi), лопатку (lapaluu), свою верхнюю часть (lakehensa) из моря (merestä), мрачной морской глубины (meren synkästä syvästä), волны (lainehesta) либо из того места, где он умер (kuhun on kuollut Väinämöinen), чтобы они стали зеленой кочкой (vihannaksi mättähäksi), тростниковой кочкой (ruogo-mättähäine), дерном (turpehekse), свежим дерном (tuoreheksi turpeheksi). В одной из рун птица сама принимает колено за травяную кочку, ивовую подстилку:

*Luuli heinämättähäksi,
Pajupehkon pantavaksi* [8; № 58, 22–23].

Отметим также, что смерть Вьянямейнена является предпосылкой для сотворения земли, образом которой в данном случае служит кочка или остров.

В некоторых рунах птица устраивает гнездо также на осоковой (*saramätäs*) либо зеленой кочке (*vihanta mätäs*), на острове Има(н)тра, что находится посреди морского полюса (*Ima(n)tran suarella, keskell' on meren pavan*), острове Симандро (*Simandron soareen*), изящном острове (*soriah soareh*), осоковом островке (*sara-soarek-sene*), что в параллельном стихе оказывается коленом Вьянямёйнена, например:

*Löyti saramättähän,
Liity Väinön polven piähän* [8; № 35, 22–23].

*Нашла осоковую кочку,
Спустилась на колено Вьяно.*

Здесь мы в очередной раз видим проявление синтаксической синонимии, согласно которой колено Вьянямёйнена отождествляется с кочкой.

В одной из рун на колене дрейфующего Вьянямёйнена рождается остров, который замечает птица:

*Katsovi'saari merelle,
Ruokoheinä ruostuneeksi,
Turpeheksi turvonneeksi* [8; № 14, 38–40].

*Смотрит – остров в море,
Тростник ржавеет,
Дерн разбухает.*

Мотив отождествления колена Вьянямёйнена с кочкой либо островом заключает в себе идею сотворения мира из тела первочеловека. Встречается также вариант, где ветер и волна превращают Вьянямёйнена в кочку (то есть сотворение мира из тела первочеловека происходит при участии природных стихий – воды и воздуха):

*Tuuliba häntä tuigutteli,
Hänt' on aaltoni ajeli,
Hänen tuuli turbeheksi,
soatto soarimättähäksi* [8; № 22, 30–33].

*Ветер его ударял,
Волна его носила,
Укачало его в дерн,
Сделало островной кочкой.*

Аналогичный мотив антропоморфизации компонентов мира обнаруживается и в ижорской руне на сюжет «На корабле убитый брат» («*Lai-vassa surmattu veli*»), согласно которой утонувший брат подает голос из воды и предупреждает (иногда это делает батрак), чтобы родные впредь не брали из моря воду, не ловили в море рыбу и не вылавливали топляки, не стирали на морских камнях, потому что все это кровь и плоть погибшего, например:

*Älkää minun emoini
Ottaa meroista vettä
Leipoja seatakseen,
Kuin ottaa meroista vettä,*

Niin ottaa pojan verta! [1; № 58, 103–107].

*Пусть вовеки мать родная
Не берет воды из моря,
Чтобы тесто замесить;
Коль возьмет воды из моря –
Зачерпнет сыновней крови!*
(пер. Э. С. Кууру).

*Älkää minun isoini
Pyytää meren kaloja,
Luoko verkkoja mereen;
Kuin pyytää meren kaloja,
Pyytää pojan kylkiluita!* [1; № 58, 109–113].

*Пусть вовеки мой отец
В море здесь не ловит рыбу,
Сети в море не бросает;
Коль наловит рыбы в море –
Ребра сына соберет!* (пер. Э. С. Кууру).

*Elkäähä miun sissoin
Sotkia meroin kivoil,
Kuin sotkoo meroin kivoil,
Niin sotkoo velloin pääni pääl* [4; № 17].

*Пусть моя сестра
Не стирает на морском камне,
Если станет стирать на морском камне,
Будет стирать на голове брата*
(пер. Э. С. Кууру).

Исследователи ижорского эпоса затрудняются однозначно объяснить происхождение мотивов отождествления морской воды с человеческой кровью, а рыб, морских камней и топляков – с частями человеческого тела. Ряд исследователей видят в этой слитности некий наивный символический смысл – полную зависимость материального благополучия человека от моря и опасность, таящуюся в море [1; 206], совершенно не замечая мифологической основы анализируемого мотива, или же предполагают, что этот мотив может восходить к мифу о происхождении моря и его обитателей из частей тела великана [1; 206]. Данное предположение как раз находит подтверждение в рассматриваемых нами карельских эпических песнях. Другие исследователи подчеркивают важность и очевидность не просто связи образа моря и умершего человека, а «срастание моря и мира мертвых через единство внутренних объектов» [2; 56–57]. Мнение о локализации загробного мира за водой или под водой подтверждается и нашими материалами. Однако в данном случае речь скорее идет о перевоплощении первочеловека через смерть в соответствующие части мироздания.

Идея сотворения мира из частей тела первочеловека, являясь стадияльно более поздней по сравнению с орнитоморфной моделью мироздания, проявляется в мотивах формирования морского дна, а также в мотиве отождествления ко-

лена Вайнямёйна с кочкой либо островом. Типологически близкий ижорский мотив соотношения морской воды, рыб, камней и топляков с кровью и плотью человека выводит нас на обратный генезис – происхождение первочеловека из морской первостихии. Например, акту сотворения мироздания, согласно карельской эпической поэзии, сопутствует акт сотворения первочеловека из трех стихий: земли (чурка еловая, бревно сосновое), воды (море) и воздуха (ветер):

*Siitä vanha Väinämöinen
Sormin sortuvi merehen,
Käsin käypi lainehisiin.
Kulki siellä kuusi vuotta
Sekä seitsemen keseä,
Kulki kuusissa hakona,*

Petäjäissä pölkyn päänä [7; № 15, 7–13].

*Тогда старый Вайнямёйнен
Пальцами упал в море,
Руками оперся в волны.
Плавал там шесть лет
И семь лет,
Двигался чуркою (стволом) еловой,
Бревном сосновым.*

Таким образом, в карельской эпической поэзии переплетаются два разных представления: о зооморфной (в данном случае – орнитоморфной) модели Вселенной (происхождение частей мироздания из яйца) и антропоморфной (образование компонентов космоса из частей тела первочеловека – Вайнямёйна).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ингерманландская эпическая поэзия: Антология / Сост., автор вступ. ст., коммент. и пер. Э. С. Киуру. Петрозаводск: Карелия, 1990. 246 с.
2. Конькова О. И. Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Сб. науч. статей. Архангельск: Поморский ун-т, 2006. С. 53–68.
3. Кричная Н. А. Мифологема сотворения мира и ее христианская трансформация (русско-карельские параллели) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сб. материалов междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 155–162.
4. Народные песни Ингерманландии / Изд. подг. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмясу. Л.: Наука, 1974. 516 с.
5. Karjalan kansan runot. I osa. Toim. V. Jevsejev. Tallinn, 1976.
6. Kuusi M. Suomalaisen luomistarun jäänteitä // KSVK. № 39. Helsinki, 1959. S. 43–72.
7. Suomen kansan vanhat runot I. Helsinki, 1908.
8. Suomen kansan vanhat runot VII. Helsinki, 1929.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАКОВ

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и финансов ПетрГУ
isakov@petrsu.ru

ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ЗЕКУНЕНКО

студентка 5-го курса экономического факультета ПетрГУ
zan@onego.ru

ИНСТИТУТЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Часть 2*

НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО КОНТРАКТА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОМ – НЕЗАКОННОЕ УМЕНЬШЕНИЕ НАЛОГОВ

Как отмечалось в первой части нашей статьи [2], экономический субъект всегда стремится к сокращению затрат и увеличению результата сделки. Противодействие налогам как социально-экономическое явление, стремление налогоплательщиков не платить налоги или платить их в меньшем размере, существовало, существует и будет существовать до тех пор, пока будет государство и налоги являются основным источником доходной части бюджета. Стремление избежать налогов – это своеобразная реакция на любые фискальные мероприятия государства.

Под уменьшением налогов (или налоговой оптимизацией) понимаются определенные целенаправленные действия налогоплательщика, которые позволяют ему избежать или в определенной степени уменьшить свои обязательные выплаты в бюджет, производимые им в виде налогов, сборов, пошлин и других платежей [3].

Однако налоговая оптимизация таит в себе ряд опасностей, так как в настоящее время четкой грани между «законной» и «незаконной» оптимизацией нет. Размыто понятие так называемых «пределов налоговой оптимизации». Под такими

пределами понимают границы дозволенного (не запрещенного) законодательством поведения или действия налогоплательщиков, направленные на снижение налоговых платежей. Причиной подобной размытости понятий являются упомянутые нами ранее пробелы институциональной среды.

Развитие институтов признания налоговых схем легальными (или, другими словами, те правила, следование которым страхует от нарушения налогового контракта) прошло несколько этапов. Изначально критерием отнесения схемы к легальной была «добросовестность» налогоплательщика, причем, согласно определению Конституционного суда России в сфере налоговых отношений, действует презумпция добросовестности, то есть факт ее нарушения налоговые органы обязаны сначала доказать. Однако вокруг термина «добросовестность» возникли неутраченные и по сей день споры: что же таит в себе это понятие? Четкого и конкретного определения, что налогоплательщик должен делать или не делать, чтобы быть добросовестным, не разработали ни Государственная дума, ни Министерство финансов России. В связи с этим в Арбитражных судах страны рассматривалось огромное количество дел, связанных с уходом от налогов, и с каждым годом этот показатель возрастал [5] (рис. 1).

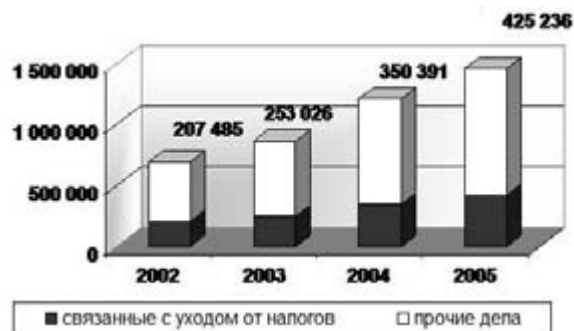

Рис. 1. Сведения о рассмотренных Арбитражными судами спорах (2002–2005 годы)

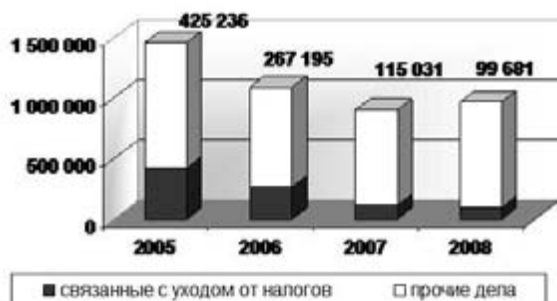

Рис. 2. Сведения о рассмотренных Арбитражными судами спорах (2005–2008 годы)

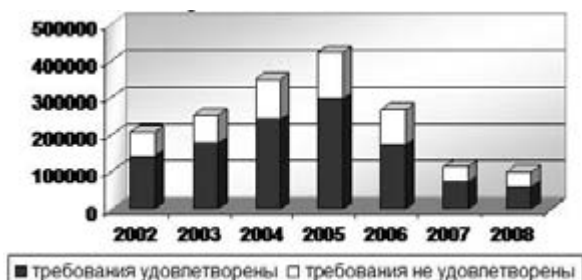

Рис. 3. Сведения о рассмотренных арбитражными судами делах, связанных с уходом от налогов (2002–2008 годы)

Это свидетельствует о правильности вывода о том, что использование для регулирования налогового контракта рыночных институтов нецелесообразно, поскольку приводит к существенным затратам. Известно, что стоимость одного судопроизводства по гражданскому делу составляет 27 тыс. руб. [1].

Вторым этапом эволюции стала разработка в 2006 году новых правил признания налоговой схемы законной. Определены они были постановлением Высшего арбитражного суда, и теперь критериями стали: преимущество существа над формой и доктрина «деловая цель».

Принцип «преимущество существа над формой» сводится к проверке и установлению факта самой сделки по уменьшению налогового бремени, а не документального ее оформления.

Доктрина «деловая цель» предполагает наличие в сделке какой-либо цели, отличной от мини-

мизации налогообложения. Другими словами, если сделка экономического субъекта направлена исключительно на уменьшение уплачиваемых налогов, то такая сделка признается незаконной и влечет за собой судебные последствия [4].

На данный момент в России доктрина «деловая цель» – это основной институт легализации оптимизационных схем. В результате появления этой доктрины количество дел, связанных с уходом от налогов, в 2006 году существенно снизилось и продолжает падать до сих пор [5] (рис. 2).

Но, несмотря на это, более 50 % исков против налогоплательщиков Арбитражный суд удовлетворял [4] (рис. 3).

Настоящая ситуация свидетельствует о том, что необходим третий этап эволюции институтов легализации налоговых схем.

Во-первых, неясность правил приводит к огромным транзакционным издержкам оптимизаторов, а также к штрафным санкциям (при неблагоприятном исходе), превышающим эффект от оптимизации, или еще хуже – к уголовной ответственности. Во-вторых, подобная размытость правил позволит безболезненно «залезать в карман страны», оптимизируя налоги и уменьшая тем самым доходную часть бюджета. Третьей причиной является перегруженность Арбитражных судов делами, связанными с налоговой оптимизацией. Кроме того, это затормаживает рассмотрение других содержательных дел. И, наконец, ситуация наступившего кризиса позволяет разрабатывать новые схемы оптимизации, и не всегда эти схемы являются законными.

Каким будет этот новый этап, пока сказать сложно, но, учитывая, что институты налогообложения должны содержать управленческие и контрольные механизмы или, по возможности, снижать неопределенность налоговых правил, мы можем рассмотреть некоторые способы решения проблемы, причем потенциальные институты целесообразно рассмотреть с позиции сопоставления затрат на создание и функционирование института и тех результатов, которые он даст.

Описание запрещенных схем законодательно

Принятие федерального закона, содержащего перечень конкретных схем оптимизации налогового бремени, мероприятие для государства достаточно затратное. Причем затраты измеряются как в денежном выражении, так и в виде отвлечения значительного количества времени и административного ресурса на разработку, процедуру принятия, разъяснения и особенно контроля за исполнением закона. Затраты же экономических субъектов практически сведены к нулю.

Очевидно, что при таком неравенстве в затратах вероятность получить рациональные, а главное эффективные результаты очень мала. Несомненно, для государства как одной из сто-

рон этого контракта предсказуемость поведения экономических субъектов существенно возрастет, однако, как уже было отмечено выше, подобный контракт является отношенческим. Более того, такой вектор развития институтов легализации налоговых схем еще больше усилит вероятность оппортунистического поведения экономических субъектов. Ведь закон будет принят государством и уже изначально будут максимально учтены интересы именно государства, а не экономического субъекта. При этом новизна закона позволит найти и в нем «пробелы институциональной среды», что в итоге приведет к ситуации, обратной желаемой: государство за свои же ресурсы получит дополнительные проблемы с налогоплательщиками, а экономические субъекты вынуждены будут тратить еще большие средства на доказательство несоответствия используемой им схемы той, которая запрещена.

Аналогичная ситуация представляется и при описании запрещенных схем в нормативных актах ФНС, Министерства финансов.

Однако этот вариант развития представляет более предсказуемым в отношении результатов, ведь описанием запрещенных схем будет заниматься «профильный орган», в юрисдикцию которого приоритетом входит регулирование и контроль за поступлением налоговых платежей в бюджет. При этом для экономических субъектов степень предсказуемости существенно возрастет ввиду опять же того, что вопросом займутся «профессионалы», хотя необходимо отметить, что в этом случае возможности оптимизации будут существенно сокращены.

Получение заключений о схеме в ФНС

Создание такого института легализации налоговых схем существенно увеличит затраты государства в части все тех же временных затрат, а также в части возросшей нагрузки на ФНС (что, в свою очередь, снизит ее бдительность). Однако и результаты станут более предсказуемыми, ведь появится возможность пресекать незаконную оптимизацию, или, другими словами, уклонение от уплаты налогов, еще до претворения ее в жизнь. Для экономического субъекта затраты связаны с отвлечением времени на рассмотрение предложенной им схемы в ФНС.

Получение заключений в независимом консультационном органе

На создание и функционирование этого института не потребуются никаких затрат государства, так как его регулирование будет полностью отдано рынку. Но и эффективных результатов для государства, как нам представляется, ожидать не следует. Это объясняется тем фактом,

что деятельность этого консультационного органа будет коммерческой, причем ее эффективность будет измеряться, скорее всего, денежной оценкой «оптимизированных» налоговых платежей, а это уже по своей сути означает, что государство, оставив без контроля этот процесс, заранее согласилось с «залезанием в свой карман». Также к указанным недостаткам следует добавить увеличение нагрузки на арбитражные суды в части разбирательств по схемам, предложенным «оптимизаторами», не всегда следующим букве закона.

Казалось бы, для экономических субъектов передача такого вопроса, как налоговая оптимизация, в руки рынка является желаемым развитием событий, однако они подвержены высокому риску того, что одобренная консультантами схема окажется незаконной. Тогда к расходам на оплату услуг добавятся судебные издержки.

Регулирование государством рынка налоговых консультаций

Представляется, что данный вариант развития институтов легализации налоговых схем является наиболее эффективным с точки зрения соотношения результат – затраты. Так, с точки зрения государства необходимыми затратами на создание и функционирование данного института будут расходы на содержание аппарата, регулирующего деятельность налоговых консультантов, а также административный ресурс, отвлечения на создание норм и правил деятельности аппарата. Экономически же субъекты должны будут осуществлять только лишь оплату услуг. При этом государство в данном случае получит возможность пресекать потенциальные нарушения законодательства без затормаживания работы ФНС, Министерства финансов, а также создание подобного аппарата будет способствовать существенному сокращению исков в Арбитражные суды.

Экономические субъекты при этом будут получать наиболее эффективные оценки разрабатываемых ими схем и, что немаловажно, существенно сократят свои затраты на защиту схемы.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что институт легализации налоговых схем как составная часть налоговой системы РФ нуждается в переходе на третий этап развития. При этом необходимо осуществить следующие мероприятия:

- заполнить «пробелы законодательства»;
- разработать рациональные критерии оценки предлагаемых схем;
- создать государственный аппарат, регулирующий рынок налоговых консультаций;
- повысить точность и прозрачность формулировок текстов нормативных документов.

*Окончание статьи, начало в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета». Август, 2009. № 8 (102). С. 89–95.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верховный суд развяжет руки налоговикам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finansmag.ru/news/17984>.
2. И с а к о в В. А. , З е к у н е н к о Д. А. Институты налогообложения и налоговая система современной России. Часть 1 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 8 (102). С. 89–95.
3. Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика / Под ред. А. В. Брызгалина. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 204 с.
4. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ: [принято 12 октября 2006 года].
5. Результаты работы арбитражных судов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals>.

АРТУР ВАЛТЕРОВИЧ КИЙСКИ

преподаватель кафедры экономической теории и финансов
экономического факультета ПетрГУ
kiiski@karelia.tgk1.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНКУРЕНЦИИ ИСТОЧНИКОВ ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ В ГОРОДСКИХ СИСТЕМАХ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ (на примере г. Петрозаводска)

В статье оценивается экономическая эффективность конкуренции источников теплоснабжения в рамках единой городской системы централизованного теплоснабжения на примере конкретного населенного пункта с точки зрения издержек функционирования системы в целом, отдельных источников в ее составе и тарифной нагрузки потребителей.

Ключевые слова: система централизованного теплоснабжения, конкуренция источников теплоснабжения, естественная монополия, тариф на тепловую энергию, государственное регулирование тарифов, экономика энергетики, экономика коммунальной инфраструктуры

С точки зрения выгоды потребителя в экономической теории конкурентные рыночные состояния воспринимаются как наиболее благоприятные, а монополистические, наоборот, как наименее эффективные (причем даже в случае естественной монополии). Однако на практике существуют ситуации, когда конкуренция не только не приводит к увеличению выгод (эффекта) потребителя, но даже уменьшает их. Такой ситуацией является попытка искусственного (или административно-го) внедрения элементов конкуренции в естественные монополии, образованные на технологической базе, при одновременном существовании системы государственного регулирования ценообразования естественных монополий.

Организация экономически эффективной производственной деятельности на основе минимизации затрат является актуальной для любого экономического субъекта. Наиболее важной такой целью является для тех субъектов, минимизация затрат которых может оказать влияние на эконо-

мическую эффективность других экономических субъектов или увеличение полезности конечных потребителей. Такими субъектами являются естественные монополии в энергетике, в частности в производстве и передаче тепловой энергии.

В последнее время в ряде научных работ озвучивается тезис о том, что рост тарифов на тепловую энергию связан с существованием крупных систем централизованного теплоснабжения (далее – СЦТ) на базе ТЭЦ, организованных в форме естественной монополии [3; 165]. Исходя из этого предлагается организовать конкуренцию внутри СЦТ между ТЭЦ и другими источниками, входящими в состав СЦТ (прежде всего, пиковыми котельными), в результате которой должно произойти снижение тарифа на тепловую энергию [4].

При этом совершенно не принимается во внимание ни эффект экономии от масштаба производства, ни то, что по своему определению естественная монополия – это такое состояние

отрасли, когда средние издержки минимальны при одном субъекте отрасли, то есть именно в отсутствие конкуренции. Кроме того, исключается из рассмотрения и технологическая основа построения СЦТ как совокупности специализированного оборудования [5; 360]. С учетом этих факторов, по нашему мнению, конкуренция между несколькими источниками тепловой энергии в рамках единой СЦТ, организованной как естественная монополия, не может привести к снижению издержек функционирования как СЦТ в целом, так и отдельных ее составных частей. Следовательно, не произойдет повышения экономической эффективности СЦТ и обслуживаемых ею потребителей.

Рассмотрим ситуацию конкуренции тепловых источников на примере СЦТ в г. Петрозаводске Республики Карелия. СЦТ – совокупность физически связанных элементов: теплоисточников, магистральных, распределительных, домовых сетей, тепловых пунктов и абонентских установок, работающих по определенным гидравлическому и тепловому режимам. В Петрозаводске существует городская СЦТ на базе Петрозаводской ТЭЦ и 3 квартальные СЦТ в 3 окраинных микрорайонах города, работающие изолированно от Петрозаводской ТЭЦ. В данной статье мы будем рассматривать городскую СЦТ на базе Петрозаводской ТЭЦ (далее – ГСЦТ).

ГСЦТ состоит из Петрозаводской ТЭЦ (основной источник теплоснабжения¹) и 3 котельных² (пиковые источники теплоснабжения³) и обеспечивает до 80 % всего потребления тепловой энергии в Петрозаводске.

Экономическая эффективность источников теплоснабжения различна. Ее можно оценить на основании утвержденных регулирующим органом тарифов для каждого из теплоисточников города (табл. 1).

Так как предполагается, что тариф на тепловую энергию устанавливается исходя из его эко-

номической обоснованности, то, следовательно, (по крайней мере, теоретически) он отражает величину затрат на производство 1 Гкал тепловой энергии. Таким образом, наиболее эффективным источником теплоснабжения Петрозаводска является основной источник ГСЦТ – Петрозаводская ТЭЦ. По своей экономичности она превосходит все прочие источники города в 1,3–5,8 раза, а резервные источники ГСЦТ – в среднем в 1,5 раза. Подобная экономическая эффективность Петрозаводской ТЭЦ обусловлена двумя факторами:

1. Проявлением эффекта экономии от масштаба производства;
2. Выработкой теплоэнергии в теплофикационном режиме (то есть одновременном производстве электрической и тепловой энергии), что приводит к снижению удельного расхода топлива и может рассматриваться как частный случай эффекта экономии от масштаба.

Исходя из вышесказанного максимизация экономической эффективности функционирования ГСЦТ Петрозаводска заключается в максимально возможном использовании дешевой теплоэнергии основного источника теплоснабжения – Петрозаводской ТЭЦ. Именно по такому пути – использованию эффективной теплоэнергии, выработанной в теплофикационном цикле, – идут сейчас промышленно развитые страны: Финляндия, Дания, Швеция.

К сожалению, в России на этом пути существует ряд проблем. Основной проблемой является конфликт экономических интересов внутри СЦТ. Технологически СЦТ представляют собой единый технологический комплекс, однако с точки зрения отношений собственности разные объекты этого комплекса принадлежат разным собственникам. И каждый собственник заинтересован в экономической эффективности именно своего производственного объекта, а не всей СЦТ как целого.

Таблица 1

Тарифы производителей тепловой энергии г. Петрозаводска в 2007–2009 годах [2]

Наименование теплоснабжающей организации	Тепловая мощность для работы на СЦТ, Гкал/ч	СЦТ	Утвержденный тариф на теплоэнергию, руб./Гкал		
			Годы		
			2007	2008	2009
ОАО «ТГК-1» (Петрозаводская ТЭЦ)	689	На базе ПТЭЦ	243,62	297,78	358,80
ЗАО «Соломенский лесозавод»	32,5	Изолированная	1 971,09	2 024,70	2 109,44
ООО «КарТЭК»	12	Изолированная	н. д.	н. д.	657,16
ОАО «Славмо»	32	Изолированная	431,61	511,26	606,65
ЗАО «Петрозаводскмаш»	30	На базе ПТЭЦ	406,32	461,72	540,16
ОАО «Судостроительный завод «Авангард»	100	Изолированная	410,90	474,18	474,18
ОАО «ПКС» (Центральная котельная)*	30	На базе ПТЭЦ	263,40	310,81	450,01

*Приведены средние переменные затраты по расчетам автора, так как отдельно тариф на теплоэнергию не устанавливается.

Если основные и пиковые источники теплоснабжения принадлежат различным собственникам, то между ними всегда возникает конфликт интересов, так как собственники пиковых источников заинтересованы в работе своих источников в постоянном режиме и вытеснении тепловой энергии основных. При этом запретить владельцам пиковых источников работу в режиме основного в законодательном порядке невозможно. Следует отметить, что в том случае, когда пиковые источники принадлежат оптовому перепродавцу теплоэнергии (осуществляющему функции сбыта конечному потребителю), конфликты с собственниками основного источника могут и не возникнуть. Если покупная теплоэнергия от ТЭЦ обходится перепродавцу дешевле, чем собственное производство, то он откажется от эксплуатации пикового источника в режиме основного и будет приобретать тепловую энергию основного источника. При этом суть экономического интереса перепродавца состоит не в заботе об увеличении полезности конечных потребителей, а в том, что собственный экономический эффект перепродавца выше при покупке теплоэнергии у ТЭЦ, чем при ее собственном производстве.

ГСЦТ Петрозаводска не является исключением. Так, собственно Петрозаводская ТЭЦ и магистральные тепловые сети принадлежат ОАО «Территориальная генерирующая компания № 1» (далее – ОАО «ТГК-1»), 2 котельные и распределительные тепловые сети являются муниципальной собственностью и сданы в аренду ОАО «Петрозаводские коммунальные системы» (далее – ОАО «ПКС»), и еще 1 котельная принадлежит ЗАО «Петрозаводскмаш». И естественно, собственники указанных объектов, за исключением администрации города, озабочены не экономической эффективностью абст-

рактных потребителей, а вполне конкретной экономической эффективностью собственных объектов. Так, ЗАО «Петрозаводскмаш» стремится включиться в работу ГСЦТ в качестве основного источника теплоснабжения. Однако включение в работу ГСЦТ котельной ЗАО «Петрозаводскмаш» и любой другой пиковой котельной в Петрозаводске означает замену дешевой теплоэнергии Петрозаводской ТЭЦ более дорогой. Для потребителей тепловой энергии это означает рост тарифов.

Рассмотрим эту ситуацию на примере расчетов (табл. 2).

На протяжении 2008–2009 годов ЗАО «Петрозаводскмаш» стремится включить свою котельную в ГСЦТ в качестве основного источника теплоснабжения наряду с Петрозаводской ТЭЦ. До настоящего времени эти стремления не реализованы по техническим и финансовым причинам. Но на примере расчетов, приведенных в табл. 2, можно смоделировать ситуацию с тарифами для потребителя, если бы котельная ЗАО «Петрозаводскмаш» заработала в качестве основного источника в 2008 году.

Моделирование ситуации в табл. 2 основано на следующем. Тепловая энергия, производимая Петрозаводской ТЭЦ и котельной ЗАО «Петрозаводскмаш», приобретается ОАО «ПКС» для поставки конечным потребителям. Стоимость покупной теплоэнергии увеличивается сбытовой и распределительной наценкой ОАО «ПКС»; так как ее общий объем не меняется, то величина наценки остается постоянной в обоих вариантах и может быть исключена из рассмотрения в нашем анализе. Таким образом, при увеличении стоимости покупной энергии увеличивается стоимость теплоэнергии для конечных потребителей.

Таблица 2

Возможное увеличение затрат на тепловую энергию потребителей г. Петрозаводска при работе котельной ЗАО «Петрозаводскмаш» в качестве основного источника теплоснабжения в 2008 году (в ценах и условиях 2008 года)

Наименование показателей	Ед. изм.	2008 год		Отклонения	
		Без работы котельной ЗАО «ПМ»	С работой котельной ЗАО «ПМ»	+, –	%
Полезный отпуск теплоэнергии в ГСЦТ от ПТЭЦ	тыс. Гкал	1 664,30	1 664,30		
ПТЭЦ	тыс. Гкал	1 664,30	1 578,10	-86,20	94,82
Котельная ЗАО «ПМ»	тыс. Гкал	0,00	86,20	86,20	
в том числе по структуре теплоэнергии ПТЭЦ	%	100,00	94,82	-5,18	94,82
Котельная ЗАО «ПМ»	%	0,00	5,18	5,18	
Тарифы ПТЭЦ		383,45	404,64	21,19	105,5
Котельная ЗАО «ПМ»	руб./Гкал		461,72	461,72	
Выручка ПТЭЦ	тыс. руб.	638 180,62	678 368,73	40 188,11	106,30
ПТЭЦ	тыс. руб.	638 180,62	638 568,47	387,85	100,06
Котельная ЗАО «ПМ»	тыс. руб.		39 800,26	39 800,26	
Средний тариф	руб./Гкал	383,45*	407,60	24,15	106,30

* Отличается от тарифа на теплоэнергию Петрозаводской ТЭЦ на 2008 год, приведенного в табл. 1, так как содержит внутри себя выручку от реализации горячей воды и пара.

Если бы котельная ЗАО «Петрозаводскмаш» работала в 2008 году в качестве базового источника, средний тариф поставки теплоэнергии и, соответственно, тариф для конечных потребителей увеличился бы на 24 руб./Гкал, или на 6 %. В этом случае совокупная переплата потребителей Петрозаводска (снижение полезности) составила бы 40 млн руб. в год.

Причины роста среднего тарифа производства и поставки тепловой энергии конечным потребителям мы видим в следующем:

1. Рост среднего тарифа за счет изменения структуры производства тепловой энергии от более дешевой (Петрозаводская теплоэлектроцентраль) в пользу более дорогой (котельная ЗАО «Петрозаводскмаш»);

2. Снижение полезного отпуска тепловой энергии Петрозаводской ТЭЦ и рост средних постоянных затрат в тарифе (снижение эффекта экономии от масштаба).

Таким образом, на примере конкретной ситуации в Петрозаводске мы можем говорить о том, что работа пиковых источников теплоснабжения в составе ГСЦТ города в режиме основного источника теплоснабжения приводит к вытеснению дешевой теплоэнергии и замене ее на более дорогую. Несмотря на экономический эффект для собственников пиковых источников, это снижает экономическую эффективность ГСЦТ в целом, приводит к росту тарифов на тепловую энергию для конечных потребителей (то есть к снижению их экономического эффекта и полезности). Верным с точки зрения повышения экономической эффективности СЦТ и полезности потребителя будет являться максимально возможное использование дешевой тепловой энергии Петрозаводской теплоэлектроцентрали.

На основе вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что конкуренция между пиковыми и основными источниками теплоснабжения в рамках СЦТ не приводит к повышению экономической эффективности СЦТ в целом и как следствие не увеличивает экономическую эффективность (полезность) потребителей тепловой энергии. По большому счету, ситуация параллельной работы основного источника теплоснабжения и пикового источника теплоснабжения в режиме основного даже не является конкуренцией в обычном смысле этого слова. Это классическая правовая лакуна в системе государственного регулирования естественных монополий, или «провал государства».

По нашему мнению, для реализации стратегии повышения экономической эффективности СЦТ и увеличения полезности ее потребителей необходимы следующие мероприятия:

Со стороны государства:

- Скорейшая доработка и принятие Федерального закона «О теплоснабжении» с подза-

конными актами, законодательно регламентирующими приоритет основных источников теплоснабжения в составе СЦТ.

- Утверждение объема выработки теплоэнергии пиковыми источниками при тарифном регулировании только в пиковых нагрузках; контроль по факту отчетного периода за объемом выработки пиковых источников теплоснабжения и выручкой от реализации тепловой энергии. В случае если у пикового источника теплоснабжения отмечена выработка в режиме основного источника теплоснабжения, доходы от такой выработки признаются экономически необоснованными и вычитаются из необходимой валовой выручки следующего периода регулирования. Пункт 7 Основ ценообразования в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации [1] дает регулирующим органам такую возможность.
- Установление тарифа оптовых перепродавцов тепловой энергии исходя из стоимости покупной энергии от основных источников теплоснабжения.

Со стороны муниципалитетов:

передача, продажа и сдача в аренду муниципальных котельных в составе СЦТ генерирующим компаниям или компаниям, эксплуатирующим основные источники теплоснабжения.

Со стороны генерирующих компаний (владельцев основных источников теплоснабжения):

- Организация экономически эффективной эксплуатации, ремонтов, реконструкции и модернизации ТЭЦ, обеспечивающих более низкую стоимость производства тепловой энергии по сравнению со всеми прочими источниками в составе СЦТ.
- Выкуп пиковых источников теплоснабжения СЦТ и включение их в состав вертикально-интегрированных компаний по производству, передаче, распределению и сбыту тепловой энергии потребителям.

Описанный нами пример города Петрозаводска не является исключительной ситуацией. Конкуренция в ГСЦТ между основными источниками теплоснабжения (ТЭЦ) и пиковыми источниками теплоснабжения (котельными) – это системная общероссийская проблема, и решение ее надо искать в законодательном порядке. Экономические результаты такой ситуации также схожи во всех подобных случаях.

Приведенный пример также подтверждает идею о том, что любой экономический актив эффективен только в рамках определенной доктрины его применения [6]. Так, ГСЦТ эффективна только в качестве естественной монополии и в виде единого имущественного и технологического комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Источник, работающий с постоянной, максимально возможной для данного источника нагрузкой значительную часть года. Обеспечивает подготовку теплоносителя и работу СЦТ в пределах средних часовых тепловых нагрузок для данной температуры наружного воздуха.
- ² Общее число котельных равно 5, но реально работают или могут работать только 3 из них.
- ³ Источник, включающийся в работу СЦТ, когда потребление теплоэнергии в СЦТ резко возрастает на короткое время сверх средних часовых тепловых нагрузок для данной температуры наружного воздуха. Также включается в работу при авариях и ремонтах основного источника теплоснабжения либо при авариях на магистральных газопроводах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства РФ от 26.02.2004 № 109 «О ценообразовании в отношении тепловой и электрической энергии в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. 01.04.2009.
2. Постановления Государственного комитета Республики Карелия по энергетике и регулированию тарифов за 2006–2008 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. 01.04.2009.
3. Гинтельман Л. Д., Ратников Б. Е. Энергетический бизнес: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Дело, 2006. 600 с.
4. Зуев В. А. К развитию рыночных реформ в России: реформирование национальной системы теплоснабжения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=20813>.
5. Чернухин А. А., Флаксерман Ю. Н. Экономика энергетики СССР: Учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Энергоатомиздат, 1985. 400 с.
6. Чернышев С. Особенности национальной приватизации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.russ.ru/culture/20041215_cher.html.

УДК 94(4)“15/19”

ИРИНА НИКОЛАЕВНА НОВИКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 128 с.

В 2008 году исполнилось 90 лет со времени окончания Первой мировой войны. Финляндия принадлежит к числу молодых государств, достигших в ходе войны своего суверенитета. Выход малой страны из состава великой империи современники воспринимали как чудо и искали его разгадку во внешней силе. Финляндская политика Российской империи в это время не раз становилась предметом пристального внимания исследователей, достаточно вспомнить монографии И. М. Бобович, И. И. Кяйвярайнена, И. М. Соломеща, Т. Полвинена, П. Лунтинена и др. Однако взаимоотношения между российскими военнослужащими и населением автономного в составе империи Великого княжества Финляндского как в первые годы войны, так и в период российской революции 1917 года прежде не становились предметом специального изучения. Этот пробел восполняет недавно вышедшее учебное пособие монографического характера. Оно стало результатом многолетней работы Е. Ю. Дубровской с опубликованными документами и ранее не вводившимися в научный оборот материалами российских и финляндских архивов. Автора отличает глубокое знание отечественной и зарубежной исторической литературы по избранной теме. Работа с обширной источниковой основой по-

могла автору исследовать особенности психологии «человека с ружьем», служившего на северо-западной границе воюющей империи, показать характер подчас весьма сложных отношений российских военных с населением Финляндии, а также складывавшиеся в результате этих контактов взаимные представления гражданского населения княжества и солдат, матросов и офицеров. Учебное пособие адресовано студентам, которые специализируются на изучении истории стран Северной Европы, и всем, кто интересуется вопросами военной антропологии, проблемами армейской и флотской повседневности в предреволюционные годы и во время революционных потрясений 1917–1918 годов в России и Финляндии. Отдельную главу автор посвящает влиянию общероссийских политических процессов революции 1917 года на состояние российских Вооруженных сил в Финляндии в период утверждения среди населения бывшего финляндского княжества идеи образования независимого государства.

Новые подходы к освещению проблемы «Революция и человек» открывают перспективы для дальнейшего исследования истории российской армии и флота на «своей» / «чужой» территории и изучения роли военного фактора в истории

России начала XX века как одного из направлений военной антропологии. В частности, сквозным сюжетом работы Е. Ю. Дубровской стало символическое присутствие Империи в столице Великого княжества Гельсингфорсе (Хельсинки) накануне и в первые годы мировой войны. Это подводит читателя к сделанным в заключительной главе наблюдениям о том, как в период революции 1917 года политический переворот сопровождался в столице Финляндии переворотом символическим, дает выход на более общие проблемы политической культуры.

Е. Ю. Дубровская уделяет внимание особенностям взаимодействия военных властей с финляндской гражданской администрацией, справедливо указывает на факты межэтнических конфликтов между российскими военными и населением Финляндии. Это отличает авторское видение проблемы от той идиллической картины «классовой солидарности русских солдат и матросов с революционным финляндским пролетариатом», которая долгое время рисовалась в отечественной исторической литературе. Вместе с тем Е. Ю. Дубровской удалось избежать другой крайности – отрицания всякого взаимодействия между военными и финляндцами в период российской революции, и уйти из-под влияния новых мифов и стереоти-

пов, часто приходящих на смену старым в современной отечественной историографии.

Учебное пособие содержит богатый иллюстративный материал, в том числе никогда прежде не публиковавшиеся фотографии российских военных, сохранившиеся в Архиве Шведского литературного общества в Хельсинки, в Архиве Карельского научного центра РАН и в личном архиве автора.

Однако увлечение автора событиями 1917 года привело к тому, что заключительному периоду пребывания российских войск зимой – весной 1918 года в ставшей независимой Финляндии посвящен лишь небольшой параграф. Между тем вопрос о взаимоотношениях российских воинских частей с противоборствующими силами Финляндии периода Гражданской войны является, на наш взгляд, чрезвычайно интересным и актуальным, так как остается менее всего изученным в отечественной исторической литературе. Хотелось надеяться, что в новых исследованиях Е. Ю. Дубровской будут рассмотрены особенности властной ситуации и отношения российских военных с правительствами «белой» и «красной» Финляндии вплоть до времени вывода российских войск из страны в соответствии с условиями Брестского мирного договора марта 1918 года между Советской Россией и Германией.

УДК 94 (47) «1917/1991»

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры истории стран Северной Европы исторического
факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: Tzouliadis T. The Forsaken. From the Great Depression to the Gulags: Hope and Betrayal in Stalin's Russia. London: Little Brown, 2008. 472 p.

В третьем номере «Ученых записок ПетрГУ», в серии «Общественные и гуманитарные науки» (октябрь, 2008) был опубликован тематический цикл из пяти статей, рассматривающих историю иммиграции финнов из Северной Америки в Карелию в 1930-е годы. К сожалению, лишь после публикации этого номера мне удалось познакомиться с монографией британского автора Тима Цулиадиса «The Forsaken» («Всеми забытые»), в которой рассматривается иммиграция из США в СССР в 1930-е годы – тема, непосредственно пересекающаяся с тематическим циклом третьего номера «Ученых записок». Поскольку в современной историографии – как отечественной, так и западной – монография Тима Цулиадиса является первой попыткой осмыслить феномен американской иммиграции в СССР в целом, можно утверждать, что к этой работе – по крайней мере, в ближайшем будущем – будут обращаться все исследователи, занимающиеся изучением данной темы, в том числе и применительно к иммиграции североамериканских финнов в Карелию. Данная книга уже получила широкий резонанс в западных научных кругах, что выразилось, в частности, в присуждении Тиму Цулиадису престижной британской премии «Longman / History Today Award».

Согласно информации издателя, Тим Цулиадис – писатель и журналист, работавший, в частности, над созданием документальных фильмов

для «Би-би-си». Очевидно, именно профессиональным опытом автора обусловлен жанр, который он выбрал для своего исследования американской иммиграции в СССР. «The Forsaken» по стилистическим и содержательным признакам относится к жанру исторической публицистики, который, в свою очередь, является частью журналистских жанров. Познание истории в журналистике отличается особой спецификой. Если в исторической науке прошлое познается посредством фактов и построения научной аргументации, а в искусстве – через образы, сюжет и создаваемое ими сопереживание, то историческая журналистика находится где-то посередине: с одной стороны, она оперирует фактами, с другой – обращается к прошлому с помощью определенного сюжета (рассказа) и апеллирует к эмоциям читателя. Благодаря этому книги, написанные в жанре исторической публицистики, имеют более широкую аудиторию, чем научная историческая литература, и тем самым играют значительную роль в формировании знаний об истории в обществе. Однако специфика жанра накладывает и свои ограничения: подобные работы обладают меньшими возможностями для обобщения и типизации. Необходимость придерживаться заданной сюжетной линии, как правило, не позволяет им существенно расширять рамки повествования, обращаться к широкой группе явлений и фактов, как это делает научная литера-

тура. В то же время в жанре исторической публицистики недопустим и художественный вымысел – то, благодаря чему столь успешно (по крайней мере, в лучших своих проявлениях) познает прошлое художественная литература.

Еще одна характерная черта многих исторических работ, написанных в жанре исторической публицистики, обусловлена спецификой самой журналистики как области профессиональной деятельности. Если наука и искусство – основные способы познания истории – как правило, переосмысливают события прошлого и тем самым формируют новое знание (по крайней мере, стремятся к этому), то основная миссия журналистики – информировать широкую аудиторию о малоизвестных событиях, то есть не создавать новое знание, а по возможности шире распространять информацию о том, что уже известно. Поэтому от автора, работающего в жанре исторической публицистики, требуются значительные усилия, если он хочет преодолеть законы своего жанра и сказать новое слово в той или иной области знания.

Анализ «The Forsaken» демонстрирует, что именно это не удалось автору в процессе написания своей работы. Тим Цулиадис выстраивает свое повествование вокруг личных судеб членов бейсбольной команды, сформированной в начале 1930-х годов в Москве из американских иммигрантов. Выбор данного сюжета существенно ограничивает как хронологические, так и географические рамки исследования: за бортом книги остались многочисленные американские иммигранты 1920-х годов, которые являются важной частью переселенческого потока из США в СССР, а также иммигранты в другие регионы Советского Союза, в том числе и Карелию, – автор предлагает читателю сведения только о московской и горьковской (нижегородской) американских колониях.

Более того, когда развитие сюжета привело автора к репрессиям 1937–1938 годов, перед ним встал вопрос, который затмил для него основную проблему исследования. Он заключался в общей абсурдности и нелогичности судеб американских иммигрантов: почему советский режим оказался столь жесток к людям, которые искренне стремились помочь ему в построении лучшего будущего? Чтобы ответить на этот вопрос, автор обратился к многочисленным воспоминаниям и исследованиям о сталинских репрессиях и, на наш взгляд, оказался неспособен справиться с огромным объемом доступных источников. Монография Тима Цулиадиса может похвастаться внушительной библиографией, включающей 682 опубликованные работы (как источники, так и исследования), однако большинство этих работ имеют очень опосредованное отношение к истории американской иммиграции в СССР. Тем не менее автор действительно использует почти все эти источники в своем повествовании, поскольку для него ока-

залось чрезвычайно важным понять и осмыслить природу и причины преступлений сталинского режима.

Подобное похвальное стремление привело, однако, к тому, что автор в определенный момент своего повествования переключился с изложения истории американской иммиграции – того, что составляет основной предмет его исследования, – на повторение широко известных фактов о сталинских репрессиях. Это превратило значительную часть его работы в простую компиляцию, которая хотя бы в силу своей вторичности и отсутствия новизны фактически не представляет научного интереса. Впрочем, в этом, как кажется, отчасти проявился сознательный замысел автора – поскольку жанр исторической публицистики подразумевает апелляцию к эмоциям читателя. Тим Цулиадис намеренно приводит в «The Forsaken» примеры, не имеющие никакого отношения к американским переселенцам в СССР, но обладающие очень сильным эмоциональным воздействием на читателя, такие как фотографии умерших или до предела истощенных от голода детей, эксгумированные останки польских офицеров в Катыни, взорванные церкви и прочее. Подобный ход, несомненно, повышает потенциальную продаваемость книги, однако негативным образом сказывается на ее достоверности и авторитете автора.

Уделив лишь незначительное внимание жизни иммигрантов в СССР до начала репрессий (ей посвящены всего 47 страниц из 364 без сносок и библиографии), автор, как следствие, не смог ответить на ключевые вопросы, касающиеся темы его работы: кем были иммигранты из США – американцами в первом, втором, третьем поколении? Какова была социальная и демографическая структура этого иммиграционного потока? Насколько велика была доля ре-эмигрантов и репрессированных среди американских переселенцев в СССР? Информация, с помощью которой автор мог бы ответить на эти и другие важные вопросы, доступна в отечественных архивах, и автор приводит три из них (включая Государственный архив РФ) в списке источников, однако реальных ссылок на российские архивные источники всего пять, что, конечно, не выдерживает никакой критики. Отсутствуют в библиографии и исследования на русском языке, которые могли бы существенно помочь автору в написании его работы. (В действительности автор цитирует большее количество российских архивных источников, однако во всех, кроме пяти указанных, случаях делает это по другим опубликованным исследованиям.) В целом, несмотря на внешне солидную источниковую базу, в действительности исследование перегружено работами, имеющими сомнительную для него ценность (в том числе, например, произведениями Пушкина, Булгакова, Пастернака и др.), в то время как действительно важные источники (даже на англ-

лийском языке – например, работы об иммиграции американских финнов в СССР) автор так и не использовал.

Тим Цулиадис, впрочем, разрабатывает в своей книге еще один сюжет, представляющий определенную научную ценность, – с помощью документов американских архивов и источников личного происхождения он пытается ответить на вопрос: почему власти США, и в частности американское дипломатическое представительство в СССР, не желали оказать помощь своим соотечественникам, оказавшимся жертвами сталинского политического режима? Эта часть книги написана, пожалуй, наиболее корректно с научной точки зрения, поскольку здесь автор вводит в научный оборот неопубликованные архивные источники и с их помощью аргументированно излагает свою позицию, утверждая, что американские иммигранты оказались заложниками сложных политических взаимоотношений между СССР и США.

«The Forsaken» является сильной книгой с точки зрения эмоционального воздействия на читателя. В ее основе лежит история, которая, несомненно, заинтересует массового читателя и привлечет внимание научных кругов к теме американской иммиграции из США в СССР. Однако чрезмерное увлечение автора описанием преступлений сталинского режима привело к тому, что собственно тема его книги оказалась нераскрытой. Автор скорее пересказывает, чем

анализирует источники, и постоянно повторяет общие места исторического знания о советской истории 1930–50-х годов. В конечном итоге его личные пристрастия начинают доминировать над предметом его исследования, и вкупе с незнанием русского языка и неспособностью читать литературу и источники на русском языке это делает «The Forsaken» малозначительной работой в качестве научного исследования. Общие же тенденции западной исторической публицистики (N. B.! не научной литературы), проявившиеся как в этой, так и в ряде других работ, наводят на мысль, что в современном западном обществе выработалась и функционирует устойчивая модель репрезентации советской истории периода 1930–50-х годов, которая заключается в повышенном внимании к теме репрессий и, по сути дела, игнорировании других аспектов жизни в СССР в этот период. При всей важности обращения к вопросам политических репрессий в СССР – особенно в свете ревизионистских тенденций последнего времени в современном российском обществе – все-таки хочется надеяться, что исследования о советской истории 1930–50-х годов, написанные в популярном жанре исторической публицистики, не будут превращаться в общей массе в пересказ широко известных фактов о сталинских репрессиях, как это произошло, к сожалению, с хорошим по замыслу исследованием Тима Цулиадиса «The Forsaken».

УДК 821.161.1.09 "1917/1991"

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии
и социально-экономических дисциплин Карельской госу-
дарственной педагогической академии

Рец. на кн.: Сойни Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда / Е. Г. Сойни; Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – М.: Наука, 2009. – 223 с.

В этом году отмечалось 300 лет со дня Полтавской битвы. Присоединение Финляндии к России – инерция тогдашней победы. Сегодня за рубежом оказались и Полтава, и Суоми. Получается так, что в конечном итоге Карл XII взял реванш над Петром I – Запад вплотную придвинул к нам свои границы, существенно сузив окно, пробитое в его пространство русским императором. Ностальгия по прошлому законна. Есть нота этой ностальгии и в чудесной книге Е. Г. Сойни, где целостно воссоздается взаимодействие культур России и Финляндии в те годы, когда они были одним государством. Автократия включала в себя демократию: финский сейм – внутри имперской структуры. Однако симбиоз Финляндии и России поражает своей органичностью. Пусть он оказался преходящим, но навеянное им поле ощущалось долго.

В книге Е. Г. Сойни выявлены культурные следствия удивительного симбиоза. Данное явление в биологии предполагает очень тесное взаимодействие партнеров при сохранении их индивидуальности и самобытности. Это мы видим и в нашем случае. Границу между Финляндией и Россией, сохранявшуюся и в имперское время, можно сравнить с осью зеркальной симметрии: с двух сторон – обоюдно – открывается остраненное зазеркалье. Переход подобных границ в философии называется *трансцендированием*. Можно сказать так: две культуры транс-

цендировали в направлении друг друга – именно об этом и рассказывается в исследовании Е. Г. Сойни. Она пишет о *карелианистах*, устремлявшихся к местам, где записывались руны «Калевалы»: «Для путешественников был важен сам переход границы, как переход в идеализуемый мир» (с. 15). Этот переход, формально вполне простой, обретал мистериальные черты. Взаимно и с русской стороны Финляндия предстает как зазеркалье. Сколь характерен для нашего Серебряного века ее культ! Молодой Василий Кандинский едет изучать зырян. В путь он берет «Калевалу». Ему открывается мир, который воспринимается с восторгом и трепетом: это «какая-то другая планета» (с. 15). Другое, иное! Снова работает алгоритм остранения. Чем задавалась эта *инаковость*?

Пусть ренессанс Финляндии пришелся на XIX век, но она уже давно чувствовала себя частью Запада – католицизм и протестантизм во многом предопределили ее менталитет. Мы вправе выразиться так: Финляндия стала для России как бы *внутренним* окном в Европу. В начале XX века Финляндия обнаружила особую чуткость к художественным изысканиям Запада. Свои импульсы она передавала России: «северный модерн» в Петербурге – своеобразная вестернизация.

Взгляд из Финляндии на Россию был тоже любопытствующим, но более настороженным.

Лишь в измерениях искусства это изначально заданное напряжение падало до минимума. Е. Г. Сойни рассказывает нам много нового о том, как по линии обратной связи русский авангард влиял на финский.

«Калевала» – вот где конвергируют две культуры! И это схождение проявляется не только в ее необыкновенно яркой художественной интерпретации финскими и русскими мастерами – встает и проблема происхождения эпоса: как-никак, а его корни тянутся к Русской Карелии. Мы должны помнить, что в Финляндии долгие годы имела значение непреложной парадигмы концепция К. Крона, утверждающая западные – чуть ли не варяжские – корни «Калевалы». Сегодня подобные взгляды вызывают глубокое недоумение. Поразительно, что русская культура в своем понимании «Калевалы» шла где-то дальше ее финских исследователей – наши поэты и художники оказались более прозорливыми по сравнению с гельсингфорскими профессорами. Материал для такого несколько неожиданного вывода дает исследование Е. Г. Сойни.

Василий Кандинский: очень вероятно, что он имеет мансийские корни! Не обские ли угры дольше всех родственных племен сохранили архетипы, нашедшие свое яркое раскрытие в «Калевале»? *Конда* у коми значит сосна. Предпринята попытка возвести к этому слову этимологию фамилии мастера. Мы говорим: *кондовый* лес. Восхищаемся Успенской церковью в *Кондопоге*. Корнеслов уводит нас в архаические глубины. Они были закрыты для К. Крона, не опускавшего хронологию «Калевалы» ниже Средневековья. Теперь мы знаем: ключи к пониманию многих образов «Калевалы» скорее даст финно-угорский Восток, а не германский Запад. Поражает глубинная тяга В. Кандинского к финно-угорским народам нашего Севера. Ориентиры в исканиях ему давала «Калевала». Е. Г. Сойни убедительно показывает: «Лодочник» В. В. Кандинского – не

кто иной, как Вяйнемейнен, покидающий Суоми. В параллель его работе приводится картина на аналогичную тему А. Галлен-Каллелы.

Другой пример адекватного раскрытия «Калевалы» Е. Г. Сойни находит в иллюстрациях к эпосу, выполненных учениками П. Н. Филонова – здесь ход ее мысли восхищает смелостью и точностью. Между мифопоэтическим мышлением «Калевалы» и аналитической школой Филонова имеются поразительные инварианты, которые не лежат на поверхности, но взгляд исследовательницы уходит в сущностную глубину. Ее выводы могут показаться неожиданными. Но они убеждают.

Е. Г. Сойни выявляет несомненное созвучье мировидения древних рунопевцев и художника-авангардиста П. Н. Филонова. Филоновский стиль конгениален и поэтике, и психологии «Калевалы». Надо считать чудом, что эти явления встретились – узнали себя друг в друге, оставили прекрасный памятник этого взаимоузнавания – иллюстрации филоновцев.

Майневайнен В. Хлебникова: это не описка – это интуитивное высвечивание и русской, и финской языковой подпочвы. Чем-то поэт-будетлянин напоминает великого Матиаса Кастрена: финский филолог ушел далеко на Восток – вплоть до Монголии – в поисках истоков своего народа. Евразийский дух чувствуется и в Матиасе Кастрене, и в В. Хлебникове: их роднит глобальная амплитуда исканий, ведущаяся через посредство слова.

Елена Гуро жила на Карельском перешейке. Ее «Финляндия» – как звуковое зеркало, поставленное перед финской речью. Музыка чужого языка – с характерными для него переливчатыми дифтонгами – схвачена очень точно.

Книга изобилует примерами подобного рода. Каждый из них бесценен: перед нами свидетельство того, что две культуры действительно порождали симбиоз – отраженное ассимилировалось, становилось своим.

СТЕФАН ВЕЙЯР

Париж IV (Университет Париж-Сорбонна), отделение славистики

Рец. на кн.: Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. – 784 с.

Профессор Петрозаводского университета З. К. Тарланов представляет в этом труде ретроспективу сорока лет научной деятельности, посвященной главным образом изучению русского языка и регулярно отмечаемой статьями, опубликованными как в серьезных научных изданиях («Вопросы языкознания», «Труды отдела древнерусской литературы»...), так и в популярных. Объединяя в рассматриваемом труде более сорока статей и монографию, автор стремился выделить основные крупные эпистемологические области, к которым относится каждая из этих публикаций: «Русский язык в его истории и функционировании» (29 статей); «Язык художественной литературы. Поэтика слова» (7 статей); «Язык и стилистика фольклора. Лингвофольклористика» (5 статей); «Этнолингвистика. Общее языкознание. Кавказоведение» (6 статей и монография, опубликованная в 1984 году под названием «Язык и культура»). Автор мог бы выделить и пятую область, область лингвистической методологии и ее истории, которую затрагивают многие статьи, размещенные в первом разделе, такие как «К проблеме концептов в синтаксисе» (стр. 172–181), «Научный метод, историко-сравнительный и сравнительно-типологический аспекты теории формы слова Ф. Ф. Фортунатова» (стр. 182–193) и другие.

Первый раздел объединяет исследования морфологии и синтаксиса, среди которых «Инфинитивные предложения и этапы их изучения в

русском языке» (стр. 41–59); «Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения?» (стр. 65–72); «Предложение типа *Ум – хорошо* в русском языке» (стр. 73–83) и многие другие. Здесь можно также найти статьи, которые автор посвятил истории синтаксиса русского языка: «Инфинитивные предложения “быть (стать) + другой инфинитив” в русском языке» (стр. 60–64); «О развитии грамматической системы русского языка в XVIII в.» (стр. 271–276) и функционированию языка в древних текстах: «Об одном способе объективизации повествования в “Слове о полку Игореве” (Функциональная роль инфинитивных предложений в тексте)» (стр. 251–258); «Текстообразующая роль синтаксических конструкций в “Житии” Аввакума» (стр. 259–268), «Синтаксические функции союзов а, но в языке “Изборника 1076 г.”» (стр. 242–250). Синтаксис русского языка, таким образом, рассматривается как в синхроническом измерении, так и в диахронической перспективе.

Язык, впрочем, никогда не прерывается в своих проявлениях, будь то произведения древние или современные. Ибо автор предлагает «язык художественной литературы» в качестве базы привилегированного исследования до такой степени, что принимает теоретические позиции иногда парадоксальные, как, например, пересмотр теории Э. Бенвениста о личных местоимениях («Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке») (стр. 24–40).

Автор ставит вопросы традиционной грамматической терминологии, пытаясь иногда найти новые определения («Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения?») (стр. 65–72). Ссылаясь на трудность, которую представляет определение предложений, называемых инфинитивными («Инфинитивные предложения и этапы их изучения в русском языке») (стр. 41–59), автор дает обзор эволюции взглядов на статус русского инфинитива в плане синхронии и диахронии. В статье «Предложение типа *Ум – хорошо* в русском языке» (стр. 73–83) он стремится объяснить грамматически такие высказывания, как «И дому холя надобно», «Война хорошо слышать, да тяжело видеть».

Автор включил в этот том текст сообщения, сделанного им на международном коллоквиуме, который Петрозаводский университет посвятил в 2004 году Ф. Ф. Фортунатову по случаю 90-й годовщины со дня его смерти. В нем автор прослеживает те приобретения, которым языковедение обязано этому филологу и исследователю грамматики.

Автор работает над текстами как лингвист и как исследователь поэтики, показывая, например, в статье «Текстообразующая роль синтаксических конструкций в “Житии” Аввакума» (стр. 259–268), что проза Аввакума является не просто текстом, а тем, что открывает новые направления в развитии русского литературного языка путем внедрения в него разговорных форм, разрушающих каноны литературной эстетики предшествующих веков. В перспективе, намеченной В. Виноградовым начиная с 1923 года, автор выявляет структурирующую роль «кратких реплик» и обнаруживает элементы с различными функциями сцепления, особой модальности или вовлечения адресата высказывания.

Вторая часть труда объединяет статьи, в которых автор обращается к анализу творческого почерка некоторых писателей: Н. Лескова, В. Тендрякова, А. Платонова, В. Шукшина... Вклад в исследование «сказа» (стр. 305–327), анализ синтаксиса в речи персонажей двух рас-

сказов В. Тендрякова и В. Белова (стр. 348–378) или выявление соответствия языка и идеологии в «Котловане» (стр. 401–423) представляют собой исследования хорошего качества, которые в свое время открывали новое освещение стиля этих писателей.

В традициях серьезных исследований языка фольклора третью часть открывает статья 1977 года, озаглавленная «Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения» (стр. 530–562). Статус пословицы (стр. 588–604) представляет предмет анализа, который напоминает, что автор является также специалистом в области синтаксиса пословиц.

Наконец, переиздание работы «Язык и культура», которая занимает основное место в последней части (стр. 637–719), вписывается в проблематику, всегда достойную уважения, касающуюся отношений между языком и культурой.

Знание немецкого языка позволяет автору опираться на труды великих филологов прошлых веков. В то же время можно сожалеть о том, что автор не сделал более актуальными некоторые из своих статей. Исследования, которые Жан Вэранк посвятил инфинитивным предложениям (1979), и работа Маргерит Гиро-Вебер о предложениях без именительного падежа (1984) являлись капитальным вкладом в анализ сложных синтаксических явлений, к которым русский исследователь обратился с 1960-х годов. Можно также сожалеть, что статьи, написанные начиная с 1990-х годов, не учитывают трудов европейской славистики. Несмотря на эти оговорки, труд представляет собой значительную панораму карьеры скрупулезного ученого, целиком посвятившего себя изучению языка в его грамматическом, литературном и культурном измерениях.

Рецензия впервые опубликована на французском языке в журнале «*Slavica Occitania*» (Toulouse. 2007. Vol. 25. P. 515–517.).

(Пер. с франц. С. Шкарлат)

УДК 398(47)

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии

Рец. на кн.: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. / Т. Г. Иванова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 800 с.

Фольклористика, как всякая наука, испытывает потребность в современном осмыслении своего исторического пути. Знаменитая двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского (1958, 1963), охватывающая период с XVIII по начало XX века, при всей многолетней востребованности, ценности и известных достоинствах несет на себе печать идеологического воздействия своего времени, идеологической ангажированности (достаточно назвать ее последнюю главу – «Маркс и Энгельс о фольклоре. Начало формирования русской марксистской фольклористики») и требует не только продолжения, но новых подходов и оценок.

Вышедшая «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г.» Т. Г. Ивановой охватывает всего сорок лет, но это чрезвычайно насыщенный большими драматическими событиями в истории страны и фольклористики период, который как период не изучался. Такой труд под силу далеко не каждому даже опытному и серьезному фольклористу. Большая, в 800 страниц, книга Т. Г. Ивановой – не просто итог многолетней работы. Она подготовлена всем предшествующим исследовательским опытом: монографией 1993 года «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках»; подготовкой и комментировани-

ем изданий классиков науки (Д. К. Зеленин); работами в области былиноведения и участием в издании Свода русских былин; статьями о фольклористах и сказителях; работой в рукописном отделе Пушкинского Дома и публикациями на его основе; работой библиографа, составителя продолжающегося и известного библиографического указателя «Русский фольклор» (1987, 1990, 1993, 1996, 2001); знанием регионального фольклора. Т. Г. Иванова – постоянный участник сибирских научных семинаров-симпозиумов в Омске, конференций по проблемам Русского Севера в Архангельске, участник, а затем и председатель оргкомитета международных конференций «Рябининские чтения» в Петрозаводске. Все это предпосылки того, как четыре десятилетия истории фольклористики XX века отражены в аналитически предъявленных – прежде всего через труды исследователей – научных направлениях, теориях, личностях, полемиках, гипотезах, наблюдениях, событиях, отдельных эпизодах и фактах, иными словами, в тщательно воссозданной во всех сложностях и подробностях истории науки.

Несомненное достоинство монографии Т. Г. Ивановой обусловлено тем, что проблемы: 1) как представить исторически небольшой, но разнородный период истории фольклористики и 2) под

каким углом зрения его прочитывать, решены концептуально. Обосновывая свой принцип построения истории фольклористики, автор исследования исповедует точку зрения вынашивавшего идею написания такого труда Б. Н. Путилова: «...непрерывная история научной мысли, т. е. без выделенных “медальонов” – портретов отдельных исследователей. <...> Другими словами, конкретное имя само собой проступит, обозначится только тогда, когда станет ясно, что именно с этим именем оказалось связанным такое-то открытие, такая-то теория, такая-то идея или исследовательский подход» [2; 52–53]. Предложив свою концепцию периодизации развития отечественной науки о традиционной культуре XX века, Т. Г. Иванова выделила в ней семь основных периодов. В монографии специально исследуются только три периода: первый – 1900–1916 годы – начало столетия; второй – 1917–1928 годы – от Октябрьского переворота (верхняя точка характеризуется разгромом советского краеведения); третий – 1929–1941 годы, однако во Введении, содержащем концепцию периодизации, охарактеризованы доминанты каждого из семи периодов.

Решая проблему, как «прочитывать» историю фольклористики, и не отвергая правомерности персонального, «медальонного» принципа, когда история науки осмысливается через биографии видных и рядовых деятелей, Т. Г. Иванова вслед за Б. Н. Путиловым видит ограниченность только такого подхода, сужение угла зрения для понимания процессов, происходящих в науке. Главным источником и объектом рассмотрения являются труды исследователей, создававшиеся в конкретно-исторических условиях. Прочитанные и перечитанные в историографическом ракурсе, они позволяют увидеть векторы движения науки, понять, как и в чьих исследованиях зревают идеи того или иного направления или школы, представить историю их становления, подъема или «затухания». И тогда биографический, точнее биобиблиографический материал, которым насыщена монография, оказывается органической составляющей полнокровной и объективной картины существования науки. Ее созданию подчинены и рассмотренные организационные формы, представляющие фольклористику в каждый конкретный период, – научные общества, исследовательские институты, специальные издания. Подробное освещение собирательно-экспедиционной работы обращает к проблемам изучения конкретных жанров и открытия новых регионов, роли и деятельности отдельных фольклористов, методам экспедиционной работы, менявшимся в связи с техническим прогрессом и расширением возможностей. Тем самым в орбиту исследования включается огромный документальный материал центральных и периферийных архивов, личных архивов ученых, хроники в журналах и периодической печати, отчеты множества конференций и экспе-

диций, доклады, выступления, протоколы и повестки дня разного рода научных собраний, мемуары, дневники, даже письма. Такой круг источников позволяет избежать однолинейности в оценках и представить широкий спектр жизни науки с полемиками и расхождениями взглядов порой в рамках одной школы или направления, отразить нередко обусловленные временем компромиссы и недостойные поведенческие жесты того или иного даже уважаемого и авторитетного ученого. Вместе с тем наличие огромного количества фактов, информированность автора исследования не привели к их описательности, они являются элементами, составляющими константы каждого периода, как и уже упомянутые биографии-«медальоны». И еще одно привлекательное качество этого исследования: строгое научное изложение соединяется порой с вкраплениями мемуарного или эпистолярного свойства (как, например, 10 заповедей этнографа Л. Я. Штернберга из Дневника Н. И. Гаген-Торн).

Первый, самый большой раздел монографии «Фольклористика в 1900–1916 гг.», начинается с полемики с М. К. Азадовским, который в завершающей главе своей «Истории русской фольклористики» рассматривает эпоху конца XIX – начала XX века «как время упадка и измельчания», когда в науке проявляются «открыто выраженные реакционные настроения», «господствуют эмпиризм, формализм, тенденции “науки для науки”» [1; 261–262]. Противопоставляя свою точку зрения, Т. Г. Иванова пишет: «Предоктябрьская эпоха в фольклористике, на наш взгляд, – это высшая точка в развитии всей дореволюционной науки. <...> Фольклористика... начала XX века представляет собой именно развитую, многонаправленную систему» (с. 17). Каждая из 9 глав первого раздела служит доказательством этого. Особо представляя «Основные учреждения и издательские центры фольклористики» (название главы), подробнейшим образом рассматривая состав, структуру, деятельность каждого из них, начиная с Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук (ОРЯС) и Русского географического общества (РГО), заканчивая научными обществами неуниверситетских городов и краеведческими научными обществами, Т. Г. Иванова показывает, что множественность организационных структур и децентрализация позволяли фольклористике осознавать себя научной дисциплиной, имевшей и осуществлявшей разносторонние задачи (собирательские, исследовательские, архивные, просветительские). Отдельная глава («Собирательно-экспедиционная деятельность») посвящена полевой практике начала XX века, когда продолжала формироваться главная база фольклористики – тексты произведений народной словесности. Описываются наиболее значимые экспедиции и их результаты, воплотившиеся в сборниках, которые стали классическими: «Бело-морские былины» А. В. Маркова, «Архангельские былины» А. Д. Григорьева, «Северные сказ-

ки» Н. Е. Ончукова, «Великорусские сказки Пермской губернии» и «Великорусские сказки Вятской губернии» Д. К. Зеленина. Осмысление методологических установок, которыми руководствовались собиратели, дает возможность говорить о формировании нового типа экспедиций, фиксировавших не один какой-либо жанр, а всю фольклорную традицию края (например, Кирилло-Белозерская экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых), о «пределах» точности и несовершенстве при записях текста в тот период. Справедливо, что главная константная составляющая этого раздела – школы и направления. Восемь параграфов 3-й главы отведены тому, какие проблемы и в трудах каких ученых начала XX века продолжают доктрину «исторической школы» и ее главы В. Ф. Миллера, полемике А. В. Маркова с В. Ф. Миллером об интерпретации былинных сюжетов «Камское побоище» и «Илья Муромец и Сокольник», диалогу внутри школы между С. К. Шамбинаго и А. С. Якубом; как в недрах «исторической школы» проросла миграционная экзегеза «школы заимствования». Большая глава посвящена судьбе идей корифея русской гуманитарной науки А. Н. Веселовского, опередившего свое время и по-настоящему востребованного лишь во второй половине XX века, когда его трудам стало «суждено масштабное и разностороннее влияние на отечественную мысль о традиционной культуре» (с. 172).

Фольклористику названного периода обогащали и идеи «финской школы» (географо-исторический или историко-географический метод), методология которой предусматривает тщательный учет всех вариантов, расчленение сюжета на мотивы, статистические подсчеты. В рамках этой методологии и появился «Указатель сказочных сюжетов Анти Аарне», инициировавший каталогизацию русских сказок.

Очень важным достижением фольклористики этого периода Т. Г. Иванова считает развитие этнологического направления, сопрягающего в себе мифологию с этнографией. Особое внимание уделено трудам Д. К. Зеленина, который первый в русской науке повернул фольклористику к обряду и утвердил собой новый тип исследователя – фольклориста-этнографа. Большие потенциальные возможности этого направления Т. Г. Иванова видит в работах его последователей, в частности создателя современной этнолингвистики Н. И. Толстого.

Называя этномусыковедение специальной дисциплиной, достойной стать предметом отдельного исследования, Т. Г. Иванова тем не менее посвящает ему и в первом, и во втором разделе специальные главы, где рассматривает становление, развитие организационных форм и вклад в науку и культуру отдельных представителей этномусыковедения (А. Л. Маслова, Е. Э. Линевой, И. С. Тезавровского и др.).

Завершается первый раздел главой «Фольклор в культурной жизни страны начала XX ве-

ка», в которой идет речь о концертах сказителей (И. Т. Рябикина и М. Д. Кривополеновой), организованных просветителями – учителем П. Т. Виноградовым и актрисой О. Э. Озаровской, о просветительской деятельности московских учреждений и начавшем свою жизнь хоре М. Е. Пятницкого.

Все представленное в первом разделе дает основание автору книги резюмировать, что фольклористика периода 1900–1916 годов развивалась естественно и «занимала заметную нишу в культурной жизни страны» (с. 249).

Второй раздел книги, состоящий из 6 глав, посвящен следующему (с 1917 по 1928 год) периоду, который, по мнению Т. Г. Ивановой, был одним из самых плодотворных в истории отечественной фольклористики и был назван вторым «серебряным веком» русской культуры. И вновь документированный материал убеждает в том, что фольклористика этого периода унаследовала от дореволюционной науки разветвленность учреждений, занимавшихся изучением устной народной поэзии. Обстоятельно рассмотрена деятельность фольклористических центров Петрограда (Ленинграда) и Москвы, сыгравших определяющую роль в развитии науки о традиционной культуре: это прежде всего труды научных сообществ, заседания, доклады и сообщения их участников – как ведущих, так и рядовых. Именно так освещена работа Сказочной комиссии РГО, этнографического факультета географического института ЛГУ, Института по изучению литератур и языков Запада и Востока, крестьянской секции Российской государственного института истории искусств, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕА и Э), фольклорной подсекции Российской государственной академии художественных наук (РАХН/ТАХН). Вместе с тем при всей важности ведущих учреждений и их деятельности в Петрограде и Москве российская фольклористика, считает Т. Г. Иванова, не достигла бы столь заметных результатов без региональной фольклористики, основой которой были вузовская наука и краеведение. Представленная в книге фольклористическая деятельность Тверского пединститута, Саратовского, Пермского, Иркутского университетов, Восточно-Сибирского отделения РГО, Костромского научного общества изучения местного края, Вологодского общества изучения Северного края убеждает в значимости для фольклористики краеведения, тесно смыкавшегося с вузовской наукой в первое послеоктябрьское десятилетие.

Особую важность имеют главы второго раздела (третья и четвертая), в которых раскрываются теоретические направления 1920-х годов. Исследовательскую многозвучность отражают как продолжавшие существовать старые методы и школы, так и вновь возникшие. Выход из кризиса, который переживала «историческая школа», братья Соколовы видели в усилении социо-

логического аспекта в изучении былин и утверждении историко-социологического метода. Заметим, что социологический метод, о котором в монографии идет речь несколько позже, интерпретируется и оценивается Т. Г. Ивановой критически: его потенции позволили сталинскому режиму объявить этот метод единственно правильным в противовес другим, «антимарксистским», что привело к созданию методологического вакуума и вульгарному социологизму.

Имя А. Н. Веселовского и его идеи, хотя и были популярными и интерпретировались в трудах его последователей, еще не были по плечу науке. Экзегеза «финской школы» нашла свое продолжение в трудах ученика В. Н. Андерсона Н. П. Андреева, создателя «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне». Органично, вне кризисных векторов, продолжало развиваться этнологическое направление, связанное прежде всего с именами Д. К. Зеленина (в 1927 году вышла его «Восточнославянская этнография»), В. Н. Харузиной, Н. Ф. Познанского, Е. Н. Елеонской. Выполняя в научном пространстве функцию сопряжения филологических и этнографических начал, оно способствовало сохранению идентичности фольклористики как самостоятельной научной дисциплины. Актуальной в 1920-е годы продолжает оставаться проблема сказительского начала в фольклорной культуре (глава «Изучение индивидуальности сказителя»).

«Свободное» развитие фольклористики в первое послеоктябрьское десятилетие Т. Г. Иванова объясняет тем, что именно в это время успели сформироваться несколько новых научных направлений, которых не было в дореволюционный период (глава 4 «Теоретические направления в исследованиях 1920-х годов. Новые методы и школы»). Аналитически представлено в монографии «абсолютно новое направление», каковым была «формальная школа», охватывавшая разные виды словесного искусства. Очевидная ограниченность для фольклористики деклараций этой школы, утверждавших необходимость изучения того или иного явления вне этнических, бытовых и пространственных связей, не умаляет ее роли в науке о народной культуре. «Формальная школа» обратила исследователей к форме устно-поэтических произведений и внесла огромный вклад в изучение поэтики фольклора. В монографии есть «Общий обзор трудов „формальной школы“» (отдельный параграф), самостоятельный параграф посвящен А. П. Скафтовому и его книге «Поэтика и генезис былин». Как ответвление «формальной школы» Т. Г. Иванова рассматривает структурный (структурологический) метод, для приверженцев которого из всей суммы элементов поэтики устно-поэтических произведений главными оказываются вопросы композиции. Под этим углом зрения интерпретируются книга Н. Ф. Познанского о заговорах, сказковедческие труды Р. М. Волкова, А. И. Никифорова, знаменитая «Морфология сказки» В. Я. Проппа.

Созданию многоплановой картины существования фольклористики 1920-х годов способствует то, что в монографии изучаются не только главные направления развития, но и ее периферийные либо малоизвестные, либо забытые или долго находящиеся под запретом явления и факты. Оказывается, что в этот период ростки фрейдистской мысли имели место в работах этнологов (Л. Я. Штернберг), а В. П. Адрианова-Перетц в октябре 1929 года в Государственном институте истории искусств прочитала доклад «Символика сновидений Фрейда и русская народная загадка», ставший позже статьей. Появились работы философа-богослова Е. Н. Трубецкого, в частности его статья «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» (1922), идеи которой оказались востребованными лишь во второй половине XX века.

Несомненное достоинство монографии заключается в том, что в ней большое внимание уделено выделившейся в самостоятельную область научного знания «этнографии детства», вкладу в изучение мира детства Г. С. Виноградова, деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку при РГО и особо О. И. Капицы.

Третий раздел книги «Фольклористика в 1929 – первой половине 1941 г.» посвящен одному из наиболее драматических, одиозных и вместе с тем неоднозначных периодов. Это период, как пишет исследовательница, утверждения «господства преступного сталинского режима» и «безусловного господства идеологического диктата». И впервые не в отдельных эпизодах, событиях и фактах, а в сложном их переплетении, во всех пагубных последствиях для фольклористики этот период предстал в документированном и обнародованном изложении... В первой главе прослеживается, как менялась деятельность основных фольклористических учреждений в результате их реорганизации, преобразований, смены руководства, свертывания работы. Закрытие в 1937 году Центрального бюро краеведения СССР было по сути завершением его разгрома, начатого в конце 1920-х годов. Вопиющие факты содержит вторая глава этого раздела – «Фольклористы и сталинские репрессии»: это судьбы более 150 академических ученых (среди них Н. Е. Ончуков, М. М. Зимин, В. Я. Пропп, В. Ф. Ржига, В. Н. Перетц, М. Н. Сперанский, Н. И. Кравцов, Н. И. Гаген-Торн, П. С. Богословский) и множества краеведов-любителей. Особо выделены аресты 1937–1938 годов в Карелии: Н. Н. Виноградова, И. М. Дурова, А. Н. Нечаева.

Одно из следствий идеологического диктата для фольклористики – сужение методологической базы науки о «живой старине». Многообразие методов и подходов заменилось единой позицией, определяемой марксистско-ленинским пониманием культуры. Состоявшиеся дискуссии, съезды, постановления, выполняющие функции управления научными процессами, приводили к прекращению деятельности научных школ и на-

правлений (разгром «исторической школы», исчезновение этнологического направления, лишение этнографии статуса самостоятельной науки, запрет на многие темы и жанры). Насаждавшийся тезис о расцвете фольклора в советскую эпоху диктовал приоритетное внимание к фольклору победившего пролетариата, Октября, Гражданской войны, колхозного строительства. Утверждению фольклористики как одного из инструментов в создании идеологических мифов способствовала допустимость вмешательства ученых в фольклорные процессы. Это проявилось в методах работы со сказителями. Узаконивалось немислимое в науке всех предшествующих лет – сотрудничество собирателя со сказителями, результатами которого явились такие многочисленные фальсификации, как плачи, плачи-сказы, новины, новины-поэмы, советские сказки, посвященные деятелям партии, советского правительства, политическим событиям. Сформировался канонический «цитатник» из высказываний не только классиков марксизма-ленинизма, но и русской революционной демократии, которым ученые руководствовались на протяжении 1930–1960 годов.

Тем не менее, как свидетельствуют факты, в фольклористике этого периода происходило немало позитивного. При всех издержках велась большая экспедиционно-собираТЕЛЬская работа, в которой участвовали приобретшие известность фольклористы А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова. Впечатляющими были результаты деятельности собирателей Карельского научно-исследовательского института, воплотившиеся в такие издания, как «Сказки Карельского Поморья» (М. М. Коргуева), записанные А. Н. Нечаевым; «Сказки Ф. П. Господарева», записанные Н. В. Новиковым; «Русские плачи Карелии» М. М. Михайлова; «Былины Пудожского края» Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. На Архангельском Севере былины собирает Н. П. Леонтьев и издает «Печорский фольклор». А. М. Новикова открывает воронежскую сказочницу А. К. Барышникову («Сказки Куприянихи»), в Саратовской области Т. М. Акимова издает «Сказки Саратовской области», в Сибири выходят «Сказки Красноярского края» под редакцией М. К. Азадовского.

В это время открываются и формируются фольклорные архивы, среди которых Т. Г. Иванова выделяет особо три: архив Пушкинского Дома, Государственного литературного музея и Карельского филиала РАН (последний «занял одно из ведущих мест в фольклористической архивистике»). Из позитивных моментов в развитии фольклористики рассматриваемого периода Т. Г. Иванова называет исследования по проблеме индивидуальности сказителя (и снова особо выделен вклад Карелии: «Открытие феномена народного сказителя в русской фольклористике состоялось именно благодаря Заонежью» (с. 616)); появление первого, ставшего

событием для своего времени, учебника «Русский фольклор» Ю. М. Соколова, издание В. М. Жирмунским «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского и др.

Новаторским является последний, четвертый, раздел монографии «Русская зарубежная фольклористика в 1920–1930 гг.». Впервые в таком обобщенном виде предстала одна из важных составляющих отечественной фольклористики. Раскрывая интенсивную собирательскую работу в Латвии, Т. Г. Иванова подробно пишет о жизни и деятельности таких ученых, как И. Д. Фридрих, Н. Г. Козырев (Бережанский), И. Н. Заволоко. Глава «Фольклористика в эмигрантских научных и культурных центрах» рассматривает деятельность одного из основателей Пражского лингвистического кружка Н. С. Трубецкого, историка и филолога П. М. Бицилли; русскую фольклористическую мысль в Чехословакии, где поселились эмигранты из России Е. А. Ляцкий, Ю. А. Яворский, А. Д. Григорьев. Отдельная глава посвящена тому, как и в каких трудах русская зарубежная наука отражала основные фольклористические направления и школы. Наконец, совершенно самостоятельное место отведено судьбе и деятельности П. Г. Богатырева, методологическому потенциалу его исследований, которые не были своевременно востребованы отечественной наукой.

Завершающее монографию «Вместо заключения» корреспондирует к ее «Введению», с которым оно связано концепцией периодизации. Как уже отмечалось, Т. Г. Иванова выделяет семь периодов в развитии фольклористики XX века, три из которых составили содержание книги. Что касается последующих, то Т. Г. Ивановой обозначены главные вехи каждого: третий-пятый периоды – 1929–1957 годы – представляют определенное единство, обусловленное эпохой абсолютного господства тоталитарного сталинского режима; шестой – 1958–1986 годы – высвобождение науки об устной народной культуре из-под идеологического гнета. Этот период вбирает в себя и хрущевскую «оттепель», и брежневский «застой» и завершается временем «перестройки». Главные события этого периода: IV Международный съезд славистов 1958 года, выход в свет монографии В. Я. Проппа «Русский героический эпос» и переиздание его «Морфологии сказки», издание трудов сравнительно-исторического характера В. М. Жирмунского, экспедиции Н. И. Толстого и его учеников. Седьмой период – с 1987 года – период идеологического раскрепощения фольклористики, когда фольклор стал пониматься как явление народной культуры, имеющее три составляющих: систему мифологических представлений, систему обрядов (сближение с этнографией), систему жанров. Важными тенденциями этого периода являются возвращение в науку классических жанров, некогда исключенных из ее поля зрения по идеологическим мотивам; расширение

фольклорного поля за счет жанров, находившихся под запретом; включение проблем народного православия.

Монография не содержит завершающего момента, поэтому она требует продолжения. Имеющаяся у автора концепция обнадеживает.

Качество монографии обеспечивают ее без преувеличения огромная библиографическая

база, превосходный блок фотографий, в том числе редких, ученых-фольклористов и имеющиеся элементы научного аппарата. Появление этого капитального исследования по истории русской фольклористики, изданного одним из самых авторитетных академических издательств «Дмитрий Буланин», – несомненное событие для современной фольклористики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. М., 1963. Т. 2.
2. Земцовский И. И. Героический эпос жизни и творчества Бориса Николаевича Путилова. СПб., 2005.

УДК 398(47)

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. / Ю. В. Розанов. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 267 с.

Научный интерес к творчеству русского писателя А. М. Ремизова (1877–1957) возрастает с каждым годом как в отечественном, так и зарубежном литературоведении. Выход в свет собрания сочинений Ремизова [5], монографий российских и зарубежных исследователей: А. М. Грачевой [1], Гр. Слобин [7], Е. Обатниной [4] и других, конференции в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, посвященные творчеству писателя, – таковы лишь некоторые наиболее заметные проявления этого интереса.

Монография Ю. В. Розанова занимает в этом ряду достойное место. В ней подводятся итоги многолетним размышлениям автора о фольклоризме Ремизова: одна из ранних научных работ исследователя на эту тему была опубликована еще в 1982 году [6].

Научная новизна рецензируемого исследования заключается в том, что фольклоризм Ремизова как целостная система до сих пор не был предметом специального анализа, хотя о благотворном влиянии фольклора на Ремизова – в самом общем ключе – писали многие. В монографии исследуются сочинения Ремизова, написанные на зырянском материале (Глава 1), сборники «Посолонь» (Глава 2) и «К Морю-Океану» (Глава 3). Разумеется, круг ремизовских сочинений, основанных на фольклорных источниках, гораздо шире (ср.: «Докука и балагурье», «Сибирский пряник» и т. д.). Но исследователь вынужден

был ограничиться наиболее репрезентативными для данной темы произведениями, и выбор его вполне удачен.

Книга Ю. В. Розанова произвела на меня исключительно положительное впечатление, поскольку она полностью соответствует моим собственным представлениям о научной методологии, о путях анализа художественного текста. Установление источников произведений, текстологический сравнительный анализ авторского текста и его источника, изучение творческой истории произведения, методика «медленного чтения», внимание к мельчайшим деталям текста, конкретность выводов, прекрасное знание эпохи, биографии писателя, литературы русского символизма, позволяющее установить едва различимый подтекст в анализируемых сочинениях, – таковы несомненные достоинства этой научной методологии.

Как показал Ю. В. Розанов, основная сфера интересов Ремизова в области фольклора – низшая мифология. Пытаясь воссоздать эту мифологическую систему в своих произведениях, Ремизов опирался на труды русских фольклористов-мифологов (прежде всего А. Н. Афанасьева) и на идеи символистов о реконструкции мифа и «сборном» характере творчества. Особенностью ремизовского фольклоризма является также синтез художественного творчества и науки (этнографии, фольклористики): свои сочинения писатель снаб-

жал своего рода «научным» комментарием с указанием тех источников, которыми он пользовался. К отечественному фольклору и мифологии Ремизов пришел через традиционную культуру коми-зырян. Исследователь подробно анализирует ранние сочинения Ремизова, написанные на зырянском материале («Плач девушки перед замужеством», «Омель и Ен» и др.). Интересен вывод о том, что уже в этих текстах сформировались представления Ремизова о дуалистической модели мироздания, которая является «основой мировоззрения писателя, его особой религиозности» (с. 43). Главы, посвященные «Посолони» и «К Морю-Океану», в какой-то мере повторяют композицию этих сборников. Ю. В. Розанов последовательно анализирует входящие в состав этих книг миниатюры (как будто повторяет путешествие ремизовских героев), но всегда помнит об общем сюжете, предлагает интересные историко-литературные экскурсы. Ю. В. Розанов убедительно доказывает, что книгу «К Морю-Океану» следует рассматривать «как попытку создать сводный текст по народной демонологии, своего рода новые “Поэтические воззрения славян на природу” (сочинение А. Н. Афанасьева. — А. II.), собственно поэтическим компонентом которых должен стать современный символизм» (с. 177–178). Монография Ю. В. Розанова представляет собой собрание микроисследований, конкретных частных наблюдений и открытий. При этом работа не рассыпается, не превращается в мозаику, поскольку скреплена внутренней логикой и четкими выводами и обобщениями. Анализ всех ремизовских сочинений предвзвешен подробным историографическим обзором современной Ремизову критики и новейших научных работ, сведениями о творческой истории текстов, изложением тех исторических и биографических обстоятельств, которые вызвали к жизни эти сочинения. Произведения Ремизова анализируются в контексте литературы русского символизма, эстетики и мифопоэтики Серебряного века (творчество Вяч. Иванова, А. Блока, М. Волошина, В. Брюсова и других писателей). В монографии содержатся также интересные выводы о влиянии научных работ русских фольклористов XIX века (А. Н. Веселовского, А. Н. Афанасьева и других) на развитие «неомифологизма» в русской художественной литературе.

Большой исследовательской удачей необходимо признать установление реального (автобиографического, исторического) слоя в анализируемых сочинениях. Методика «медленного чтения» позволяет открыть в малозначимой на первый взгляд детали очень емкий, актуальный для писателя смысл. Так, в рассказе «Летавица» Ю. В. Розанов подробно комментирует образ мальчика-собачки. По мнению исследователя, у этого образа имеется реальный прототип — поэт В. Хлебников. Ю. В. Розанов излагает историю творческих взаимоотношений Ремизова и Хлебникова. Сделанное им предположение документально обосновано, причем скрупулезно коммен-

тируется каждая деталь — от «песьеголовости» персонажа до его немоты. В образе Волка в «Ночи темной» исследователь усматривает аллюзию на одного из лидеров левых эсеров Б. В. Савинкова, Слона Слонович — это шарж на Ю. Н. Верховского и т. д. В одном случае Ю. В. Розанов предполагает даже художественное предвидение Ремизовым реального события. В дарственной надписи в одном из экземпляров «Посолони» Ремизов назвал М. В. Волошину-Сабашникову «Царевной Капчушкой» и тем самым предсказал ее личную драму (ее «странный роман» с Вяч. Ивановым и распавшийся брак с М. Волошиным) (с. 136–137). Из монографии Ю. В. Розанова выясняется, таким образом, что сказочно-мифологический мир и мир реальный причудливо совмещены у Ремизова: исторические лица обнаруживают в себе черты сказочных персонажей, а фольклорные персонажи оказываются масками, за которыми скрываются друзья, родственники и собраты Ремизова по писательскому цеху. Многочисленны также «маски», которые писатель выбирает для себя: он и «кикимора», и Котофей Котофеич, и Козел. Автобиографический подтекст имеют темы «собачьей доли», путешествия к морю (несостоявшаяся поездка писателя на Белое море) и многие другие.

Установление *всех* фольклорных и древнерусских цитат и аллюзий в сочинениях Ремизова не входило в задачу исследователя — и это вполне понятно, поскольку иначе монография превратилась бы в свод цитат и комментариев к ним (такую работу, впрочем, было бы полезно проделать для возможного научного переиздания сочинений Ремизова). В то же время комментарии Ю. В. Розанова к отдельным ремизовским текстам хочется дополнить. Так, в нескольких сказках «Посолони» встречается образ Козы, в котором, как считает Ю. В. Розанов, содержится намек на М. М. Замятину, домоправительницу Ивановых (с. 172). Однако этот образ имеет и вполне конкретный фольклорный источник — сказку «Коза, коза, лубяные глаза», известную писателю, по-видимому, по сборнику А. Н. Афанасьева [3; 216]. В ремизовской сказке «Ночь темная» приводится цитата из этого источника: «Ушла Коза в горы. Черви выточили горы. Червей поклевали птицы» [5; Т. 2, 45]. В сказке «Ночь темная» Ремизов предложил свою версию международного сюжета о «мертвом женихе» (с. 132–137). По-видимому, включение в число интертекстуальных ассоциаций народной сказки о козе было важным для Ремизова по той причине, что в ней содержится сходный мотив: «А девки-то где? — Замуж выскакали. — А мужья-то где? — Все примерли». Народная сказка о козе, как считает современный фольклорист, имеет своими источниками обряды колядования и святочного шествия с козой [2; 32–46]. Вопросно-ответная форма сказки передает мотив движения, который является сюжетообразующим и в ремизовской «Посолони».

Ю. В. Розанов приходит к справедливому выводу о том, что одним из основных источников книги «К Морю-Океану» является Слово о полку Игореве (с. 247). Исследователь скрупулезно фиксирует цитаты из Слова о полку Игореве и объясняет их художественный смысл. Однако по крайней мере одна цитата осталась непрокомментированной. Обращаясь к Алалею и Лейле, Каменная Баба из одноименной сказки Ремизова произносит следующие слова: «Да вот тоже, непоседы вы, все-то бродите, знаю вас, не впервой вас вижу: с Волхом рыскали, помню...» [5; Т. 2, 144]. Слова «с Волхом рыскали» заманчиво прочитать как неточную цитату из Слова: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь *вльком рыскаше*: из Кыева дорискаше до кур Тматороканя». Замену слова «вльком» на «волхом» можно интерпретировать как ремизовскую конъектуру, в основе которой лежит Повесть временных лет: Всеслав Полоцкий родился «от влхвования». Намек на Всеслава Полоцкого может быть прочитан и в ремизовской сказке «Лютые звери» (с. 246). Если наше предположение верно, то в символический образ Каменной Бабы у Ремизова включена ал-

люзия на Тматороканского идола. Соответственно, море, к которому стремятся дети в этой сказке, – это Черное море. Дети направляются к Белому (с. 163) и к Черному морю одновременно, на юг и на север, что служит созданию многомерного, универсального фольклорно-мифологического ландшафта.

Сказанное ни в коем случае не следует воспринимать как критику. Исследователь имеет право на то, чтобы ограничиться в своих комментариях тем материалом, который считает наиболее важным для раскрытия темы. Предложенный автором метод «дешифровки» ремизовских текстов, установления цитат и аллюзий не может не увлечь заинтересованного читателя. Работа Ю. В. Розанова изобилует очень глубокими и точными наблюдениями общего и частного характера. Необходимо отметить высокую степень «плотности» текста: в монографии нет ничего лишнего, каждое предложение информативно. Работа Ю. В. Розанова – это серьезный вклад в изучение творчества А. М. Ремизова, поэтики русского символизма, «неомифологизма» XX века, взаимосвязей фольклора и литературы как теоретической проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000.
2. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск, 2001.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1986. Т. 3.
4. Обатнина Е. А. М. Ремизов: личность и творческие практики писателя. М., 2008.
5. Ремизов А. М. Собрание сочинений: В 10 т. М., 2000–2002.
6. Розанов Ю. В. Народная драма о царе Максимилиане в пересказе Алексея Ремизова // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1982.
7. Слобин Грета Н. Проза Ремизова 1900–1921. СПб., 1997.

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

преподаватель, сотрудник фольклорной лаборатории при кафедре литературы историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии

Рец. на кн.: Логинов К. К. Сборник полевых этнографических опросников: Учебно-методическое пособие / К. К. Логинов. – СПб., 2007. – 70 с.

Каждый, кто хоть однажды участвовал в полевой собирательской работе, будь то этнограф или фольклорист, понимает, что успех работы во многом зависит от использования грамотно составленного опросника.

Составление программ для собирания сведений о различных сторонах жизни крестьянского населения в России имеет достаточно давнюю историю. Так, уже в первой половине XIX века в олонечкой периодике публиковались программы по собиранию фольклора. Затем, в преддверии крестьянской реформы 1860-х годов и позже, в конце XIX столетия, подобные программы были составлены и разосланы в массовом порядке по губерниям Российской империи.

Индивидуальные программы (для удобства часто называемые «опросными листами» или «опросниками») составляются исследователями с целью собирания в полевых условиях материала по какой-либо теме. Примером подобного опросника может служить программа для сбора сведений по родильной обрядности, составленная В. Н. Харузиной, собиравшей этнографические материалы в Пудожском крае Олонечкой губернии в 1880 году. В советский период с персональными опросными программами выезжали в экспедиции в Карелию академические ученые,

преподаватели вузов и студенты. Для широкого их применения подобные программы публиковались до конца 1980-х годов ([6], [7]).

В наши дни интенсивность публикаций опросных программ возросла, что связано с активной деятельностью фольклорно-этнографических экспедиций ученых и студентов. Иногда эти программы печатают центральные научные журналы (см. [9]), но чаще – университетские издания, заинтересованные в улучшении качества полевой практики своих студентов и аспирантов. В числе организаций, поддерживающих подобные публикации, можно назвать кафедру русского фольклора РГГУ в Москве (см. [1], [2], [3]), факультет этнологии Гуманитарного университета в Санкт-Петербурге (см. [4]), кафедру этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ (см. [5], [8]), которая, кстати, опубликовала и рецензируемую работу.

Составленный К. К. Логиновым «Сборник полевых этнографических опросников» включает в себя программы опроса информантов по традиционной семейной обрядности, народной пище, а также по сбору материалов среди традиционных и современных магических специалистов русского, карельского и вепсского населения Карелии и сопредельных территорий.

В разделе, посвященном семейным обрядам и традициям, представлены четыре блока вопросов по родильно-крестильной, свадебной, «рекрутской» и похоронно-поминальной обрядности. Их особенностью является широта и подробность опросных программ, что выражается, в частности, в наличии вопросов, касающихся ритуальных предпосылок успешного вступления в брак, рождения ребенка, прохождения службы (в армии или на войне), удачного перехода из мира живых в мир мертвых. В составлении опросника по свадебной обрядности, помимо автора, принимала участие фольклорист В. П. Кузнецова, а в составлении опросника «Проводы в армию (на войну)» – Ж. В. Кормина.

Особенностью раздела опросника по народной пище является классификация вопросов, исходя из особенностей приготовления блюд (выпечные изделия, жидкие блюда, вторые блюда, напитки и т. д.), а не из основного пищевого ингредиента (блюда из репы, из рыбы и т. д.), как это имеет место в «опросных листах» других составителей. Такая классификация облегчает пользователям написание итогового полевого отчета по народной пище этноса или его территориальной группы.

Раздел опросника по сбору материалов среди традиционных и современных магических специалистов является инновационным. Он позволяет собирать материал не только о личности конкретных магических специалистов, но и в целом по традиционному знахарству, колдовству и ведовству, современному целительству, различным

способам гаданий и предсказаний в прошлом и современности. Во главу определения, кем является магический специалист (знахарем-шептуном, колдуном, ведуним и т. п.), автор ставит «самохарактеристику» магического специалиста, определение им того «источника силы», который якобы помогает ему в целительской и магической практике. Этот раздел снабжен обширным предисловием-рекомендацией автора, как должен себя вести собиратель со столь сложными информантами, чего нужно тщательно избегать в работе. К. К. Логинов предлагает разные методы собирания магического материала. В последний раздел этой части помещен опрос лиц духовного звания, содержащий небольшое количество вопросов, нацеленных на сбор информации о православном целительстве (исцеление по чьей-либо молитве, от воздействия церковных ритуалов, посещения святых мест), а также о необычных случаях при отпевании экстрасенсов и колдунов и об отношении информанта к дару христианской «прозорливости» и альтернативному целительству и ясновидению.

Несмотря на то что опросник К. К. Логинова адресован в первую очередь студентам исторического факультета, его использование будет уместно и в работе профессиональных фольклористов и этнографов, а также студентов-филологов в рамках курса «Методика собирания фольклора» и прохождения учебной полевой практики. К сожалению, пособие не лишено ряда технических недоработок, что может быть исправлено при переиздании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002.
2. Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2003.
3. Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004.
4. Европейский университет в Санкт-Петербурге. Факультет этнологии: антропология, фольклористика, лингвистика. СПб., 2001. Вып. 1.
5. Историческая этнография Северо-Запада России. СПб., 2004.
6. Кремлева И. А. Программа сбора материалов по похоронно-поминальным обычаям и обрядам // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 307–327.
7. Листова Т. А. Программа сбора материалов по обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 292–307.
8. Международная научная конференция «Полевая этнография-2006». СПб., 2007.
9. Программа сбора этнографических материалов по теме «Православие и русская народная культура» // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.

V РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

УНИВЕРСИТЕТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА: ОПЫТ, ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Петрозаводский государственный университет

16–17 февраля 2010 года

Контактная информация:

Петрозаводский государственный университет,
факультет повышения квалификации

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 204.
Тел.: (8142) 71-96-41, (8142) 71-10-95
Факс: (8142) 71-96-41

E-mail: fpk@psu.karelia.ru

ХРОНИКА

■ 26 июля 2009 года, в день Конституции Республики Дагестан, заведующему кафедрой русского языка филологического факультета ПетрГУ, доктору филологических наук, профессору З. К. Тарланову была присуждена Государственная премия Республики Дагестан.

Премия Республики Дагестан в области науки присуждена Замиру Курбановичу за монографии по кавказоведению: «Агулы: их язык и история», «Агульские песни и пословицы», «Общевосточный лексический фонд и северокавказские языки». Эти и другие работы З. К. Тарланова по значимости научных результатов не имеют аналогов в отечественном и зарубежном языкозна-

нии, они вызвали большой интерес исследователей Оксфордского, Миланского, Берлинского и других зарубежных университетов.

Диплом и почетный знак лауреата лично вручил президент Республики Дагестан М. Г. Алиев.

От всей души поздравляем Замира Курбановича и желаем дальнейших научных успехов!

■ 19–22 октября 2009 года на базе ПетрГУ состоялась международная научная конференция «РОССИЯ И ФИНЛЯДИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: 1809–2009».

Конференция организована при поддержке Общественной палаты РФ, Государственного совета Финляндской Республики, Правительства Республики Карелия, Губернского правления Оулу, Российского гуманитарного научного фонда, Совета министров Северных стран.

В форуме приняли участие более 150 представителей научных и образовательных центров, органов государственной власти и общественных организаций России, Финляндии и Швеции. На пленарном заседании, которое открыл президент ПетрГУ, профессор В. Н. Васильев, с приветственным словом выступили: ректор ПетрГУ, профессор А. В. Воронин, вице-премьер правительства РК А. С. Колесов, статс-секретарь Государственного совета Финляндской Республики Ристо Воланен, директор Второго Европейского департамента МИД РФ П. М. Кузнецов, заместитель председателя Комиссии по сохранению культурного и духовного наследия Общественной палаты РФ Е. К. Зелинская, заместитель председателя РГНФ профессор В. Н. Захаров. На конференции были зачитаны приветственные слова министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и академика РАН, директора ИВИ РАН А. О. Чубарьяна.

На пленарном заседании были заслушаны доклады губернатора губернии Оулу Эйно Сиурайнена «Память о Финской войне 1808–1809 гг. и ее влияние на современное понимание истории», профессора ПетрГУ Л. В. Суни «200 лет автономии Финляндии. Начало пути», профессора Упсальского университета (Швеция) А. С. Кана «Шведская и финляндская историография Русско-шведской войны 1808–1809 гг.».

В рамках научного форума работали четыре секции:

- «Великое княжество Финляндское в составе Российской Империи (1809–1917)» (руководители: доцент ПетрГУ И. М. Соломеш; профессор университета Йоенсуу Тапио Хямюнен; доцент университета Хельсинки Мария Ляхтеенмяки; заместитель директора ИЯЛИ КарНЦ РАН, кандидат исторических наук О. П. Илюха);
- «Взаимоотношения РСФСР/СССР – Финляндии (1918–1944)» (руководители: доцент, декан исторического факультета ПетрГУ С. Г. Веригин; доцент университета Хельсинки Марку Кангаспуру; доктор исторических наук СПбИИ РАН А. И. Рупасов);
- «Сотрудничество СССР/РФ – Финляндии (1944–2009)» (руководители: кандидат исторических наук, руководитель научного центра ИВИ РАН А. А. Комаров; доцент университета Турку Тапани Паавонен);
- «Сохранение совместного историко-культурного наследия в Карелии и Финляндии» (руководители: профессор ПетрГУ Ю. М. Килин; заместитель председателя Карельского союза

Майя-Лииса Линдквист; исполнительный директор Карельского союза Сату Халленберг).

Участники конференции рассмотрели широкий спектр вопросов, затрагивающих 200-летнюю историю контактов России и Финляндии. Всего было представлено 80 докладов и сообщений. Материалы конференции напечатаны в сборнике «Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009», приветственные слова и тезисы пленарных докладов конференции публикуются далее в разделе «Хроника», часть докладов будет опубликована также в журнале «Международная жизнь».

В ходе обмена мнениями было отмечено, что современные добрососедские российско-финляндские отношения характеризуются интенсивным политическим диалогом, высоким уровнем торгово-экономических и культурных связей, а также непосредственным включением в сотрудничество регионов Северо-Запада России. В последние годы, после распада СССР и вступления Финляндии в ЕС, сложилась новая конфигурация отношений между Россией и Финляндией. Накоплен многообразный и богатый опыт взаимодействия между двумя странами, который позволяет с уверенностью смотреть в будущее, открывает новые направления сотрудничества в различных сферах политической, социально-экономической и культурной жизни в условиях многополярного мира.

По результатам дискуссий конференция приняла рекомендации, направленные на развитие сотрудничества между научными и образовательными учреждениями, общественными и некоммерческими организациями России и Финляндии, предусматривающие расширение контактов в научно-образовательной и культурной сфере путем государственного финансирования двухсторонних и многосторонних научно-исследовательских проектов, содействующие развитию академической мобильности, активизирующие проектную деятельность по подготовке совместных научно-образовательных программ в области истории и других гуманитарных наук.

Принято решение придать регулярный статус международной российско-финляндской междисциплинарной конференции «Россия и Финляндия в многополярном мире: история и современность» (с проведением каждые два года попеременно в России и Финляндии).

Получить более подробную информацию о конференции и увидеть фоторепортажи мероприятия можно на сайте ПетрГУ по адресу: <http://www.petrstu.ru/News/102009/index.html>

*С. Г. Веригин,
заместитель председателя Оргкомитета конференции,
декан исторического факультета ПетрГУ*

ПРИВЕТСТВИЯ ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009»

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей конференции.

Символично, что ваш форум проходит в год 200-летия образования финляндской автономии в составе Российской империи. Период Великого княжества Финляндского – одна из наиболее ярких страниц нашей общей истории, когда произошло формирование основ финской государственности и национального самосознания. Не случайно в Финляндии нынешний юбилейный год проходит под девизом «Начало строительства нации».

Сегодня Россия и Финляндия – не только добрые соседи, но и надежные партнеры, эффективно взаимодействующие как в двустороннем формате, так и на различных международных площадках. Укрепление таких связей является стратегическим курсом Российской Федерации.

Большое достижение наших народов в том, что мы можем открыто и спокойно говорить о прошлом, уважительно относясь друг к другу и не пытаясь искусственно перенести вопросы истории в плоскость современной политики.

Совместная история учит необходимости взаимного учета интересов. Широкое равноправное многоплановое сотрудничество, накопленный капитал деловых и гуманитарных связей – наше общее достояние, помогающее продвигать совпадающие интересы наших стран, будь то в сфере безопасности или перед лицом кризиса в мировой экономике и финансах.

Формирующаяся многополярность оказывает позитивное воздействие на международные отношения, избавляя их от предрассудков времен «холодной войны». Как и общность стоящих перед всеми государствами задач по солидарному реагированию на глобальные вызовы и угрозы, это создает дополнительные стимулы для нашей вовлеченности в европейские и мировые дела.

Уверен, что конференция внесет свой вклад в дальнейшее углубление взаимопонимания и доверия между нашими государствами, будет способствовать выработке идей, придающих ускорение продвижению вперед по различным направлениям российско-финляндского сотрудничества.

Желаю вам успешной, плодотворной работы и всего самого доброго.

*С. В. Лавров,
министр иностранных дел РФ*

В этом году широко отмечается 200-летие подписания Фридрихсгамского мира между Россией и Швецией, в результате которого Финляндия вошла в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского. Это событие положило начало становлению финской государственности.

Совсем недавно в Хамину непосредственно в день подписания мирного договора между Россией и Швецией (17 сентября) состоялось открытие российско-финляндской конференции, посвященной юбилейной дате. В тот же день участники конференции присутствовали на открытии памятника, возведенного в Хамине/Фридрихсгаме в честь двухсотлетнего юбилея этого важного для истории обеих стран события.

Российские и финляндские историки имеют давние традиции сотрудничества. Более сорока лет назад было положено начало организации двусторонних симпозиумов и семинаров ученых наших стран. В работе и организации этих научных контактов традиционно принимали активное участие историки из Института всеобщей истории РАН. В становлении советско-финляндского сотрудничества в области изучения истории принимал активное участие первый директор ИВИ РАН академик Е. М. Жуков. Эти научные встречи стимулировали научные исследования истории России и Финляндии в их взаимодействии друг с другом, позволили установить плодотворные научные контакты, а также просто способствовали возникновению в полном смысле этого слова дружеских отношений коллег из обеих стран, и эти связи сохраняются на протяжении десятилетий...

На конференцию, подготовленную на базе Петрозаводского государственного университета, собрались ведущие специалисты по истории Финляндии и российско-финляндских отношений. В своих докладах российские и финляндские участники конференции представили результаты своих исследований по истории как наших двух стран, так и двусторонних взаимоотношений на протяжении двух последних столетий. Эти отношения имели свои взлеты и падения, наши народы-соседи прошли не только через войны и периоды взаимных охлаждений, но и успешно торговали и сотрудничали, взаимно обогатили культуры друг друга. Уже более 65 лет наши страны строят свои отношения на базе дружбы и сотрудничества. Российско-финляндская граница в настоящее время является самой протяженной границей нашей страны со страной – членом Европейского союза, что придает нашим добрососедским отношениям еще одно измерение – Северное измерение, а если смотреть глобально, то можно говорить и о европейском измерении.

В заключение я хочу пожелать участникам конференции плодотворной работы и интересных дискуссий. Сотрудничество российских и финляндских историков может служить образцом успешной совместной работы историков двух соседних государств.

*А. О. Чубарьян,
академик РАН, директор ИВИ РАН*

Уважаемые участники конференции!

Мне выпала приятная обязанность приветствовать от лица финляндского государства сегодняшнюю конференцию, которая посвящена вопросам истории наших стран в период с 1809 года по настоящее время. В этом году исполняется 200 лет с того времени, как завершился длительный период вхождения Финляндии в состав шведского государства и мы получили автономию, став Великим княжеством в составе Российской империи. Эти события явились большой драмой для современников, но сегодня мы знаем: цепь этих событий сделала возможным движение Финляндии по пути к независимости, обретенной в декабре 1917 года.

Говоря о сегодняшних отношениях Финляндии и России, можно с уверенностью утверждать: в прошлом пережив многие, порой непростые этапы, мы стали добрыми соседями с длительным опытом сотрудничества. В соответствии с программой, принятой правительством Финляндии, Финляндия развивает активные, широкие и многоуровневые отношения с Россией, принимает активное участие в осуществлении политики Европейского сообщества в отношении России. Наши взаимоотношения развиваются как в области политики, экономики, государственного сотрудничества, так и в сфере открытого взаимного влияния в рамках гражданского общества. Межгосударственное сотрудничество происходит во всех областях управления, и взаимные связи прочны в разных сферах. Большое число двусторонних договоров и соглашений подтверждает прочность и широту этого сотрудничества. Активный, открытый и регулярный диалог происходит на уровне высшего руководства наших государств. Примерно через неделю в Санкт-Петербурге состоится встреча премьер-министра Финляндии Матти Ванханена и премьер-министра России Владимира Путина. Программой встречи предусмотрены переговоры, участие в лесном саммите и торжественное открытие Дома Финляндии в Санкт-Петербурге, приуроченное к 200-летию вхождения Финляндии в состав России. Политический диалог Финляндии и России затрагивает весь спектр наших двусторонних отношений и важнейшие вопросы международной жизни. Насыщена программа взаимных визитов представителей политического руководства. Стало традицией, что президенты, премьер-министры и министры иностранных дел наших стран встречаются друг с другом дважды в год. Министры, председательствующие в двусторонней комиссии по экономическому сотрудничеству, также встречаются, как правило, два раза в год. Регулярны и взаимные контакты других министров обеих стран. Велико экономическое значение России для Финляндии, и оно сохранится таким же в будущем. По итогам 2008 года Россия является важнейшим внешнеторговым партнером Финляндии, объем нашего внешнеторгового

оборота приблизился к 18 млрд евро. Внешнеторговый оборот между нашими странами стремительно увеличивался на протяжении ряда лет, однако его объем резко сократился вследствие экономического кризиса, начавшегося осенью 2008 года. Нам следует совместно работать, чтобы продолжить позитивное развитие. Общий объем финских инвестиций в экономику России уже превысил 5 млрд евро. Объем российских инвестиций в финскую экономику пока остается скромным. Наша нынешняя задача – искать новые решения и формы сотрудничества, например в области инноваций и лесном секторе.

Важным форумом экономического сотрудничества Финляндии и России является Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству, деятельность которой затрагивает все важнейшие сферы этого сотрудничества. Комиссия не занимается ведением торгово-экономических переговоров, ее работа благоприятствует торгово-экономическому климату, устраняет препятствия на пути торговли и инвестиций и содействует построению контактов между предприятиями.

Оживленная торговля, транспортные связи и туризм предполагают взаимные шаги, направленные на облегчение процедуры пересечения государственной границы между Финляндией и Россией на всем ее протяжении. Финляндия принимает активное участие в таможенном сотрудничестве Европейского сообщества и России. Эксперимент в области электронной передачи таможенных данных начался между Россией и ЕС в начале 2009 года. Количество грузовых автомобилей, пересекших в 2008 году государственную границу в пунктах Ваалимаа, Нуйямаа и Иматра, равняется примерно 1 млн. Это по большей части транзитные перевозки. Последствия мирового экономического кризиса коснулись объема автоперевозок между Финляндией и Россией, и их число значительно уменьшилось. Другие виды транспортировки товаров оказались в меньшей мере затронуты кризисом.

Большие возможности имеются для развития сотрудничества в области туризма. Количество посещающих Финляндию российских туристов значительно возросло. Число путешественников из России приближается к 2 млн человек в год, и доля России составляет четверть доходов, получаемых Финляндией от международного туризма. Потенциал развития российского туризма в Финляндию по-прежнему велик. Высокоскоростное железнодорожное сообщение между Хельсинки и Санкт-Петербургом начнется в конце следующего года. Время пути сократится до 3,5 часа. Предполагается, что благодаря возможности высокоскоростного движения утроится число туристов и бизнесменов, пользующихся этим маршрутом. Об оживленности контактов между гражданами наших стран говорят следующие цифры: почти 8 млн человек пересекли в прошлом году государственную границу, а представитель-

ствами Финляндии в России было выдано более 700 000 виз, большая часть из которых – многократные. Финляндия прочно занимает первое место по рассмотрению заявлений граждан России на получение шенгенских виз.

Финляндия и Россия активно сотрудничают в области культуры. Задача будущего – расширить поле деятельности Финляндско-российского культурного форума, чтобы, выйдя за рамки северо-западного региона России, она распространилась на другие регионы страны. Одновременно следует упрочить взаимное сотрудничество в областях культуры и экономики. Так будет создаваться конкретная основа Культурного партнерства Северного измерения, решение об образовании которого предполагается принять 12 ноября 2009 года на конференции по Северному измерению.

Уважаемые слушатели!

Уже в шведский период истории Финляндии финны и россияне вели торговлю друг с другом, несмотря на наличие границы. В период вхождения Великого княжества Финляндского в состав России граница, являясь исключительно таможенной, не затрудняла сотрудничества. После российской революции и обретения независимости Финляндией в 1917 году граница не оказалась полностью закрытой, хотя взаимное сотрудничество значительно сократилось.

В период 1970–90-х годов наши страны вели оживленную приграничную торговлю, а финские предприятия принимали участие в реализации масштабных проектов в Советском Союзе, в частности в Костомукше, Светогорске и Пяозере. Завязывались оживленные прямые побратимские и дружественные связи.

Новый этап сотрудничества Финляндии и России начался в 1992 году, когда был заключен межправительственный договор о сотрудничестве между Финляндией и Мурманской областью, Республикой Карелия, Ленинградской областью и Санкт-Петербургом. В государственном бюджете Финляндии ежегодно выделяются средства на поддержку проектов, осуществляемых в сотрудничестве с перечисленными приграничными территориями России. В настоящее время осуществляется около 200 совместных проектов. Приграничное сотрудничество изначально глубоко затрагивало различные сферы деятельности, например охрану окружающей среды, социальную защиту и здравоохранение, сельское и лесное хозяйство, образование, энергетику и транспорт. В период работы нынешнего правительства делается акцент на приграничном экономическом сотрудничестве. Особое внимание уделяется поддержке малого и среднего предпринимательства, созданию технопарков, повышению эффективности перевозок и логистики при пересечении границы. Опыт приграничного сотрудничества позитивен. Договор о сотрудничестве обеспечил возможность прямых контактов между официальными лицами, учреждениями, предприятиями и организациями.

Благодаря договору создается уникальная инфраструктура сотрудничества, в которую входят, в частности, общественные организации. Наше приграничное сотрудничество явилось образцом для программы приграничного сотрудничества Европейского сообщества, направленной, в частности, на развитие экономического взаимодействия по обе стороны границ ЕС. Это относится и к Республике Карелия, которая участвует в программе «Карелия».

Мне известно, что губернии Оулу и Лапландия, а также северные союзы общин поддерживают тесное прямое сотрудничество с приграничными территориями России. В рамках этого приграничного сотрудничества осуществляются многочисленные проекты в различных сферах. Высшие учебные заведения Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Мурманска и Архангельска соединены узами прямого, действенного сотрудничества с высшими учебными заведениями Оулу, Лапландии, Йёнсюу и другими вузами Финляндии. В качестве успешного примера сотрудничества в образовательной сфере можно назвать проекты «Cross Border University», в рамках которых университеты Финляндии и России осуществляют общие магистерские программы, ведущие к совместным исследованиям.

Постоянно меняющиеся международные условия рожают новые структуры сотрудничества, примером которых может служить концепция Северного измерения ЕС. В области экологии осуществляются многие успешные совместные проекты, например проект юго-западных водочистных сооружений в Санкт-Петербурге. Под эгидой Северного измерения работают Северные региональные советы, в частности Евроарктический совет Баренц-региона. Деятельность Арктического совета и Совета министров Северных стран также направлена на развитие сотрудничества в регионе. Деятельность всех структур международного сотрудничества, реализацию всех проектов следует взаимно согласовывать во избежание действий, которые дублируют друг друга. Республика Карелия активно участвовала и участвует в работе Совета Баренц-региона, в особенности в период своего председательства в 2005–2007 годах. В это же время Финляндия председательствовала в межправительственном Евроарктическом совете Баренц-региона. Мы желаем, чтобы сотрудничество продолжалось и развивалось в рамках различных форумов во имя утверждения всеобщего благополучия граждан Финляндии и России по обе стороны границы. Я уверен: эта конференция послужит этому стремлению каждой из сторон. Поэтому желаю успеха конференции, всем выступающим и всем участникам.

*Ристо Воланен,
Статс-секретарь Государственного
совета Финляндии*

(Пер. с фин. А. Машина)

ТЕЗИСЫ ПЛЕНАРНЫХ ДОКЛАДОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009»

ПАМЯТЬ О ФИНСКОЙ ВОЙНЕ 1808–1809 ГОДОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Уважаемые российские и финляндские участники, уважаемые дамы и господа!

Вначале я хочу выразить радость в связи с тем, что местом проведения одного из мероприятий года – памяти Русско-шведской войны 1808–1809 годов – стала столица Республики Карелия – город Петрозаводск. Нынешняя конференция проводится по предложению, высказанному российскими участниками аналогичной конференции, состоявшейся в Оулу. Доставляет радость и то, что Правительство Финляндии деятельно участвует в организации и проведении этой конференции. Со своей стороны благодарю Правительство Республики Карелия и главу республики Сергея Катанандова, президента Петрозаводского государственного университета Виктора Васильева и ректора Анатолия Воронина, а также ученых, работающих на историческом факультете. Было удовольствием готовить настоящую конференцию в сотрудничестве с ними. Наше сотрудничество было активным, оно основывалось на принципах взаимопонимания и дружбы. Надеюсь, что начинающийся посвященный истории диалог будет конструктивным и укрепит традиции нашего сотрудничества.

Тема моего выступления – «Память о Финской войне 1808–1809 годов и ее влияние на современное понимание истории». Возможно, на формулировку темы отчасти повлияла моя деятельность в Финляндии в качестве общенационального председателя объединения «Союз традиций Тамменлехв», который содействует сохранению памяти о событиях войн периода 1939–1945 годов. В задачи Союза входит формирование целостной картины эпохи Второй мировой войны, затронувшей Финляндию, выработка методики сохранения исторической памяти в различных формах для будущих поколений. Речь идет о глубоких исследованиях, о сохранении документов и экспонатов, об оценке настроений военного времени и о работе по укреплению мира, охватывающей общество в целом и отдельных людей в частности. За шесть лет нашей работы мы продвинулись вперед по многим направлениям. Одновременно мы вели активный диалог с учеными-историками и организациями ветеранов, в особенности в Республике Карелия. Достижение целостной картины предполагает постоянно углубляющееся сотрудничество со все более широким кругом российских организаций, стремящихся к этим же целям. Эта конференция и приуроченная к ней выставка документов информационно и методически обогащают интерпретацию событий 1939–1945 годов.

Мы в Финляндии совместно со Швецией, а теперь и с Россией возвращались к истории Русско-шведской войны 1808–1809 годов во время многочисленных мероприятий, посвященных ее памяти. Возвращение к событиям минувшей истории чрезвычайно важно для финнов. Во-первых, оно позволяет понять исторические этапы развития общества и их значение для современности и будущего. Во-вторых, интерпретация истории как процесса, включающего территории и сферы интересов, помогла многим постичь пространственное значение явлений. Теперь вопросы все глубже рассматриваются в диапазоне от континентального масштаба до судеб стран, регионального опыта и вплоть до воздействия на отдельную личность. Рассмотрение событий Финской войны 1808–1809 годов – яркий хрестоматийный пример влияния европейской политики на политические и экономические интересы соседних государств, на судьбы стран, городов и местностей, а также на жизнь отдельных людей. Порожденная европейской политикой с позиции силы, война привела на всех фронтах к человеческим бедствиям, голоду, болезням, ранениям и смертям. Война принесла новое устройство, в особенности в Финляндию, что обусловило более ста лет спустя возможность обретения ею государственной независимости.

Фоном Русско-шведской войны 1808–1809 годов были европейские процессы в период после Великой французской революции, когда Наполеон пытался подчинить себе в том числе Великобританию, блокируя ее экономические связи с континентальной Европой. Несгибаемость Швеции привела в июле 1807 года к договору о разделе сфер влияния между бывшими противниками – Наполеоном и российским императором Александром I. При этом восточная провинция Швеции, Финляндия, признавалась отходящей в сферу влияния России. В феврале 1808 года Россия начала войну, ставшую во многих отношениях противоречивой, тяжелой и затяжной. Швеция сосредоточила свои интересы главным образом на границе с Норвегией, при этом адресованные финнам помощь и снабжение были очень слабы. Во время войны от голода, холода и болезней людей погибло больше, чем на полях сражений. Мирные переговоры и определение будущих границ, проходившие в заключительный период войны, были запутанными и противоречивыми. В конце концов, граница пролегла по рекам Торнио и Муонио, разделяя мощное и единое культурное пространство. Это привело к переустройству, в особенности в Норрботтене (Швеция). Согласно мирному договору, в качестве автономной территории к России была присоединена восточная провинция Швеции, дополненная в 1812 году территорией так назы-

ваемой «Старой Финляндии». Начался более чем столетний этап развития Финляндии в составе Российской империи.

Последствия Финской войны 1808–1809 годов и дальнейшее развитие Финляндии вплоть до получения ею независимости 6 декабря 1917 года открывают современное понимание того, почему Финляндия такова, какова она есть. Европейская политика с позиции силы привела к разрыву давних связей со Швецией. В Финляндии существовали и пустили корни два народа: шведы, живущие в районах побережья, и финны, населяющие внутренние районы страны. Народ располагал двумя языками, реформированной лютеранской верой, шведским законодательством, моделью управления, чиновничеством и обычаями. На Боргоском сейме император Александр I провозгласил, что Финляндия отныне «занимает место среди наций», одновременно пообещав сохранить основные права граждан такими, какими они были в шведские времена. Характерные для Северных стран устройство и образ мышления сохранили свои позиции в финляндском обществе. Они предполагали прочное положение церкви, центральную роль народного образования, при которых народ подвигали учиться, чтобы люди «в чтении постигали религиозные и земные потребности». Позже это стало краеугольным камнем гражданского общества и демократии в Северных странах. На основе такого образа мышления, являясь автономией в составе Российской империи, Финляндии удалось начать реформы, которые были необходимы для достижения национальной независимости в дальнейшем. Одновременно крепла национальная идентичность, остававшаяся неразвитой в период вхождения в состав Швеции как в отношении шведского, так и финского начал.

Большая часть периода автономии была с точки зрения развития Финляндии позитивным временем. О финляндских делах докладывалось напрямую императору, что ускорило принятие решений. В Финляндии не было введено крепостное право. Финляндия получила собственные денежную единицу, железные дороги и иную инфраструктуру, собственное выборное законодательство и сейм, принявший в 1906 году избирательный закон, по которому женщины получили право избирать и быть избранными в орган народного представительства, состоявший из двухсот депутатов. Однако в то время возобладали выраженные русификаторские начинания, которые в финляндской историографии принято подразделять на два периода угнетения. Положение дел в мире и развитие ситуации в России привели к революциям. После октября 1917 года возникло советское государство, глава которого В. Ленин подписал документ о признании независимости Финляндии. После этого страны одна за другой признали Финляндию независимым государством, которое вскоре приняло президентскую форму правления. В 1918 году слож-

ные обстоятельства привели Финляндию к гражданской войне, закончившейся весной 1918 года победой белых. У этой национальной драмы было много причин, корни которых крылись в несправедливой торпарской системе, возникшей еще в шведские времена, а также во влиянии социалистических идей недавнего времени. В левых взглядах виделись скорые пути устранения недостатков без оглядки на средства.

Находясь между Швецией и Россией, новая республика начала самобытную политику и национальное развитие. Исходя из потребностей финнов, родились национальный политический уклад и кооперативная деятельность, консолидировавшая мелкие силы для совместной работы почти во всех сферах жизни. В Финляндии была демонтирована торпарская земельная система и введена направлявшаяся государством система заселения, нацеленная на передачу земель и лесов для формирования семейных сельскохозяйственных наделов. Освобождение торпарей и политика заселения дали возможность построить свои дома, повысить уровень экономического благосостояния и уравновесить общественное развитие. На самобытный выбор Финляндии повлияли исторические факторы, но вместе с тем – мудрость политиков использовать землю и леса в качестве инструмента экономической и социальной политики на пути к индустриализации и развитию сферы услуг. Начавшееся, несмотря на экономический кризис 1930-х годов, позитивное развитие, оказалось прервано Зимней войной и войной-продолжением. Пять военных лет явились для нации тяжелым ударом, обернулись потерями и скорбью. После заключения Московского, а затем Парижского мирного договора Финляндия сумела заново расселить полмиллиона беженцев, выплатить репарации и сосредоточиться на послевоенном восстановлении. На основе договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с бывшим противником были заложены политические и экономические связи. В послевоенных условиях вновь были необходимы отношения добрососедства как со Швецией, так и с Советским Союзом. Так же было после заключения Фридрихсгамского мира по окончании Финской войны 1808–1809 годов. Финляндии всегда отводилось играть посредническую и примиряющую роль в отношениях между эконо- миками и культурами Запада и Востока.

Два века, прошедшие со времени Русско-финской войны, свидетельствуют о том, что тяжелые военные годы всегда находят конкретное отражение в некоторых явлениях. Конечно, в начале XIX века точность и техника документирования отличались от их современного уровня. Первое из таких явлений – политика с позиции силы и раздел сфер интересов, даже между противниками. Не только в Тильзите 1807 года, но и накануне Второй мировой войны. Второе – это проведение линии государственных границ, разделяющих целостные культуры. Третье – это страдания граждан, о которых в случае с Русско-

финской войной 1808–1809 годов свидетельствуют памятники на местах сражений, редко отражающие истинные, плачевные обстоятельства событий того времени. Участвуя в деятельности «Союза традиций Тамменлехвя», мне нередко приходится слышать вопросы: каков наиболее существенный след, оставленный Зимней войной и войной-продолжением в памяти нации и в мире принятых ею ценностей? Как сам ход истории выкристаллизовывается в том существенном, что сохранится ярким в памяти будущих поколений?

Нам, ветеранам эпохи, когда бывшие противники перешли от войны к будням мирного строительства, надо совместно задуматься над тем, что мы расскажем будущим поколениям. Какие памятники оставим мы на земле, какие экспонаты – в музеях, документы – в архивах и книгах по истории, какая живая память останется в душах людей, чтобы напоминать им о великой вести прочного мира и сотрудничества. Мероприятия, посвященные памяти Русско-шведской войны 1808–1809 годов, активно побудили разные стороны той войны задуматься об уроках длительной истории, чтобы предопределить важные решения настоящего и будущего. Они важны не только по отношению к государственной политике, к судьбам народов и регионов, но и по отношению к судьбам отдельных людей. Чаще всего во всех войнах по обе стороны фронта люди оказываются жертвами политических планов государственного руководства. Опыт Финской войны 1808–1809 годов повторился во время Первой и Второй мировых войн. Из него следует извлекать уроки в работе по построению прочного мира.

Со своей стороны благодарю представителей Республики Карелия и Петрозаводского государственного университета за организацию этой знаменательной конференции. Это событие – часть доброго сотрудничества между нашими странами и регионами.

*Эйно Сиуруайнен,
профессор, губернатор,
губернское правление Оулу, Финляндия*

(Пер. с фин. А. Машина)

200 ЛЕТ АВТОНОМИИ ФИНЛЯНДИИ. НАЧАЛО ПУТИ

Последняя русско-шведская война 1808–1809 годов завершила многовековой период истории Финляндии в составе шведской монархии и положила начало новому этапу финской истории, связанному с вхождением Великого княжества Финляндского в состав Российской империи.

Несмотря на сравнительно недолгий по историческим меркам «русский» период истории Финляндии – всего 109 лет – это время было

отмечено кардинальными переменами в экономическом, общественно-политическом, культурном развитии финского общества, что в конечном итоге создало необходимые условия для рождения и дальнейшего развития независимой Финляндии. Именно в этом следует видеть основное значение автономного периода истории Великого княжества Финляндского в составе Российской империи.

Война 1808–1809 годов и присоединение Финляндии к Российской империи явились порождением тех политических и международных процессов, которые были вызваны Великой французской революцией и наполеоновскими войнами. В ходе Русско-шведской войны Александр I должен был принудить Швецию присоединиться к континентальной блокаде. Оккупация же территории Финляндии, согласно международному праву того времени, объявлялась лишь «временным военным завладением», которое должно было закончиться с достижением главной цели – принуждения Швеции к участию в антианглийской коалиции.

Но уже через месяц после начала военных действий, 20 марта (1 апреля) 1808 года, официальный Санкт-Петербург заявляет о присоединении Финляндии к Российской империи, что лишний раз подчеркивает сложный и противоречивый характер международной обстановки, в которой разворачивался этот конфликт.

Теперь, наряду с планированием и проведением военных операций, предстояло озаботиться организацией гражданского управления и, самое главное, – решить принципиальный вопрос: на каких условиях включать финские территории в состав Российской империи.

Первоначальные планы Александра I, продекларированные в Манифесте от 5 (17) июня 1808 года к финскому народу, были связаны с предоставлением ему равных прав с остальными народами, населявшими Российскую империю.

Однако к исходу лета 1808 года, когда на горизонте вновь стала просматриваться возможность противостояния с Францией, быстрейшее умиротворение Финляндии становится важнейшей задачей на северо-западных рубежах империи. Предстояло в самые сжатые сроки продемонстрировать жителям Финляндии все преимущества их нового положения, что должно было удержать финляндцев от какой-либо оппозиции России в случае международного кризиса.

В конце 1808 года, в условиях продолжавшейся войны, были сделаны шаги, которые положили начало формированию особого статуса Финляндии в составе Российской империи. Был подготовлен проект центрального правительства Финляндии – «Комитета главного управления» с местопребыванием в г. Тавастгус. Своей резолюцией от 19 ноября (1 декабря) 1808 года Александр I, одобрив проект в целом, постановил все финляндские дела представлять непосредственно ему, минуя Комитет министров.

Этим самым закладывался один из важнейших элементов будущего автономного статуса Великого княжества Финляндского, обеспечивавший независимость финляндской администрации от центральных имперских ведомств, подотчетной только императору.

В эти же декабрьские дни 1808 года Финляндия получила своего первого генерал-губернатора, которым стал Г. М. Спренгтпортен, а 25 декабря 1808 года (6 января 1809 года) Александр I расширил список своих официальных титулов, став Великим князем Финляндским.

Эти решения были дополнены манифестом от 7 (20) января 1809 года о созыве 15 марта представителей финляндских сословий «на общий ландтаг» в городе Борго. Открывая заседание сейма, Александр I подтвердил свое решение «утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества», которыми каждое сословие и все подданные княжества до сих пор пользовались, обещая «хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

К исходу 1811 года завершился первоначальный этап выстраивания административной системы управления Финляндией в составе Российской империи.

Автономный статус Великого княжества Финляндского формировался в процессе исторического развития. Принципиальные решения принимались как до Боргоского сейма, так и после его окончания. Боргоский сейм – один из этапов этого процесса. Но в силу того что ему был придан торжественный, церемониальный характер, который должен был показать как европейским столицами, так и населению Финляндии особое положение княжества в составе Российской империи, Боргоский сейм стал наиболее зримым символом происходивших перемен.

Лев Вальтерович Суни,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета ПетрГУ

ШВЕДСКАЯ И ФИНЛЯНДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1808–1809 ГОДОВ

За редким исключением война 1808–1809 годов изучалась и продолжает изучаться в России, Швеции и Финляндии (третьим центром изучения истории Финляндии наряду с самой Финляндией и Швецией остается Великобритания). С точки зрения национальной принадлежности авторов (в смысле подданства, а не языка) истекшие двести лет можно разделить на три периода. Вплоть до 90-х годов XIX века первенство принадлежало россиянам (П. К. Сухтелен, А. И. Ми-

хайловский-Данилевский при Николае I, М. Бородин и К. Ордин при Александре III). Затем благодаря официозному изданию шведского генштаба, законченному в 1922 году, первенство перешло к шведам. Царские военные историки, хотя и спорили с ними, опирались на их же исследования, частью переведенные на русский язык как раз к столетию Фридрихгамского мира. Главная русская работа последних царских лет – полковника генштаба Петра Ниве 1910 года – опиралась на шведские материалы не меньше, чем на отечественные, за что его и критиковали в том же «Военном сборнике». В новом веке, и особенно в независимой Финляндии, то есть с 1918 года, на первый план выдвинулись финляндские историки, издатели и спонсоры. Иначе говоря, первыми историю войны стали писать земляки победителей – царские историки. Шведские историки (повторяю, не шведоязычные, а шведские подданные) включились в работу позже россиян, опирались сначала на их труды и только на рубеже XIX–XX веков временно заняли среди историков «Шведской войны» ведущее положение.

После Первой мировой войны и российские, и шведские историки надолго утратили интерес к войне 1808–1809 годов. Пальма первенства перешла, наконец, к финнам, что видно и по тому, какое внимание уделяют двухсотлетию в каждой из трех стран – по восходящей в России, Швеции и Финляндии. В настоящее время, в 2000-х годах, с финскими историками сотрудничают шведские и в меньшей степени российские историки. Именно совместные, многонациональные труды по истории войны 1808–1809 годов (например, «Война вокруг Кваркена» (1999 – по-шведски) и особенно «История финской войны 1808–1809 гг.» (2008 – по-фински)) отличают двухсотлетие войны от ее столетнего юбилея, отмечавшегося в разгар столыпинского «похода» против финляндской автономии. Книга П. Ниве неслучайно была посвящена памяти убитого финляндским националистом (который, впрочем, сам покончил с собой) генерал-губернатора Бобринкова.

В профессиональном смысле историки Русско-шведской войны 1808–1809 годов тоже делятся на военных и гражданских. Под военными историками: 1) кадровые военные в служебном смысле, 2) гражданские авторы, известные в первую очередь как историки войн. С учетом такого разделения выясняется, что первыми историками «нашей» войны были ветераны – ее бывшие участники, российские (отец и сын Сухтелены, Михайловский-Данилевский) и шведские (Монтгомери), что ведущим шведским автором на рубеже XIX–XX веков был полковник, бывший начальник шведского генштаба К. О. Нурденсван (1898), в предреволюционной России – полковник Петр Ниве (1910) и генерал Михаил Бородин, а в сталинское время полковник Георгий Захаров (1940). В межвоенные и первые послевоенные годы их потеснили гражданские коллеги: в Финляндии – плеяда исследователей от Бунсдорфов (отца Кар-

ла Бунддорфа и сына Ларса Габриеля Бунддорфа) до Е. К. Осмонсало (1947), Эрика Хурнборга (1955) и Пяйвиё Томмилы (1962); в Швеции – Стен Карлссон (1944), В. Одельберг (1954), Мартин Хордстедт (1999 и др.), Ларс Берг и Ханс Норман (в разное время, кончая 2009); наконец, в СССР – И. И. Кяйвяряйен (1965), после распада СССР – его ныне здравствующие коллеги. В современной юбилейной литературе вновь первенствуют военные историки во главе с Юсси Лаппалайненом.

История войны 1808–1809 годов – это также история политическая. Поэтому естественен вопрос о том, какие политические тенденции преобладали в историографии войны 1808–1809 годов в разное время. Война 1808–1809 годов лишь однажды служила предметом политических споров между историками, а именно на рубеже XIX–XX веков, в рамках русско-финляндского «спора о правах». В остальном политические страсти мало влияли на изложение или освещение военно-политической истории войны 1808–1809 годов. Достаточно напомнить, что финские буржуазные историки межвоенного двадцатилетия продолжали объективно освещать и политику Александра I в завоеванной Финляндии, и отношение разных слоев финляндского населения к происходившей смене подданства и власти в своей стране.

Конечно, политическая обстановка, международная и внутренняя, – фон обеих столетних годовщин, крутые повороты во взаимоотношениях Швеции и тем более Финляндии с восточным

соседом в 1901, 1918, 1940, 1944, 1991 годах влияли на историков и меняли оттенки в их исторических картинах. Второй юбилей отмечается в совершенно иных условиях – подлинно добрососедских и равноправных отношений Финляндии с Россией – и свободен от сколько-нибудь заметных политических фобий во всех трех странах. Российские дипломаты присутствуют на торжественных финляндских юбилейных мероприятиях. Главное финское юбилейное событие – книга «Тень Наполеона» ведущего финского историка Матти Клинге (2009, по-фински) – восхваляет и благодарит императора Александра I устами финляндских современников за его политику в княжестве. В 2008 году городские власти г. Турку поддержали предложение российского генконсульства и установили трехязычную памятную доску на одноэтажном здании, где в августе 1812 года вели союзнические переговоры Александр I и шведский кронпринц и регент Карл Юхан (Бернадот). Нет никаких препятствий для свободного и непредвзятого обсуждения таких сюжетов войны 1808–1809 годов, как партизанское движение, снабжение воюющих сторон, случаи невозвращения российских солдат из Северной Швеции. Ведь война, послужившая предметом обзора, впервые надолго привела русского солдата в край исконной крестьянской свободы.

*Александр Сергеевич Кан,
доктор исторических наук, профессор Упсальского
университета, Швеция*

■ 19–22 lokakuuta 2009 Petroskoin valtionyliopistossa pidettiin kansainvälinen tieteellinen konferenssi Venäjä ja Suomi monipolaarisessa maailmassa, 1809–2009

Konferenssia ovat tukeneet Venäjän federaation yhteiskuntakamari, Suomen tasavallan valtioneuvosto, Karjalan tasavallan hallitus, Oulun lääninhallitus, Venäjän humanitaarinen tieteellinen rahasto ja Pohjoismaiden ministerineuvosto.

Foorumiin osallistui yli 150 henkeä, jotka edustivat Venäjän, Suomen ja Ruotsin tiede- ja koulutuskeskuksia, julkista valtaa ja kansalaisjärjestöjä. Yleisistunnossa, jonka avasi Petroskoin valtionyliopiston presidentti, professori V. N. Vasiljev, käyttivät puheenvuoroa ja pitivät avajais- ja tervehdyspuheen seuraavat henkilöt: Petroskoin valtionyliopiston rehtori A. V. Voronin, Karjalan tasavallan hallituksen varapääministeri A. S. Kolesov, Suomen tasavallan valtiosihtööri Risto Volanen, Venäjän federaation ulkoasiainministeriön toisen Euroopan-departementin johtaja P. M. Kuznetsov, Venäjän federaation yhteiskuntakamarin Kulttuuri- ja henkisen perinnön säilyttämisen komission varapuheenjohtaja J. K. Zelinskaja, Venäjän humanitaarisen tieteellisen rahaston varapuheenjohtaja, professori V. N. Zaharov. Konferenssissa luettiin Venäjän ulkoasiainministerin S.V. Lavrovin ja Venäjän Tiedeakatemian Maailmanhistorian instituutin

johtajan A. O. Tshubarjanin tervehdyspuheet. Yleisistunnossa kuultiin Oulun läänin maaherran Eino Siuruaisen alustus Muisto Suomen sodasta 1808–1809 ja sen vaikutus nykyiseen historiankäsitteeseen, Petroskoin valtionyliopiston professorin Leo Sunin alustus Suomen autonomian 200 vuotta. Taipaleen alku, Ruotsin Uppsalan yliopiston professorin A.S. Kanin alustus Suomen sotaa 1808–1809 koskeva ruotsalainen ja suomalainen historiankirjoitus.

Tieteellisessä konferenssissa toimi neljä sektiota: ensimmäinen sektio Suomen suuriruhtinaskunta Venäjän imperiumin osana 1809–1917 (istuntoa johtivat dosentti I.M. Solomeshtsh, Petroskoin valtionyliopisto; professori Tapio Hämynen, Joensuun yliopisto; dosentti Maria Lähteenmäki, Helsingin yliopisto; historiatieteiden lisensiaatti O. P. Iljuha, Venäjän Tiedeakatemian Karjalan tiedekeskuksen Kielen, kirjallisuuden ja historian instituutin varajohtaja); toinen sektio Neuvosto-Venäjän/Neuvostoliiton ja Suomen suhteet 1918–1944 (istuntoa johtivat dekaani S. G. Verigin, Petroskoin valtionyliopiston historiallinen tiedekunta; dosentti Markku Kangaspuro, Helsingin yliopisto; historiatieteiden tohtori A. I. Rupasov, Venäjän

Tiedeakatemian Pietarin historian instituutti), kolmas sektio Neuvostoliiton/Venäjän Federation ja Suomen välinen yhteistyö 1944–2009 (istuntoa johtivat historiatieteiden lisensiaatti A. A. Komarov, Venäjän Tiedeakatemian Maailmanhistorian instituutin tutkimuskeskuksen johtaja; dosentti Tapani Paavonen, Turun yliopisto); neljäs sektio Yhteisen historiallis-kulttuurisen perinnön säilyttäminen Karjalassa ja Suomessa (istuntoa johtivat professori J. M. Kilin, Petroskoin valtionyliopisto; Maija-Liisa Lindkvist, Karjalan liiton varapuheenjohtaja ja Satu Hallenberg, Karjalan liiton toiminnanjohtaja).

Konferenssin osanottajat tarkastelivat joukon kysymyksiä, jotka liittyvät Venäjän ja Suomen välisten suhteiden 200-vuotiseen historiaan. Yhteensä kuultiin 80 alustusta ja puheenvuoroa. Konferenssin aineistot on julkaistu kokoelmassa Venäjä ja Suomi monipolaarisessa maailmassa, 1809–2009. Osa alustuksista julkaistaan Petroskoin valtionyliopiston tieteellisiä julkaisuja -lehdessä ja Mezhdunarodnaja zhizn -lehdessä.

Mielipiteiden vaihdon yhteydessä pantiin merkille, että nykyisille Venäjän ja Suomen välisille naapuruussuhteille ovat ominaisia intensiivinen poliittinen dialogi, kauppa- ja taloussuhteiden sekä kulttuurisuhteiden korkea taso, ja yhteistyössä ovat

välittömästi mukana Luoteis-Venäjän hallinnolliset alueet. Viime vuosien aikana Neuvostoliiton hajotua ja Suomen liittyttyä EU:hun on muodostunut Venäjän ja Suomen välisten suhteiden uudenlainen profiili. On karttunut kahden maan ja kahden kansan monenlaista ja rikasta yhteistyön kokemusta. Tämä antaa mahdollisuuden katsoa toiveikkaina tulevaisuuteen ja avaa uusia suuntauksia yhteistyölle poliittisen, sosiaalisen, taloudellisen ja kulttuurielämän eri aloilla monipolaarisen maailman oloissa.

Konferenssissa käytyjen keskustelujen pohjalta hyväksyttiin suositukset, joiden mukaan pyritään kehittämään kontakteja tieteen ja koulutuksen alalla myöntämällä valtionrahoitusta kahden- ja monenvälisiin tutkimushankkeisiin. Tehtiin päätös järjestää säännöllisesti kansainvälinen monitieteellinen konferenssi Venäjä ja Suomi monipolaarisessa maailmassa: historia ja nykyaika (se pidetään kerran kahdessa vuodessa vuorotellen Venäjällä ja Suomessa).

S. G. Verigin,

*konferenssin järjestelykomitean varapuheenjohtaja,
Petroskoin valtionyliopiston historiallisen tiedekunnan dekaani*

(Suomentanut L. Kolomainen)

TERVEHDYKSET KANSAINVÄLISEN TIETEELLISEN KONFERENSSIN VENÄJÄ JA SUOMI MONIPOLAARISESSA MAAILMASSA, 1809–2009 JÄRJESTÄJILLE, OSANOTTAJILLE JA VIERAILLE

Lausun sydämellisen tervehdyksen konferenssin järjestäjille, osanottajille ja vieraille.

On merkittävää, että foorumi pidetään aikana jolloin on kulunut 200 vuotta siitä, kun Suomi sai autonomisen aseman osana Venäjän keisarikuntaa. Suomen suuriruhtinaskunnan aika muodostaa meidän yhteisen historian värikkään sivun, silloin luotiin Suomen valtiollisuuden ja kansallisen itsetunnon perusta. Ei ole sattuma, että Suomessa juhluvuoden tunnuslauseena on Kansakuntaa rakentamaan.

Venäjä ja Suomi ovat nykyään hyviä naapureita ja luotettavia yhteistyökumppaneita, jotka toimivat tehokkaasti kahdenkeskisissä hankkeissa ja kansainvälisesti. Tällaisten suhteiden lujittaminen on Venäjän federaation strateginen tehtävä.

Kansojemme suurena saavutuksena voidaan pitää sitä, että voimme keskustella avoimesti ja rauhallisesti menneistä ajoista suhtautuen toisiinsa kunnioittavasti emmekä yritä siirtää keinotekoisesti historian kysymyksiä nykyisen politiikan alueelle.

Yhteinen historiamme opettaa ottamaan huomioon toistensa intressit. Monipuolinen ja tasavertainen yhteistyö, liikesuhteiden ja humanitaaristen suhteiden karttunut pääoma ovat meidän yhteistä omaisuutta. Se auttaa edistämään kummankin maan yhteen käyviä etuja, olipa kyseessä turvallisuus tai maailmantalouden finanssikriisi.

Moninapainen maailma vahvistaa asemiaan, mikä vaikuttaa positiivisesti kansainvälisiin suhteisiin vapauttaen ne kylmän sodan ennakkoluuloista.

Valtioilla on yhteisiä tehtäviä, jotka liittyvät tarpeeseen reagoida yhteisvoimin maailmanlaajuisiin haasteisiin ja uhkiin, mikä synnyttää uusia virikkeitä osallistua Euroopan ja maailman asioihin.

Olen varma, että konferenssi tuo oman panoksensa maittemme välisen yhteisymmärryksen ja luottamuksen syvenemiseen ja edistää uusien ajatusten syntyä, mikä nopeuttaa Venäjän ja Suomen välisen yhteistyön eri alojen kehitystä.

Toivotan teille menestystä, antoisaa työtä ja kaikkea hyvää.

S. V. Lavrov,

Venäjän federaation ulkoasiainministeri

(Suomentanut L. Kolomainen)

Tänä vuonna juhlietaan laajalti Haminan rauhaa, jonka Venäjä ja Ruotsi solmivat 200 vuotta sitten. Tuloksena oli se, että Suomi liitettiin osaksi Venäjän keisarikuntaa ja Suomesta tuli suuriruhtinaskunta. Tämä tapahtuma pani alulle Suomen valtiollisuuden kehityksen.

Venäläisillä ja suomalaisilla historiantutkijoilla on pitkä yhteistyön perinne. Yli neljäkymmentä vuotta sitten alettiin järjestää yhteisiä kahdenkeskiä seminaareja, joihin osallistui kummankin maan tiedemiehiä. Noihin tapahtumiin ja tieteellisten kontaktien järjestämiseen osallistui aktiivisesti Venäjän tiedeakatemian yleisen historian tutkijoita. Tiede-

miesten tapaamiset edistivät Venäjän ja Suomen historian tutkimusta yhteistyössä ja mahdollistivat antoisien tieteellisten kontaktien aikaansaamista. Ne auttoivat myös kehittämään kummankin maan tutkijoiden todella ystävällisiä suhteita, ja nämä suhteet ovat säilyneet monien vuosikymmenien ajan.

Petroskoin valtionyliopistossa pidettävään konferenssiin on kokoontunut johtavia Suomen historian sekä Venäjän ja Suomen välisten suhteiden historian asiantuntijoita. Konferenssin suomalaiset ja venäläiset osanottajat ovat tuoneet esitelmissään esille tutkimustensa tuloksia, jotka liittyvät kummankin maan historian ja kahdenvälisten suhteiden tutkimiseen kahdenkymmenen vuoden ajalta. Nämä suhteet ovat kokeneet nousunsa ja laskunsa, ja naapureina elävät kansamme ovat kokeneet sodat ja keskinäisten suhteiden viilenemisen, mutta sen ohella kansat ovat käyneet kauppaa toistensa kanssa ja olleet yhteistyössä, ovat rikastuttaneet toistensa kulttuureja. Jo yli 65 vuoden ajan maamme rakentavat suhteensa ystävyyden ja yhteistyön pohjalle.

Haluan päätteeksi toivottaa konferenssin osanottajille antoisaa työtä ja kiinnostavia keskusteluja.

*A. O. Tshubarjan,
akateemikko, Venäjän tiedeakatemia,
Maailmanhistorian instituutin johtaja*

(Suomentanut L. Kolomainen)

Hyvät konferenssin osanottajat,

Mieluisa tehtäväni on tuoda Suomen valtiovalan tervehdys tähän konferenssiin, jossa tarkastellaan maitamme vuoden 1809 jälkeisen kauden historiaa tähän päivään asti. Tänä vuonnahan tulee kuluneeksi 200 vuotta siitä, kun Suomen pitkä valtiollinen yhteys Ruotsiin loppui ja saavutimme autonomisen suuriruhtinaskunnan aseman Venäjän keisarikunnan yhteydessä. Aikalaisille tämä oli suuri draama, mutta tänään tiedämme, että tuo tapahtumasarja teki mahdolliseksi Suomen kehityksen kohiti itsenäisyyttä, joka toteutui joulukuussa 1917.

Tänä päivänä Suomen ja Venäjän suhteita voi hyvin kuvata sanomalla, että monien, menneisyydessä välillä vaikeidenkin vaiheiden jälkeen olemme nyt hyviä naapureita, joilla on pitkä kokemus yhteistyöstä. Suomen hallitusohjelman mukaisesti Suomi kehittää aktiivisia, laaja-alaisia ja monentasoisia kahdenvälisiä suhteita Venäjän kanssa sekä toimii aktiivisesti EU:n Venäjä-politiikan kehittämisessä. Suhteemme kattavat niin politiikan, talouden, viranomaisyhteistyön kuin kansalaisyhteiskunnan avoimen vuorovaikutuksen. Viranomaisten välinen yhteistyö kattaa kaikki hallinnonalat, ja yhteydet eri sektoreilla ovat tiiviit. Suhteiden kestoa ja laajuutta kuvaa myös kahdenvälisten valtiosopimusten suuri määrä.

Korkeimman valtiojohtoon tasolla keskusteluyhteys on aktiivinen, avoin ja säännöllinen. Runsaan viikon perästä pääministeri Vanhanen ja pääministeri Putin tapaavat toisensa Pietarissa. Ohjelmaan kuuluvat

neuvottelut, metsähuippukokous sekä 200-vuotismerkivuotta juhlistava Pietarin Suomi-talon vihkiminen.

Suomen ja Venäjän poliittinen dialogi kattaa maiden välisten suhteiden koko kirjon ja laajemmat kansainväliset kysymykset. Poliittisen tason vierailuvaihto on tiivistä. Presidentit, pääministerit ja ulkoministerit tapaavat perinteisesti kahdesti vuodessa. Talouskomission puheenjohtajina toimivat ministerit kokoontuvat samoin pääsääntöisesti kahdesti vuodessa. Myös muiden ministerien välillä yhteydenpito on jatkuvaa.

Venäjän taloudellinen merkitys Suomelle on nyt ja tulevaisuudessa suuri. Vuonna 2008 Venäjä oli tärkein kauppakumppanimme ja kauppavaihtomme ylsi lähes 18 miljardiin euroon. Kauppavaihtomme on kasvanut viime vuodet nopeasti, mutta syksyllä 2008 alkaneen talouskriisin seurauksena kauppavaihtomme on supistunut jyrkästi. Meidän on yhdessä tehtävä työtä, jotta myönteinen kehitys jälleen pääsisi jatkumaan. Venäjälle tehtyjen suomalaisinvestointien kokonaismäärä ylittää jo viisi miljardia euroa. Venäläisten yritysten investoinnit Suomeen ovat toistaiseksi olleet vaatimattomia. Haasteena on nyt kehittää uusia ratkaisuja ja toimintatapoja esimerkiksi innovaatio- ja metsäsektorin yhteistyössä.

Suomen ja Venäjän hallitustenvälinen talouskomissio on tärkein taloudellinen yhteistyöfoorumi, joka kattaa kaikki keskeisimmät toimialat. Talouskomissiossa ei käydä kauppaneuvotteluja, vaan se edistää liiketoimintailmapiirin kehitystä, poistaa kaupan ja investointien esteitä ja luo yhteyksiä yritysten välille.

Vilkas kauppa, liikenne ja matkailu edellyttävät molemminpuolisia toimenpiteitä sujuvaman rajanylityksen varmistamiseksi koko Suomen ja Venäjän rajan pituudelta. Suomi on ollut aktiivinen Euroopan unionin ja Venäjän tulliyhteistyön kehittämisessä ja kokeilu sähköisen tullaustiedon välittämistä Venäjän ja EU:n välillä alkoi vuoden 2009 alussa.

Vuonna 2008 Vaalimaan, Nuijamaan ja Imatran rajanylityspaikkojen läpi kulki noin miljoona rekkaa, joista suurin osa oli transitoliikennettä. Maailmanlaajuinen talouskriisi heijastuu myös Suomen ja Venäjän väliseen liikenteeseen ja autokuljetusten määrä on selvästi vähentynyt. Muihin tavarakuljetuksiin vaikutus on ollut vähäisempi.

Myös matkailun kehittämisessä on paljon yhteistyömahdollisuuksia. Venäläisten matkailu Suomeen on lisääntynyt huomattavasti. Venäläismatkailijoiden määrä lähenee kahta miljoonaa vuodessa, ja Suomen ulkomaisista matkailutuloista yli neljännes tulee Venäjältä. Matkailun kasvupotentiaali Venäjältä Suomeen on edelleen merkittävä. Helsingin ja Pietarin välinen nopeajunaliikenne alkaa ensi vuoden lopulla. Matka-aika lyhenee 3,5 tuntiin. Nopeajunayhteyden arvioidaan kolminkertaistavan niin turistien kuin liikematkailijoiden määrän kyseisellä reitillä.

Kansalaistason kanssakäymisen vilkkautta kuvaa se, että viime vuonna rajan ylitti lähes kahdeksan miljoonaa henkilöä ja Suomen edustustot Venäjällä myönsivät yli 700 000 viisumia, joista

suuri osa oli monikertaviisumeita. Suomi onkin Venäjällä ylivoimaisesti suurin Schengen-viisumihakemuksia käsittelevä maa

Kulttuuritoiminta Suomen ja Venäjän välillä on aktiivista. Tulevaisuuden tavoite on laajentaa Suomalais-venäläisen kulttuurifoorumin toimintaa Luoteis-Venäjän alueiden lisäksi koskemaan myös muita Venäjän alueita tiivistäen kulttuuri- ja elinkeinosektoreiden välistä yhteistyötä. Samalla luodaan konkreettista pohjaa pohjoisen ulottuvuuden kulttuurikumppanuudelle, joka on tarkoitus perustaa 12.11.2009 pidettävässä pohjoisen ulottuvuuden virkamieskokouksessa.

Hyvät kuulijat,

Jo Ruotsin vallan aikana suomalaiset ja venäläiset kävivät kauppaa rajasta huolimatta.

Kun Suomen suuriruhtinaskunta oli osa Venäjän keisarikuntaa, ei maiden välinen raja ollut käytännössä yhteistyön esteenä paitsi tullirajana. Suomen itsenäistyttyä Venäjän vallankumouksen jälkeen 1917 rajaa ei täysin suljettu, vaikka rajat ylittävä yhteistyö merkittävästi vähenikin.

Vuosien 1970 ja 1990 välillä käytiin rajakauppaa ja suomalaiset yritykset osallistuivat suuriin rajaprojekteihin Neuvostoliitossa, mm. Kostamuksessa, Svetogorskissa ja Pääjärvellä. Suorien ystävyyskunta- ja kaupunkisuhteiden solmiminen rajan yli oli vilkasta.

Vuonna 1992 siirryttiin uuteen aikakauteen Suomen ja Venäjän välisessä rajat ylittävässä yhteistyössä. Silloin solmittiin hallitusten välinen sopimus yhteistyöstä Suomen ja Murmanskin alueen, Karjalan tasavallan, Leningradin alueen ja Pietarin kanssa. Suomen valtion budjettiin on varattu vuosittain erillinen määräraha, josta tuetaan rajat ylittäviä hankkeita mainittujen lähialueiden kanssa. Yhteishankkeita on toteutuksessa noin 200.

Lähialueyhteistyöhankkeita on alusta alkaen toteutettu laaja-alaisesti eri sektoreilla kuten ympäristönsuojelu, sosiaali- ja terveysala, maa- ja metsätalous, koulutus, energia-ala ja liikenne. Tällä hallituskaudella lähialueyhteistyössä painotetaan aiempaa enemmän taloudellista yhteistyötä. Huomiota kiinnitetään erityisesti pienen ja keskisuuren yrittäjyyden sekä yrityspuistohankkeiden tukemiseen kuin myös kuljetusten ja logistiikan tehokkuuteen rajanylityksissä.

Kokemukset lähialueyhteistyöstä ovat olleet myönteisiä. Yhteistyösopimus on mahdollistanut rajan yli tapahtuvan suoran kanssakäymisen vira-

nomaisten, laitosten, yritysten ja järjestöjen kesken. Sen myötä on luotu ainoalaatuisia yhteistyöverkostoja, ml. kansalaisjärjestöt. Lähialueyhteistyö on ollut myös esikuvana EU:n raja-alueyhteistyöohjelmille, joiden tavoitteena on mm. taloudellisen yhteistyön edistäminen molemmiin puolin EU:n ulkorajaa. Tämä koskee myös Karjalan tasavaltaa, joka osallistuu Karelia-ohjelmaan.

Tiedän, että Oulun ja Lapin lääninhallituksilla samoin kuin pohjoisilla maakuntaliitoilla on tiiviit suorat yhteistyösuhteet yli rajan Venäjän alueiden kanssa. Tämän yhteistyön puitteissa on toteutettu myös useita eri alojen lähialuehankkeita. Samoin Pietarin, Petroskoin, Murmanskin ja Arkangelin korkeakouluilla on suorat toimivat yhteistyösuhteet Oulun, Lapin, Joensuun ja muiden suomalaisten korkeakoulujen kanssa. Esimerkkinä onnistuneista koulutusalan yhteishankkeista voisin mainita Cross Border University -hankkeet, joissa Suomen ja Venäjän yliopistot toteuttavat yhdessä yhteistutkintoihin johtavia maisteriohjelmiä.

Alati muuttuvat kansainväliset olosuhteet ovat luoneet myös uusia yhteistyörakenteita, kuten EU:n pohjoisen ulottuvuuden konseptin. Ympäristökumppanuuden puitteissa on toteutettu menestyksellisesti useita ympäristöhankkeita, kuten esim. Pietarin lounainen jäteveden puhdistamohanke. Perusteilla ovat parhaillaan liikenne- ja logistiikkakumppanuus sekä kulttuurikumppanuus. Pohjoisen ulottuvuuden saatevarjon alla toimivat myös pohjoiset alueneuvostot, kuten Barentsin euroarktinen neuvosto. Tämän alueen yhteistyösuhteiden hyväksi toimivat myös Arktinen neuvosto ja Pohjoismaiden ministerineuvosto, Kaikkien rajat ylittävien yhteistyörakenteiden toiminta ja hankkeet pyritään sovittamaan yhteen päällekkäisten toimintojen välttämiseksi. Karjalan tasavalta on ollut aktiivinen Barentsin alueneuvostossa erityisesti toimiessaan puheenjohtajana vuosina 2005–2007 samaan aikaan kun Suomi toimi hallitustenvälisen Barentsin euroarctisen neuvoston puheenjohtajana. Toivomme, että yhteistyö jatkuu ja kehittyy eri foorumeilla yhä tuloksellisempaan Suomen ja Venäjän kansalaisten kaikinpuolisen hyvinvoinnin edistämiseksi rajan kummallakin puolella, uskon, että tämä konferenssi auttaa tässä kummallekin tärkeässä pyrkimyksessä. Siksi toivon konferenssille ja sen kaikille esiintyjille ja osanottajille menestystä.

*Risto Volanen,
Valtiosihteeri*

YLEISISTUNNOSSA PIDETTYJEN ALUSTUSTEN TEESIT

MUISTI SUOMEN SODASTA 1808–1809 JA SEN VAIKUTUS NYKYISEEN HISTORIAN YMMÄRTÄMISEEN

Kunnioitetut venäläiset ja suomalaiset osanottajat,
Hyvät naiset ja herrat!

Aluksi lausun iloni siitä, että kaksi vuosisataa sitten käydyn Suomen sodan yksi merkkivuoden

tapahtumista toteutetaan Karjalan tasavallan pääkaupungissa Petroskoissa. Tämä konferenssi toteutetaan Venäjän edustajien Oulun vastaavan konferenssin yhteydessä tekemän ehdotuksen pohjalta. Lausun iloni myös siitä, että Suomen tasavallan hallitus on vahvasti mukana tämän konferenssin järjestelyissä ja toteutuksessa. Kiitän osaltani Karjalan tasavallan hallitusta ja päämies Sergei Katanandovia

sekä Petroskoin yliopiston presidentti Viktor Vasilevia, rehtori Anatoly Voroninia sekä historian tiedekunnan tutkijoita. Heidän kanssaan on ollut miellyttävää suunnitella tämän konferenssin toteuttamista. Yhteistyömme on ollut aktiivista, ymmärtävää ja ystävällistä. Toivon, että nyt käynnistynyt historiallinen vuoropuhelu on rakentavaa ja hyvää yhteistyötämme edelleen vahvistavaa.

Esitykseni aiheeksi on annettu «Muisti Suomen sodasta 1808–1809 ja sen vaikutus nykyiseen historian ymmärtämiseen». Otsikkoon saattaa osaltaan vaikuttaa toimintani Suomessa sotien 1939–1945 perinnetyön «Tammenlehvän Perinneliitto ry:n» valtakunnallisena puheenjohtajana. Liiton tehtävänä on muodostaa kokonaiskuva II maailmansodan Suomea koskettavasta aikakaudesta ja luoda menetelmät historian tallettamisesta eri muodoissaan myös tuleville sukupolville. Kyse on syvällisestä tutkimuksesta, asiakirjojen ja esineistöjen tallettamisesta, sodan tunnelmien tulkinnasta ja yhteiskunnasta yksilöön saakka ulottuvasta rauhantyöstä. Kuuden vuoden aikana olemme edenneet työssämme useilla osa-alueilla. Samalla olemme aktiivisesti keskustelleet myös tutkijoiden ja veteraanijärjestöjen kanssa erityisesti Karjalan tasavallan alueella. Kokonaiskuvan saaminen edellyttää syvenevää yhteistyötä laajemminkin Venäjällä vastaavassa tarkoituksessa toimivien organisaatioiden kanssa. Tämä konferenssi ja siihen liittyvä asiakirjanäyttely osaltaan rikastaa tiedollisesti ja metodisesti vuosien 1939–1945 tapahtumien tulkintaa.

Suomessa olemme Ruotsin ja nyt Venäjän kanssa palauttaneet mieliin lukuisissa tapahtumissa vuosien 1808–1809 Suomen sodan historian. Suomalaisille palaaminen menneeseen historiaan on ollut erityisen tarpeellista. Ensinnäkin siksi, että opitaan ymmärtämään yhteiskuntakehityksen historialliset vaiheet ja niiden merkitykset nykypäivään sekä tulevaisuuteen. Toiseksi historian tulkinta alueiden ja intressipiirien välisenä prosessina on avannut monien mielet ymmärtämään, ilmiöiden spatiaalisen merkityksen. Asioita on alettu yhä syvällisemmin hahmottaa mannerten laajuisista kokonaisuuksista, maiden kohtaloihin, alueiden kokemuksiin ja vaikutuksiin aivan yksilötasolle. Suomen sodan tarkastelu on mitä parhain kouluesimerkki Euroopan politiikan vaikutuksesta naapurimaiden poliittisiin ja taloudellisiin intresseihin, maiden, kaupunkien ja seutujen kohtaloihin sekä yksittäisten ihmisten elämään. Sota alkoi Euroopan valtiopoliitikasta ja päättyi kaikilla rintamilla yksittäisten ihmisten kurjiin kohtaloihin, nälkään, tauteihin, haavoittumisiin ja kuolemiin. Sota toi erityisesti Suomelle uuden rakennelman, joka johti runsaan vuosisadan jälkeen mahdollisuuden valtiolliseen itsenäistymiseen.

Suomen sodan taustalla oli Ranskan vallankumouksen jälkeinen Euroopan kehitys, jossa Napoleon pyrki alistamaan myös Iso-Britanian sulkemalla kauppayhteydet manner-Eurooppaan. Ruotsin taipumattomuus johti heinäkuussa 1807 entisten vihollisten Napoleonin ja Venäjän keisari Aleksanteri I:n sopimukseen valtapiirijaosta, jossa Ruotsin itäinen maakunta Suomi laskettiin kuuluvaksi Venäjän tuol-

loisen jaon valtapiiriin. Venäjä käynnisti helmikuussa 1808 sodan, joka oli monella tavalla epämääräinen, kurja ja pitkäkestoinen. Ruotsi keskitti mielenkiintonsa pääasiassa Norjan vastaiselle rajalle ja apu sekä huolto suomalaisille oli heiveröistä. Sodassa kuoli miehiä enemmän nälkään, kylmyyteen ja tauteihin kuin kaatumalla taisteluissa. Sodan loppuvaiheessa rauhanneuvottelut ja rajajärjestelyt olivat sekavat ja kiistanalaiset. Raja vedettiin lopulta Tornion ja Muonionjokiin, mikä raja halkaisi vahvan yhtenäisen kulttuurialueen, mikä johti erityisesti Ruotsissa Norrbottenin alueen uudelleenjärjestelyihin. Rauhansopimuksessa Ruotsin itäinen maakunta liitettiin autonomisena alueena ja nk. Vanhalla Suomella 1812 täydennettynä Venäjään. Suomessa alkoi yli vuosisadan kestänyt kehitys Venäjän alamaisuudessa.

Suomen sodan seuraamukset ja sen jälkeinen kehitys Suomen itsenäistymiseen 06.12.1917 avaa nykypäivään ymmärtämyksen, miksi Suomi on sellainen maa kuin on. Eurooppalainen valtiopoliitiikka katkaisi pitkään kestäneet yhteydet Ruotsiin. Suomeen oli juurtunut kaksi kansaa: rannikon ruotsalaiset ja sisämaan suomalaiset. Kansalla oli käytössä, kaksi kieltä, reformoitu luterilainen uskonto, Ruotsin lainsäädäntö, hallintomalli, virkamiehet ja tavat. Porvoon valtiopäivillä keisari Aleksanteri I julisti «Suomen kohotetuksi kansakuntien joukkoon» ja samalla hän lupasi säilyttää kansalaisten perusoikeudet Ruotsin kauden mukaisina. Suomen yhteiskunnan olemukseen jäi vahva pohjoismainen rakenne ja ajattelutapa, jossa kirkolla oli vahva asema, kansanopetuksella keskeinen sija ja kansaa vaadittiin lukemaan, jotta he «lukemansa kautta ymmärtäisivät uskonnolliset ja maalliset tarpeet». Tämä on ollut myöhemmin pohjoismaisen kansalaisyhteiskunnan ja demokratian kulmakivi. Tämän ajattelutavan perustalle Suomessa pystyttiin käynnistämään Venäjän autonomiana kansakunnan myöhemmin itsenäistymiseen tarvittavat uudistukset. Samalla vahvistui kansallinen identiteetti, joka Ruotsin alamaisuudessa oli sekä ruotsalaisuuden että suomalaisuuden näkökulmista jäänyt heiveröiseksi.

Pääosa autonomianajasta oli Suomen kehityksen kannalta myönteistä aikaa. Suomen asiat esiteltiin suoraan keisarille, mikä nopeutti päätöksentekoa. Maaorjuutta ei toteutettu Suomessa. Suomi sai oman rahan, rautatielaitoksen, muut toiminnalliset rakenteet, oman vaalilain ja eduskunnan, jossa vuonna 1906 vaalilailla annettiin oikeudet myös naisille äänestää ja olla ehdokkaina 200-jäseniseen kansanedustuslaitokseen. Toki tuolloin vallitsivat esiin nousseet voimakkaat venäläistämispyrkimykset, joita Suomen historiassa jaksotetaan kahteen sortokauteen. Maailmantilanne ja Venäjän sisäinen kehitys johtivat vallankumouksiin. Lokakuun 1917 jälkeen muodostettiin Neuvostovaltio, jonka johtaja Lenin allekirjoitti Suomen itsenäistymisjulistuksen. Tämän jälkeen maa toisensa jälkeen hyväksyi Suomen siirtyneen itsenäiseksi valtioksi, joka pian omaksui tasavaltalaisen hallintojärjestelmän. Sekavat olot johtivat 1918 Suomen sisällissotaan, joka ratkesi valkoisten voittoon keväällä 1918. Tähän

kansalliseen surkeuteen olivat monet syyt, jotka juonsivat juurensa jo Ruotsin vallanaikaiseen eriarvoistavaan torpparijärjestelmään että lähihistorian tuomaan sosialistiseen vaikutukseen. Vasemmistolaisuudessa nähtiin suurien epäkohtien nopeat ratkaisumahdollisuudet keinoja kaihtamatta.

Arvoisat kuulijat! Ruotsin ja Venäjän välissä uusi tasavalta käynnisti omaperäisen politiikan ja kansallisen kehittämisen. Suomalaisten tarpeista lähtien syntyi kansallinen politiikan rakenne ja osuustoiminta, joka kokosi lähes kaikilla toimialoilla pienet toimijat yrittämään yhdessä. Suomessa purettiin torpparilaitos ja käynnistettiin valtiojohtoinen asutustoiminta, jolla luovutettiin maata ja metsää yksittäisten perheiden asuinpaikkojen ja pienviljelmien muodostamiseksi. Torppareiden vapauttaminen ja asutustoiminta antoivat mahdollisuuden rakentaa omat kodit, kohottaa taloudellista vaurautta ja tasapainottaa yhteiskuntakehitystä. Suomen omaperäiseen ratkaisuun vaikuttivat historialliset tekijät, mutta myös politiikkojen viisaus käyttää maata ja metsää talous- ja sosiaalipolitiikan välineenä siirryttäessä kohti teollistumista ja palveluelinkeinoja. 1930-luvun taloustaantumasta huolimatta käynnistyneen myönteisen kehityksen katkaisivat talvi- ja jatkosota. Viisi sodan vuotta oli kansakunnan kehitykselle syvä menetyksen ja surun isku. Moskovon ja edelleen Pariisin rauhankin jälkeen Suomi asutti uudelleen puoli miljoonaa evakkoa, maksoi sotakorvaukset ja keskittyi jälleennrakennustyöhön. Entiseen viholliseen luotiin YYA-sopimuksella toimivat politiikan ja kaupan suhteet. Sodan jälkeisessä tilanteessa tarvittiin jälleen hyviä naapuruussuhteita niin Ruotsiin kuin Neuvostoliittoon. Samalla tavalla meneteltiin myös Haminan rauhankin jälkeen Suomen sodan päättyttyä. Suomen asema on aina ollut välittäjänä ja yhteen sovittajana lännen ja idän talouksien ja kulttuurien välillä.

Kaksi vuosisataa Suomen sodan jälkeen osoittaa, että sodan raskaat vuodet konkretisoituvat muutamiin ilmiöihin. Toki 1800-luvun alkupuolella ei tehty dokumentointia nykyisellä tarkkuudella ja tekniikoilla. Ensimmäisenä asiana on valtiopolitiikka ja reviiirijaot – jopa vihollisten välillä. Ei ainoastaan Tiltsissä 1807, vaan myös II maailmansodan taustalla. Toisena ovat rajanvedot yhtenäisten kulttuurien läpi. Kolmantena ovat kansalaisten kärsimykset, joista Suomen sodan ajalta kertovat taistelujen muistomerkit, jotka harvoin voivat paljastaa ajan todellista surkeutta. Tuntemattomiksi ovat jääneet useimpien sotilaiden viimeiset leposijat, joita muistomerkkien ohella palautetaan mieliin vain merkkivuosina. Tammenlehvän perinneliiton perinnetyössä usein kysytään, mitkä ovat niitä olennaisia asioita, joita talvi- ja jatkosodat 1939–1945 jättävät pysyvästi kansakunnan muistiin ja arvomaailmaan? Millä tavalla historian kulku kiteyttää olennaisen, joka säilyy kirkkaana myös tulevien polvien muistoissa?

Sodista rauhaa rakentaviin arjen töihin palaneiden entisten vihollisten on nyt veteraanien meidän aikana myös yhdessä katsottava, mitä keromme tuleville polville. Mitä jätämme merkkeinä maastoihin, esineinä museoihin, asiakirjoina arkistoihin,

dokumentteina historiankirjoihin ja elävinä tietoina ihmismieliin muistuttamaan pysyvän rauhan ja yhteistyön suuresta sanomasta. Suomen sodan muistotapahtumat ovat herättäneet laajasti sodan eri osapuolia miettimään pitkän historian opetuksia ohjaamaan tämän hetken ja tulevaisuuden suuria ratkaisuja. Ne eivät ole suuria ainoastaan valtiopolitiikan, kansojen, alueiden vaan erityisesti yksittäisten ihmisten kohtaloissa. Useimmiten kaikissa sodissa ihmiset rintaman molemmin puolin ovat kärsiviä uhreja johtajien valtiopoliittisissa suunnitelmissa. Suomen sodan kokemukset toistuivat I ja II maailmansodassa. Niistä kannatta ottaa oppia pysyvään rauhantyöhön.

Omalta osaltani kiitän Karjalan tasavallan ja Petroskoin yliopiston toimijoita tämän merkittävän konferenssin järjestämisessä. Tapahtuma on osa maidemme ja alueidemme välistä hyvää yhteistyötä.

Eino Siuruainen,

Professori, maaherra, Oulun lääninhallitus, Suomi

SUOMEN AUTONOMIAN 200 VUOTTA. TAIPALEEN ALKU

Viimeinen Venäjän ja Ruotsin välinen sota 1808–1809 katkaisi Suomen monisatavuotisen yhteyden Ruotsin valtakuntaan ja aloitti uuden vaiheen Suomen historiassa. Suomesta tuli suuriruhtinaskunta ja osa Venäjän keisarikuntaa.

Vaikka historiallisesta näkökulmasta Suomen historian ”venäläinen” kausi oli melko lyhyt – vain 109 vuotta – silloin tapahtui jyrkkiä muutoksia Suomen taloudellisessa, yhteiskunnallis-poliittisessa ja kulttuurikehityksessä. Tämän seurauksena syntyi tarpeellisia edellytyksiä Suomen itsenäistymiselle ja itsenäisen Suomen tulevalle kehitykselle. Juuri siinä on Suomen suuriruhtinaskunnan Venäjän keisarikuntaan kuulumisen autonomisen kauden tärkein merkitys.

Suomen sota 1808–1809 ja Suomen liittämisen Venäjän keisarikuntaan olivat kansainvälisten poliittisten prosessien, Ranskan suuren vallankumouksen ja Napoleonin sotien, synnyttämät. Venäjän ja Ruotsin välisen sodan aikana Aleksanteri I joutui pianostamaan Ruotsia liittymään mannermaansulkemukseen. Suomen alueen miehittäminen taas, sen ajan kansainvälisen oikeuden mukaisesti, julistettiin vain «väliaikaiseksi sotilaalliseksi haltuunotoksi», jonka oli tarkoitus päättyä sen jälkeen, kun tärkein tavoite – Ruotsin pakottaminen Englannin-vastaiseen liittoon – olisi saavutettu.

Jo kuukauden kuluttua sotatoimien alkamisesta, 20. maaliskuuta (1. huhtikuuta) 1808, virallinen Pietari ilmoitti kuitenkin Suomen liittämisestä osaksi Venäjän keisarikuntaa, mikä taas kerran osoittaa, kuinka vaikea ja monimutkainen oli kansainvälinen tilanne, jossa tämä konflikti kehittyi.

Tämän jälkeen sotatoimien suunnittelun ja toteuttamisen ohella piti huolehtia siviilihallinnon

järjestämisestä, ja mikä tärkeintä, piti ratkaista pääkysymys: millä ehdoilla Suomen alueet oli liitettävä osaksi Venäjän valtakuntaa.

Aleksanteri I:n alkuperäisen suunnitelman mukaan, jotka julistettiin 5. (17.) heinäkuuta 1808 annetussa Manifestissa, Suomen kansalle annettiin tasavertaiset oikeudet, samat kuin muillakin Venäjän keisarikunnan kansoilla.

Vuoden 1808 loppuun mennessä, kun alkoi taas hämmöttää mahdollinen vastakkainasettelu Ranskan kanssa, Suomen pikainen rauhoittaminen muuttui tärkeimmäksi tehtäväksi keisarikunnan luoteisosassa. Piti hyvin lyhyessä ajassa osoittaa Suomen kansalle ne edut, joita sille koitui sen uudesta asemasta. Tämä pidättäisi suomalaiset ryhtymästä oppositioon Venäjää kohtaan kansainvälisen kriisin sattuessa.

Vuoden 1808 lopussa sodan jatkuessa otettiin ensimmäisiä askeleita Suomen erikoisaseman muotoutumiseksi Venäjän keisarikunnassa. Valmisteltiin Suomen hallituksen luonnos – hallituskonseljin eli «Päähallinnon komitean» paikkana oli Hämeenlinna (Tavastehus). 19. marraskuuta (1. joulukuuta) 1808 Aleksanteri I hyväksyi luonnoksen kokonaisuudessaan ja päätti, että kaikki Suomen asiat esitellään suoraan hänelle ilman ministerien käsittelyä.

Näin laskettiin peruskivi Suomen suuriruhtinaskunnan autonomialle, ja oma keskushallinto turvasi jatkossa Suomen siviilihallintoelimen riippumattomuuden keisarillisista virastoista, koska se oli tilivelvollinen vain keisarille.

Niinä joulukuun 1808 päivinä Suomi sai ensimmäisen kenraalikuvernöörinsä, G. M. Sprengtportenin, ja 25. joulukuuta 1808 (6. tammikuuta 1809) Aleksanteri I lisäsi arvonimensä luetteloon vielä yhden nimen tultuaan Suomen suuriruhtinaaksi.

Nämä päätökset täydennettiin Manifestilla, joka annettiin 7. (20.) tammikuuta 1809 ja jossa keisari kutsui Suomen säädyt koolle Porvoon valtiopäiville. Keisari Aleksanteri I julisti valtiopäivät avatuiksi ja ilmoitti vahvistavansa maan uskonnon ja perustuslait sekä säätyjen ja kaikkien ruhtinaskunnan asukkaiden oikeudet ja erioikeudet ja pitävänsä ne järkkymättömästi voimassa.

Venäjän keisarikunnan osana olleen Suomen hallinnollisen järjestelmän muodostumisen ensimmäinen vaihe päättyi vuoden 1811 loppuun mennessä.

Suomen suuriruhtinaskunnan autonominen asema muuttui historiallisen kehityksen myötä. Periaateratkaisuja tehtiin sekä ennen Porvoon valtiopäiviä että niiden päätyttyä. Porvoon valtiopäivät olivat tuon prosessin yksi vaihe. Koska niihin liittyi juhlallinen seremonia, jonka tarkoituksena oli osoittaa Euroopan maille ja Suomen kansalle suuriruhtinaskunnalla olevan erityinen asema Venäjän keisarikunnassa, Porvoon valtiopäivistä tuli tapahtuneiden muutosten kaikkein näkyvin vertauskuva.

Leo Suni,
historiatieteiden tohtori, professori,
Pohjois-Euroopan maiden historian laitos,
Petroskoin valtionyliopisto
(Suomentanut L. Kolomainen)

SUOMEN SOTAA 1808–1809 KOSKEVA RUOTSALAINEN JA SUOMALAINEN HISTORIAN-KIRJOITUS

Harvoja poikkeuksia lukuun ottamatta vuosien 1808–1809 sotaa on tutkittu Venäjällä, Ruotsissa ja Suomessa, ja tutkimuksia yhä jatketaan (Suomen historian Viimeisten kahdensadan vuoden aikana vaikuttaneet tutkijat voidaan kansalaisuutensa (ei kielensä!) puolesta viimeisten kahdensadan vuoden aikana vaikuttaneet tutkijat voidaan jakaa kolmeen ryhmään. Aina 1890-luvulle saakka etusija kuului venäläisille: tsaari Nikolai I:n aikana Suomen sotaa tutkivat P. K. Suhtelen ja A. I. Mihailovski-Danilevski, Aleksanteri III:n aikana M. Borodkin ja K. Ordin. Ruotsalaiset nousivat etualalle saatuaan vuonna 1922 päivänvaloon Ruotsin pääesikunnan tuottaman virallisen historian tutkimuksen. Venäläiset historiantutkijat vastustivat puolestaan ruotsalaisten kannanottoja, mutta käyttivät silti hyväkseen noita tutkimuksia, jotka venäjännettiin juuri Haminan rauhan 100-vuotisjuhlavuonna. Viimeinen tsaari-Venäjän aikana valmistunut historian tutkimus oli pääesikunnan everstin Pjotr Niven vuonna 1910 ilmestynyt teos, joka pohjautui ruotsalaisiin aineistoihin yhtä paljon kuin kotimaisiin, mistä tekijää arvosteltiin mm. Vojennyi Sbornik – aikakauslehdessä. Uuden vuosisadan aikana ja erityisesti vuoden 1918 jälkeen etualalle tulivat itsenäisen Suomen historioitsijat ja kustantajat. Toisin sanoen Suomen sodan historiaa kirjoittivat aluksi voittajien maanmiehet eli tsaari-Venäjän historiantutkijat. Ruotsalaiset (korostan vielä kerran, että ruotsinruotsalaiset) historioitsijat liittyivät tähän työhön myöhemmin kuin venäläiset. He käyttivät aluksi hyväkseen venäläistä aineistoa ja vasta vuosisadan vaihteessa nousivat joksikin aikaa Suomen sodan historiaa tutkivien kärkeen.

Ensimmäisen maailmansodan jälkeen niin venäläiset kuin ruotsalaisetkin historiantutkijat menettivät pitkäksi aikaa kiinnostuksensa vuosien 1808–1809 sotaan. Etusijalle nousivat vihdoinkin suomalaiset, ja tämän näkee jo siitäkin, kuinka paljon huomiota osoitetaan Suomen sodan 200-vuotispäivälle jokaisessa noista kolmesta maasta – Venäjällä, Ruotsissa ja Suomessa. Se kasvaa siirtyäessä maasta toiseen. Nykyään 2000-luvulla yhteistyössä suomalaisten historioitsijoiden kanssa ovat ruotsalaiset ja vähemmässä määrin venäläiset historiantutkijat. Yhteistyönä ovat juuri ilmestyneet monikansalliset Suomen sotaa 1808–1809 käsittelevät historiategit (esimerkiksi ruotsinkielinen Krig kring Kvarnen ja erityisesti suomenkielinen Suomen sodan 1808–1809 historia 2008). Suomen sodan 200-vuotispäivän merkeissä järjestetyt tapahtumat eroavat selvästi niistä, joita oli Suomen sodan 100-vuotispäivänä, joka sattui samaan aikaan, jolloin Stolypinin alulle panema Suomen autonomian vastainen kampanja oli kuumimmillaan. Pjotr Niven kirja ei ollut sattumalta omistettu kenraalikuvernööri Bobrikovin muistolle (suomalainen nationalisti ampui Bobrikovin ja sen jälkeen itsensä).

Ammatillisessa mielessä Suomen sodan 1808–1809 historiasta kirjoittaneet tutkijat jakautuvat samoin sotilaisiin ja siviilihenkilöihin. Sotahistorioitsijat ovat ensiksi ammatiltaan sotilaita ja toiseksi siviilihenkilöitä, jotka tunnetaan ennen kaikkea sotahistorioitsijoina. Tällaisen luokituksen pohjalta selviää, että tutkimamme sodan ensimmäiset tutkijat olivat itse osallistuneet sotaan, heidän joukossaan venäläiset (isä ja poika Suhtelen, A. I. Mihailovski-Danilevski) ja ruotsalaiset (G. A. Montgomery). Vuosisadan vaihteen johtavana ruotsalaisena sotakirjoittajana oli eversti, entinen Ruotsin pääesikunnan johtaja C. O. Nordensvan (1898). Vallankumousta edeltävänä kautena Venäjällä sotaa tutkivat eversti Pjotr Nive (1910) ja kenraali Mihail Borodkin, Stalinin aikana taas eversti Georgi Zaharov (1940). Sotien välisenä aikana ja ensimmäisinä sodanjälkeisinä vuosina heidän tilalleen tulivat heidän siviilikollegansa: Suomessa koko joukko tutkijoita Bondsdorffeista alkaen (isä Carl Gabriel von Bondsdorff ja poika Lars Gabriel von Bondsdorff), E. K. Osmonsalo (1947), E. Hornborg (1955) ja Päiviö Tommila (1962); Ruotsissa Sten Carlsson (1944), Wilhelm Odelberg (1954), Martin Hårdstedt (1999), Lars Berg ja Hans Norman (eri aikona, viimeksi 2009); ja vihdoinkin Neuvostoliitossa I. I. Käiväräinen (1965) sekä Neuvostoliiton hajottua nykyisin toimivat tutkijat. Nykyisen vuosijuhlan merkeissä julkaistussa kirjallisuudessa etusija kuuluu taas sotahistorioitsijoille, joiden kärkihahmona on Jussi Lappalainen.

Suomen sodan 1808–1809 historia on myös poliittista historiaa. Siksi on luonnollista kysyä, mitkä poliittiset kehityssuunnat olivat vallalla sotaa 1808–1809 käsittelevässä historiantutkimuksessa eri aikoina. Suomen sota vai kerran oli historiantutkijoiden poliittisen kiistan aiheena. Se tapahtui 1800- ja 1900-luvun vaihteessa, kun käytiin oikeuksia koskevaa venälis-suomalaisesta keskustelua. Muuten poliittiset intohimot eivät vaikuttaneet Suomen sodan 1808–1809 sotapoliittisten tapahtumien kuvaukseen. Mainittakoon esimerkiksi, että suomalaiset porvarilliset

historiantutkijat valottivat sotien välisen kaksikymmentä vuotta kestäneen kauden aikana objektiivisesti sekä Aleksanteri I:n politiikkaa valloitetussa Suomessa, että Suomen kansan eri säätyjen suhtautumista vallanvaihtoon ja alamaisuudessa tapahtuneisiin muutoksiin omassa maassaan.

Kansainvälinen ja sisäinen poliittinen tilanne ovat tietenkin kummankin vuosijuhlan taustana. Jyrkät käännökset Ruotsin ja Suomen välisissä suhteissa ja vielä suuremmassa määrin Suomen ja sen itänaapurin välisissä suhteissa vuosina 1901, 1918, 1940, 1944, 1991 ovat vaikuttaneet historiantutkijoihin ja muuttaneet heidän tekemiensä kuvausten sävyjä. Toista vuosijuhlaa vietettiin aivan eri merkeissä – Suomen ja Venäjän väliset suhteet ovat nyt todella hyviä ja tasavertaisia naapuruussuhteita – ja kaikissa kolmessa maassa ei nyt ole havaittavissa poliittisia fobioita. Venäläiset diplomaatit osallistuvat Suomessa järjestettäviin juhlatapahtumiin. Noista tapahtumista tärkein on johtavan suomalaisen historioitsijan Matti Klingen kirjoittama kirja Napoleonin varjo (2009, kirjan kielenä suomi), jossa tekijä ylistää ja kiittelee keisari Aleksanteri I:stä tämän suuriruhtinaskunnassa harjoittamasta politiikasta ja lainaa sen ajan suomalaisia. Vuonna 2008 Turun kaupunginjohto kannatti Venäjän pääkonsulaatin ehdotusta ja asetti muistolaatan yksikerrokseen taloon, missä elokuussa 1812 kävivät liittolaisneuvotteluja Aleksanteri I ja Ruotsin kruununprinssi Kaarle Juhani (Bernadotte). Ei ole mitään esteitä pohtia vapaasti ja ennakkoluulottomasti sellaisia Suomen sodan 1808–1809 tapahtumia, kuten sissisotaa, sotaa käyvien armeijoiden huolto, venäläisten sotilaiden Pohjois-Ruotsiin jäämisen tapaukset. Olihan tämä sota tuonut venäläisen sotilaan ensimmäisen kerran alueelle, jossa talonpoika oli todella vapaa!

*Aleksandr Kan,
historiatieteiden tohtori, professori,
Uppsalan yliopisto, Ruotsi*

(Suomentanut L. Kolomainen)

20 октября 2009 года исполнилось 60 лет заведующему кафедрой русской литературы, доктору филологических наук, профессору, члену редакционного совета нашего журнала *Владимиру Николаевичу Захарову*.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗАХАРОВ К 60-летию со дня рождения

Владимир Николаевич родился в 1949 году в г. Мурманске. В 1972 году окончил историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета по специальности «Русский язык и литература» и начал работать преподавателем кафедры русской и зарубежной литературы. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фантастическое в эстетике и творчестве Ф. М. Достоевского», в 1988 году – докторскую диссертацию на тему «Система жанров Достоевского: типология и поэтика». В 1985 году стал заведующим кафедрой. С 1989 года Владимир Николаевич – профессор.

В. Н. Захаров ведет активную и плодотворную научно-исследовательскую деятельность. Он автор двух монографий и более чем ста семидесяти статей, посвященных изучению русской литературы, прежде всего – творчества Ф. М. Достоевского, которые опубликованы в нашей стране, а также в Великобритании, Норвегии, Германии, Японии, Польше, редактор со рока трех изданий. В. Н. Захаров является главным редактором полных собраний сочинений Достоевского в издательствах «Воскресенье» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 18 т. М., 2003–2005) и Петрозаводского государственного университета (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. Т. 1–7. Петрозаводск, 1995–2006. Издание продолжается).

В. Н. Захаров – участник многих международных научных конференций, в том числе VII–XIII Симпозиумов Международного общества Достоевского. На X Симпозиуме в Нью-Йорке он был избран вице-президентом этой организации.

Владимир Николаевич – создатель и глава научной школы на кафедре русской литературы ПетрГУ по изучению евангельских традиций в отечественной словесности. По его инициативе на базе кафедры прошли шесть международных конференций «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр». Эти мероприятия, так же как и научная работа кафедры в указанном направлении, вызвали широкий международный резонанс: в конференциях приняли участие ученые из разных стран мира. Материалы конференций опубликованы в пяти одноименных сборниках, вышедших под редакцией В. Н. Захарова в 1994–2008 годах.

Под руководством В. Н. Захарова кафедра русской литературы превратилась в признанный научный центр изучения истории русской литературы и проблем текстологии. Здесь ведется работа по созданию новой концепции истории отечественной словесности, учитывающей ее духовные традиции. Под руководством В. Н. Захарова защищено девять кандидатских диссертаций, он регулярно оказывает консультативную помощь соискателям ученой степени доктора наук.

В. Н. Захаров является активным сторонником внедрения в научные исследования и педагогическую практику новых информационных технологий. Благодаря ему на факультете работает web-лаборатория и текстологическая группа. Их сотрудники под руководством и при непосредственном участии Владимира Николаевича занимаются подготовкой к изданию произведений отечественных писателей, составляют современные научные комментарии к ним, вносят существенные исправления в прочтение рукописей, обнаруживают неизвестные до сих пор тексты классиков.

Научная и педагогическая работа В. Н. Захарова заслужила признание в России и за рубежом. Он отмечен Андреевской премией Головного совета по филологии, награжден орденом преподобного Сергия Радонежского III степени Русской Православной Церкви, ему присвоены звания «Заслуженный деятель науки Республики Карелия» и «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

С 2001 года В. Н. Захаров работает заместителем директора Российского гуманитарного научного фонда, но продолжает плодотворное сотрудничество с филологическим факультетом и университетом в целом.

Поздравляем Владимира Николаевича с юбилеем и желаем ему здоровья и новых успехов в научной и педагогической деятельности!

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В. Н. ЗАХАРОВА

Монографии

1. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. 110 с.
2. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.

Статьи

1. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
2. Поэтические принципы изображения характеров у Достоевского // Русская литература 1870–1890 годов: Проблема характера: Межвуз. сб. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. С. 64–72.
3. О сюжете и фабуле литературного произведения // Принципы анализа литературного произведения: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 130–136.
4. Прошлое, настоящее и будущее русской литературы // Современные проблемы метода, поэтики и жанров русской литературы: Межвуз. сб. / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 1991. С. 3–10.
5. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики: Художественные и научные категории. Вып. 2. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. С. 3–9.
6. Читатель как субъект повествования в «Братьях Карамазовых» // Достоевский и современность. Ч. II. Новгород, 1993. С. 56–62.
7. О христианском значении основной идеи Достоевского // Ф. М. Достоевский и мировая культура. Альманах № 2. СПб., 1993. С. 5–13.
8. Парадоксы признания: Проблема «традиций Достоевского» в культуре XX века // Dostoevsky and the Twentieth Century / Ed. Malcolm V. Jones. Nottingham: Astra Press, 1993. P. 19–35.

9. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты произведений Достоевского: Сб. статей / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 37–49.
10. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе 18–20 веков: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр: Сб. статей / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 3–11.
11. Подлинный Достоевский // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 5–13.
12. Умиление как категория поэтики Достоевского // Celebrating Creativity. Essays in honour of Jostein Bortnes / Edited by Knut Andreas Grimstad & Ingunn Lunde. University of Bergen, 1997. P. 237–255.
13. Orthodoxy and Ethnopoetics of Russian Literature // Cultural Discontinuity and Reconstruction: the Byzanto-Slav heritage and the creation of a Russian national literature in the nineteenth century / Edited by Jostein Bortnes & Ingunn Lunde. Editorial advisors: Ursula Phillips & Diane Oenning Thompson (Slavica Norvegica, IX). Oslo: Solum forlag A/S, 1997. P. 11–28.
14. Dostojewskij unter dem Aspekt neuer Informationstechnologien // Das Prophetische in Dostojewskijs Dämonen. Weimar: VDG, 1998. S. 159–166.
15. Нужна ли текстология Интернету? // Slavonic Studies. The Journal of the Russian Department, Graduate School of Letters, Hokkaido University. № 5–1. Sapporo, 2001. P. 78–90.
16. Сокровенное Достоевского и Фета: Неслучайная встреча 1866 года // Translating Culture. Essays in Honour of Erik Egeberg. Oslo: Solum Forlag, 2001. P. 263–272.
17. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Евангельский текст в русской литературе 18–20 веков: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр: Сб. статей. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 5–20.
18. Россия и Польша: «Роковой вопрос» Достоевского // Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie wspolczesne. Lodz, 2003. S. 149–154.
19. О глубинных совпадениях Достоевского и Солженицына // Между двумя юбилеями. 1998–2003. Писатель, критик, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 409–413.
20. Dostoevsky's fantastic pages // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds. Essays in Honour of Malcolm V. Jones / Edited by Lesley Milne and Sarah Young. Ilkeston, Derbyshire: Bramcote Press, 2006. P. 239–253.
21. Вопрос о А. С. Хомякове в журнале братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: Сб. науч. тр. Т. I. М., 2007. С. 305–320.
22. «Безобразна» ли поэзия? // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2007. № 1. С. 31–35.
23. Осанна в горниле сомнений // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М., 2007. С. 694–710.
24. Проблема жанра в «школе» Бахтина (Бахтин, Медведев, Волошинов) // Русская литература. 2007. № 3. С. 19–30.
25. Самозванство и двойничество в изображении Достоевского: историко-культурные аспекты // А. М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 171–177.
26. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура. СПб., 2008. С. 43–50.
27. «...Нас, что ни говори, еще очень мало»: Неизвестное письмо Достоевского // Литературная газета. 2009. № 24. 10–16 июня.
28. Воскрес ли мертвый Христос? // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. проф. В. Н. Захарова. Т. 8. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 634–660.
29. России нужна «Rossica» // Цифровое наследие. 2009. № 1. С. 26–29.

12 декабря 2009 года исполняется 85 лет доктору экономических наук, профессору кафедры экономической теории и финансов экономического факультета *Сергею Николаевичу Полякову*.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОЛЯКОВ **К 85-летию со дня рождения**

Сергей Николаевич Поляков родился в 1924 году в Петрозаводске. Представитель поколения победителей, он в полной мере испытал и славу, и радость, и горе, и тяжесть, выпавшие на долю нашего Отечества. Честно воевал армейским разведчиком, был тяжело ранен.

В 1949 году Сергей Николаевич окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, а затем аспирантуру при кафедре политической экономии Карело-Финского государственного университета. Кандидатскую диссертацию на тему «Новые формы социалистического соревнования на железнодорожном транспорте» защитил в 1954 году; докторскую диссертацию на тему «Основные производственные фонды: их общественная потребительная стоимость, измерение и развитие» по специальности «политическая экономия» – в 1981 году в Ленинградском финансово-экономическом институте. С. Н. Поляков является специалистом в области политической экономии и экономической истории советского периода. Основные научные идеи и результаты его трудов заключаются в следующем: 1) основные производственные фонды, их потребительная стоимость как общественная полезность; 2) исходные условия измерения полезности основных производственных фондов; 3) единая система показателей основных фондов; 4) динамика структуры основных фондов как показатель целевой функции развития экономики; 5) оценка с позиций современного мира экономического учения К. Маркса; 6) противоречия в теории и практике отечественной экономики советского периода; 7) экономические реформы в СССР: надежды и реальность.

С 1952 года (!) С. Н. Поляков работает в Петрозаводском государственном университете. За почти 60 лет своей карьеры в нашем вузе он прошел путь от аспиранта (1952 год) до заведующего кафедрой политической экономии (1964 год), декана экономического факультета (1980 год), доктора экономических наук (1983 год), профессора (1985 год). Большинство преподавателей экономического факультета справедливо считают Сергея Николаевича своим наставником, учась у него профессиональному отношению к делу, гордости за свою профессию, верности традициям нашего вуза. И сегодня Сергей Николаевич в строю. Он работает на кафедре. Он бодр, деятелен, открыт для новых идей, остается примером для подражания.

Участник и инвалид Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки РК, С. Н. Поляков имеет правительственные награды.

С глубочайшим уважением и восхищением поздравляем Сергея Николаевича со славным юбилеем и желаем ему здоровья и творческих успехов!

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложении в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится

в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Verigin S. G.

TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE SOVIET- FINNISH (WINTER) WAR OF 1939–1940. FORMATION AND MILITARY ACTIONS OF THE FINNISH PEOPLE’S ARMY IN THE SOVIET-FINNISH WAR 1939–1940

Summary: The paper focuses on the history of the formation and military operations of the Finnish People’s Army during the Soviet Finnish war of 1939–1940. This body of troops, formed with the purpose to assist the National Government of Finland, headed by Otto Kuusinen, pursued not so much military goals as political ones. When the Finnish revolution suffered a crucial defeat, the Finnish People’s Army was disbanded, and on its base, the 71st infantry division was formed. The Karelians were among the members of this division.

Key words: Finnish People Army, Soviet-Finnish (Winter) War7

Laidinen E. P.

KARELIAN AGENCIES OF STATE SECURITY DURING THE TIME OF THE SOVIET- FINNISH WAR

Summary: The article is devoted to the issues of preparations and participation of Karelian State Security Agencies in the Soviet-Finnish War of 1939–1940.

Key words: Soviet-Finnish War Karelia, Agency of State Security, operative brigade, prisoners of war, internee, the Finnish People’s Army19

Nikulina T. V., Kiseleva O. A.

«THE INFAMOUS WAR...»: MEMORIES OF KARELIAN CIVIL POPULATION OF THE SOVIET FINNISH (WINTER) WAR

Summary: The article, based on biographical interviews collected by methods of oral history, focuses on the problem of historical memory formation of the Winter War period in the Karelian civil population.

Key words: The Winter war, civilian population, Karelia, historical memory, oral history27

PHILOLOGY

Starigina N. N.

A BELIEVING PERSON: THE AUTHOR AND CHARACTERS IN THE CYCLE OF STORIES BY N.S. LESKOV «STORIES TO THE PURPOSE»

Summary: N. S. Leskov was always interested in the phenomena of devoutness and faith. His journalism of 1880–1886 and a cycle of stories «Stories to the Purpose» are the best evidence of his passion. The writer’s understanding of belief does not contradict to Christian theological interpretation of faith. Featuring a believing person, N. S. Leskov adheres to Christian spiritual and esthetic traditions.

Key words: Featuring a believing person, faith, belief, journalism, Christian symbols author34

Tarasova N. A.

SEMANTICS AND IDEOGRAPHY OF CONVENTIONAL SIGNS IN DRAFT MANUSCRIPTS OF «TEENAGER», THE NOVEL WRITTEN BY F.M. DOSTOEVSKY

Summary: The article deals with poorly studied aspects of F. M. Dostoevsky creative writing: semantics and ideography of conventional signs, graphically depicting the content of the artistic ideas, and peculiarities of topic elaboration in the writer’s drafts.

Key words: Problems of textology, problems of poetics, creative work of F. M. Dostoevsky45

Ivanova L. I.

EPIPHANY WOMAN: QUESTIONS OF SEMANTICS AND SPATIOTEMPORAL ASPECTS OF THE IMAGE (based on the materials of North Karelian mythological prose)

Summary: The article reviews one of the most ancient mythological characters existent in the north of Karelia only. The

following functions are analyzed: appearance, time and advent of the Epiphany woman. In a special manner, this character identifies spatiotemporal aspects of the most sacred period of the year, the eve of the Epiphany. A duration during which not only a subject of the action, a person but also the time and location find themselves in a liminal position.

Key words: Northern Karelia, Epiphany woman, Christmas tide, fate, averter53

Kundozerova M. P.

ANTHROPOMORPHOUS MODEL OF THE UNIVERSE IN KARELIAN EPIC RUNE SONGS

Summary: The paper is devoted to the examination of the anthropomorphous model of the Universe in Karelian epic rune songs portraying the world creation. Two intertwined visualizations of the origin of the world can be traced back with the help of these sources: zoomorphous one, according to which the world was created from the parts of an egg and anthropomorphous one, which brings out a concept of the world creation from the parts of the first human being – Väinämöinen).

Key words: Zoomorphous model of the Universe, anthropomorphous model of the Universe, motive for the formation of the seabed, identification of the Väinämöinen's knee with a tussock or an island, creation of the first human being, Väinämöinen's death62

ECONOMICS

Isakov V. A., Zekunenko D. A.

TAXASATION INSTITUTIONS AND TAX STRUCTURE IN MODERN RUSSIA. PART 2

Summary: The article analyzes the influence of opportunistic behavior of taxation institutions as well as correlation between taxation institutes and traditional characteristics of the tax system.

Key words: Neoinstitutionalism, transaction cost, opportunistic behavior, taxation system, tax optimization66

Kiyski A. V.

EFFICIENCY ESTIMATION OF THE THERMAL ENERGY SOURCES COMPETITION IN THE CITY CENTRALIZED HEAT SUPPLY SYSTEM (CASE STUDY, PETROZAVODSK)

Summary: The article evaluates economic efficiency of the competition among different heat supply sources within the bounds of a single centralized city heating system, using as an example a particular inhabited locality, in the context of the functional cost of the system on the whole, separate sources in its structure and consumers' tariffs.

Key words: Centralized heat supply system, heat supply sources competition, natural monopoly, heat energy rate, state regulation of tariffs, energy economy, economy of communal infrastructure70

REVIEWS

Novikova I. N.

The book review: *Russian Military Personnel and Finnish Population in the Years of the First World War (1914–1918)* written by E. Y. Dubrovskaya75

Golubev A. V.

The book review: *The Forsaken. From the Great Depression to the Gulags: Hope and Betrayal in Stalin's Russia* written by T. Tzouliadis77

Linnik Y. V.

The book review: *Finland in the Literary and Artistic Heritage of the Russian Advance Guard* written by E. G. Soini80

Vayar S.

The book review: *Selected Works on Linguistics and Philology* written by Z. K. Tarlanov82

Loiter S. M.

The book review: *History of the Russian Folklore Studies in the XX century: 1900 – and the First Half of the 1941* written by T. G. Ivanova84

Pigin A. V.

The book review: *Folklore Studies: Sources, Genesis, and Poetics* written by Yu. V. Rozanov90

Babalik M. G.

The book review: *Collection of the Field Ethnographical surveys* written by K. K. Loginov93

SCIENTIFIC INFORMATION95

International scientific conference «Russia in the multipolar World: 1809–2009». Welcome address and theses of plenary reports (in Russian and Finnish).....96

JUBILATION

To the 60th Birthday Anniversary of V. N. Zakharov112

To the 85th Birthday Anniversary of S. N. Polyakov114

INFO FOR THE AUTHORS115

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ: инструмент для оценки научной деятельности и механизм продвижения научных журналов

Во всем мире одним из ключевых показателей для оценки работы отдельных исследователей и научных коллективов, влияния на развитие науки, определения качества исследований служит индекс цитирования авторов и импакт-фактор журнала (как средний показатель цитируемости его авторов). Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию автора в других источниках. Для корректного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок, но и качество самих ссылок. На статью может ссылаться авторитетное издание или популярный иллюстрированный еженедельник. Значимость таких ссылок разная. Для решения проблемы определения значимости периодического издания разработан свой индекс цитирования – импакт-фактор. В индексе цитирования заинтересованы все те, кто имеет отношение к науке и образованию: 1) Ученые с помощью индекса цитирования отслеживают текущую актуальную библиографию работ по своей тематике. 2) Чиновники, учитывая индексы цитирования, принимают решение о выделении финансовой поддержки для исследовательской деятельности отдельного ученого или научного коллектива. 3) Администраторы университетов и институтов на основании показателей цитирования и объема опубликованных работ определяют размеры финансового вознаграждения своих сотрудников. 4) Издатели научной литературы, используя импакт-факторы журналов, оценивают качество изданий, их авторитет и востребованность как научного продукта.

Федеральное агентство по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ и Научная электронная библиотека занимаются реализацией проекта «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)». РИНЦ – это специализированная база данных по российским научным периодическим изданиям, создаваемая на основе индексирования библиографических описаний статей, аннотаций или рефератов, а также пристатейных ссылок цитируемой литературы. База оснащена мощной поисковой системой, способной реализовать поисковые запросы различной сложности. Благодаря этому продукту можно получать точные данные по индексу цитирования авторов и импакт-факторам журналов.

**ЖУРНАЛ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ВКЛЮЧЕН
В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
(РИНЦ) В ИЮЛЕ 2008 ГОДА.**

ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕРИЮ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ» МОЖНО ПО КАТАЛОГУ ИЗДАНИЙ ОРГАНОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» (ИНДЕКС 66094)